

А.А. Залевская

**ВОПРОСЫ
ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА**

ТВЕРЬ 2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»

Кафедра теории языка и перевода

А.А. Залевская

ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА

Монография

Тверь 2018

УДК 88'22
ББК Ш 100.2
З-23

Монография рекомендована к опубликованию кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета (протокол № 5 от 19 января 2018 г.).

Залевская А.А.

З-23 Вопросы естественного семиозиса: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – 160 с.

ISBN 978-5-7609-1338-8

Книга фокусируется на вопросах, связанных с обсуждением идей Ч.С. Пирса. В противовес установившемуся мнению о чисто логических основаниях трактовки знака Ч.С. Пирсом приводятся свидетельства реализации им комплексного подхода, сочетающего разработку философских принципов общей теории знаков, использование феномена в качестве материала для исследования, обоснование роли перцептивного суждения и переживания в познании, моделирование знаковой ситуации с детальным анализом получаемых результатов при учёте особенностей ощущений, переживаний, воображения, воли, намерений и т.д., а также объяснение формируемых пропозиций прагматической мотивацией совершаемых действий. Обсуждается постулируемая Пирсом структура науки о знаке.

Книга может быть интересной для исследователей знаковой ситуации, процессов речемыслительной деятельности, идентификации слова, понимания текста и т.п.

***Ключевые слова:** Пирс, теория знаков, перцептивное суждение, переживание, моделирование, интерпретанта.*

УДК 88'22
ББК Ш 100.2

© Залевская А.А., 2018
© Тверской государственный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть 1.	
НА ПУТИ К ПИРСУ	
Вводные замечания	7
1.1. Семиозис в действии	8
1.2. Некоторые особенности естественного семиозиса	17
1.3. Психолингвистические проблемы семиозиса	32
1.4. «Достаточный семиозис» при взаимодействии языков и культур	45
1.5. Различные подходы к проблеме семиозиса	52
Часть 2.	
ЧИТАЯ ТРУДЫ Ч.С. ПИРСА	
Вводные замечания	62
2.1 Интегративный подход к проблеме знака в трудах Ч.С. Пирса	65
2.2. «Идея вещи», «перцептивное суждение» и «значение» при межъязыковых / межкультурных контактах	75
2.3. Абдукция как поиск нового знания	86
2.4. О психолингвистической проекции текстов Ч.С. Пирса	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110
ЛИТЕРАТУРА	112
Использованные словари	119
Условные обозначения и список цитируемых работ Ч.С. Пирса	121
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	123
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	132
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	140

ПРЕДИСЛОВИЕ

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis...

«... as pragmatism teaches us, what we think is to be interpreted in terms of what we are prepared to do» [ТЕР 1998: 141]

Гуманитарии, чьи научные интересы формировались с середины XX века, испытали на себе влияние ряда глобальных идей, овладевавших умами представителей разных наук. Это были идеи теории больших систем, теории относительности, кибернетики, синергетики и, конечно, семиотики – во всех этих случаях проявлялось стремление найти некоторый универсальный принцип видения мира и проявляющихся в нём закономерностей, необходимый для разработки теории высокой объяснительной силы. Мною лично семиотика первоначально воспринималась как чисто формальный подход к продуктам речемыслительных процессов, но не к самим процессам, чему способствовало знакомство с высказываниями Чарльза Морриса относительно того, что семиотика не имеет ничего общего с реальным функционированием знаков. Этому также способствовало то, что в подборке публикаций по проблемам семиотики [Семиотика 1983] вошла только одна глава из книги Ч.С. Пирса, не позволявшая составить представление ни об общей концепции Пирса, ни об используемом им методе исследования. Это давало основания для заключения, что Пирс рассматривал исключительно логический аспект функционирования знака, поскольку на это полностью ориентировали многие публикации, как и название второго тома редакторской компиляции трудов Пирса – «Логические основания теории знаков» [Пирс 2000].

Углублённое ознакомление с текстами самого Пирса, опубликованными на английском и русском языках [Пирс 2000: ТЕР 1998], и с анализом творческой жизни Пирса его биографом [Atkin 2005; Peirce's

Theory of Signs <http>] послужило импульсом для полного пересмотра сформировавшихся ранее представлений, поскольку оказалось, что некоторые идеи Пирса толкуются частью комментаторов «с точностью до наоборот», в том числе за счёт рассмотрения тех положений, которые высказывались в начале творческой жизни учёного и претерпели значительные изменения на последнем этапе разработки теории знаков, намного опередившей некоторые современные представления о специфике знаковой ситуации. Более того, стало очевидным, что Пирс мучительно искал ответы на вопросы, непосредственно связанные с процессом познания и с задачами чёткого оформления мысли в целях взаимопонимания при общении; недостатком современных ему наук Пирс считал излишний формализм, мешающий добраться до сути анализируемых феноменов, отражающих реальные знаковые процессы, которые, как мне представляется, можно считать естественным семиозисом.

В определённой мере неоднозначность трактовки концепции Пирса проистекает из трудностей понимания написанных им текстов. Пирс и сам отдавал себе отчёт в том, что суть разрабатываемых им идей не доходит до читателя, которому приходится прорываться через множество препятствий, мешающих понять и оценить его наиболее общую идею модусов (т.е. способов проявления) сущности бытия, через призму которой он пропускает всё обсуждаемое. Действительно, к числу несомненных трудностей относится постоянная необходимость прорываться через такие препоны:

- многоэтапное абстрагирование Пирса как вдумчивого философа;
- его стремление пользоваться терминами философской традиции, идущей от Аристотеля, Канта, Гегеля и других выдающихся мыслителей прошлого;
- использование меняющихся терминов при разностороннем анализе примеров знаковых событий как наблюдаемых феноменов;
- базирующееся на чистых отношениях обобщение результатов теоретического анализа фактов, предпринятое Пирсом-математиком, желавшим вывести конечную «формулу» сути наблюдаемого, и т.д.

Трудно представить себе современного читателя, обладающего энциклопедической эрудицией Пирса и его способностью к восхождению от чувственной конкретики иконического знака через разносторонний

кропотливый анализ многосторонних отношений при абстрагировании в терминах общности и далее – всеобщности...

В последние годы жизни Пирс не оставлял надежду просто и понятно рассказать читателям о том, ЧТО и КАК он искал в течение своей творческой жизни; он хотел показать, КАК и ПОЧЕМУ менялись в его работах те или иные термины и формулировки; КАКОЙ он видел структуру общей науки о знаках, что помогало ему расширять и углублять свои представления о РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗНАКА, особенностях его формирования и функционирования.

Полностью понять идеи Пирса едва ли возможно: для этого надо сначала изучить идеи тех мыслителей, на которых он опирался, и тот современный ему научный контекст, в котором разрабатывались его собственные идеи семиотики, прагматики, знакового события и т.д. Поэтому предлагаемую мною трактовку теории Пирса следует воспринимать в роли попытки показать, как его концепция воспринимаются через призму многолетнего (с 1960-х гг.) экспериментального исследования процессов идентификации слова и понимания текста, предпринятыми мною, моими учениками и коллегами. Вполне понятно, что это всего лишь одно из возможных прочтений трудов Пирса (их «читательская проекция»), к тому же далеко не всех его трудов, а только доступных здесь и сейчас. Не исключено, что расширение круга доступных подлинных текстов Пирса заставит пересмотреть некоторые выводы и пойти по пути, показанному самим Пирсом, который считал своим долгом признавать недостаточность оснований для некоторых выводов или ошибочность формулировок, требующих уточнения или пересмотра.

Сказанное выше объясняет деление предлагаемой книги на две части; первая имеет целью показать пройденный путь формирования читательской (временами ошибочной!) проекции идей Пирса, в то время как во второй части обсуждаются вопросы, возникающие в ходе чтения трудов Пирса с соответствующих позиций.

Выражаю сердечную признательность за то, что Тверской государственный университет наградил меня сертификатом на публикацию этой книги.

А.А. Залевская
Тверь, январь 2018

Часть 1.

НА ПУТИ К ПИРСУ

Вводные замечания

Включённые в эту часть книги тексты отражают динамику отношения к теории знаков с позиций читателя, заинтересованного в понимании и объяснении процессов естественного семиозиса.

Тексты глав этой части книги были написаны в разное время и даются в первоначальном виде, т.е. не редактировались после изучения трудов Пирса, хотя теперь некоторые положения его концепции знака воспринимаются иначе, что очевидно из обсуждения тех же вопросов на новом уровне во второй части книги.

Встречающиеся повторы некоторых цитат и положений объясняются тем, что эти тексты были подготовлены как самостоятельные работы, поскольку попытка заявки на грант для разработки проблемы естественного семиозиса не увенчалась успехом. Идея не переделывать уже написанное обусловлена стремлением показать, что недостаточное знакомство с оригинальными текстами неизбежно ведёт к формированию *поверхностной* или *неверной* интерпретации положений, выхваченных из более общего контекста общей концепции учёного, в том числе – за счёт уже сложившейся традиции «навешивания ярлыков», которые направляют восприятие текста начинающим читателем. Именно поэтому приведённые здесь мои тексты следует рассматривать как отображающие попытки подойти к пониманию идей Пирса. Уверена в одном: без таких попыток не могло бы быть второй части книги, которая – в свою очередь – должна рассматриваться как промежуточный этап на пути более глубокого понимания разносторонней концепции Пирса как выдающегося мыслителя.

1.1.

СЕМИОЗИС В ДЕЙСТВИИ

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, принято (вслед за Чарльзом Моррисом) называть *семиозисом*. Логико-рациональное осмысление универсальной сути семиозиса привело к **разрыву** между теоретическими моделями и тем, что в реальных обстоятельствах успешно обеспечивает процессы означивания у пользующегося языком человека. Моррис в свое время справедливо отметил, что семиотика как **наука о семиозисе** столь же **отлична от семиозиса**, как любая наука от своего объекта¹. Причина этого вполне понятна, поскольку, по словам того же Морриса, общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, **что** происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака. И хотя далее сам Моррис уточняет, что не обязательно отрицать индивидуальный опыт процесса семиозиса, повсеместно акцент был сделан на **теоретизировании** в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне согласуется с указанием Умберто Эко на то, что семиология изучает **не мыслительные операции означивания**, но только **коммуникативные конвенции как феномен культуры** (в антропологическом смысле слова). Более того, вслед за Чарльзом Сандерсом Пирсом, исследователи поместили в фокус внимания **логический аспект** теории знака, и предложенная Пирсом весьма продуктивная идея *семиозиса*

¹ В этой главе приводится текст доклада, прочитанного в ходе пленарного заседания, поэтому ссылки на источники не даются и не имеет места членение содержания на параграфы. Такие же цитаты встречаются в дальнейших главах с точными ссылками на оригинальные тексты.

как перевода не получила выхода за пределы системы знаков². Как подчеркивает в этой связи Умберто Эко, «... *интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует знак... Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит **даже в отсутствие интерпретатора**»³. Однако на деле в опирающихся на работы Морриса и Пирса исследованиях обычно имеет место подмена названных понятий (а именно – интерпретанты и интерпретатора), что в значительной мере обусловлено широко известным «семантическим треугольником» Огдена и Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как **прямо отображающая** процесс означивания у индивида, хотя сами авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты.

В последние годы предпринимаются попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д., что можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же – в конечном итоге – «переводится» словесный знак? При этом происходит неизбежный выход **за пределы семиотики**, поскольку в центре внимания оказывается то, что лежит **за словом** у пользующегося им человека, обеспечивая успешность процессов означивания.

К числу примеров такого поиска путей перехода от «чистой» теории к *реальным процессам* семиозиса можно отнести детальный разбор особенностей **перцептивного семиозиса** и **договорного семиозиса**, или **семиозиса по контракту**, в книге Умберто Эко «Кант и утконос», изданной в 1999 году, трактовку **достаточного семиозиса** в работах Хорста Рутрофа

² Это вывод следует признать по меньшей мере неточным. На самом деле формулировка «предложенная Пирсом весьма продуктивная идея семиозиса как перевода не получила выхода за пределы системы знаков» неоднозначна, поскольку не ясно, относится ли это к дальнейшему использованию этой идеи другими авторами или имеется в виду сам Пирс. Если говорить о логическом подходе к знаку в целом, то сделанный мною вывод можно признать справедливым (см. хотя бы приводимые в докладе слова Морриса). Но во втором случае такой вывод, несомненно, является ошибочным, поскольку величайшей заслугой Пирса является именно признание роли того, что он назвал «перцептивным суждением» (см. подробно главу 2.2). Это яркий пример является весьма показательным: ярлык «логический подход», навешенный на работы Пирса, долго не давал мне увидеть суть концепции Пирса, анализировавшего процесс естественного семиозиса в целом.

³ С психолингвистической точки зрения это неверно: знак может стать знаком и что-то означать только в присутствии воспринимающего его индивида. Пирс понимал это и указывал на это как первое условие существования знака как такового. Более того, он говорил о том, что в отсутствие интерпретатора речь идёт о потенциальном значении, которое также включает и всё то, что может быть выведено из содержания знака путем дедукции (см. подробно ниже главу 2.3).

(1998, 2000 г.), **инференциальную теорию** знака, разрабатываемую Патрицией Виоли (2001 г.).

На этом фоне представляется несомненной актуальность исследования специфики того, что я предлагаю называть **СПОНТАННЫМ**, или **ЕСТЕСТВЕННЫМ**, семиозисом, имеющим место в любой момент нашей речемыслительной и коммуникативной деятельности. Вполне очевидно, что *с этих позиций* знак в принципе не может ничего значить в отсутствие интерпретатора. Обратим особое внимание на то, что в таком случае в фокусе внимания оказываются **потребность индивида именовать вещи** и его **способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного**. Иначе говоря, речь идет о *процессах означивания и идентификации* и об используемых при этом *стратегиях и опорах*, без которых знак как таковой для индивида существовать не может.

При этом важно разграничить *первичное означивание* при овладении знаком и *вторичное означивание* при дальнейшем пользовании им, а также признать, что *процессы именованья и идентификации не являются зеркальными* даже для одного и того же индивида, поскольку они различаются не только по целям и направленности, но – прежде всего – по характеру лежащего за ними специфического *внутреннего контекста*, направляющего как ход самого процесса, так и принятие решения на его завершающем этапе. Более того, и процесс именованья «для себя» в значительной мере отличается от процесса именованья «для других», поскольку в первом случае нам оказывается достаточным лишь намёк на подходящий внутренний контекст, в то время как для второго необходимо использование некоторого принятого социумом знака, способного актуализовать у собеседника в какой-то мере близкий **его** внутренний контекст. Хочу обратить внимание присутствующих на то, что разграничение и объяснение особенностей ситуаций пользования единицей языка «для себя» и «для других» было сделано и обосновано мною в работе «Проблемы организации внутреннего лексикона человека», опубликованной в 1977 году и лишь воспроизведенной в книге «Избранных трудов» в 2005 году.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что человек как субъект процессов именованья и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия **комплекса** «начал» – *индивидуального и социального, чувственного и рационального*, при этом и называние, и понимание всегда

связаны с эмоционально-оценочным *переживанием* именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учётом того, что такая система является лишь *медиатором* (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземлённой практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от традиционных моделей знаковой ситуации и перехода на **динамичные** по своему характеру модели *выбора стратегий и опор*, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта при взаимодействии разума с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями. Тем не менее теоретически мы можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, согласно которой *«интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта»*, однако с уточнением, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов (не случайно сам У. Эко приходит к идее «перцептивного семиозиса»⁴).

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы (в первом случае мы *знаем*, что, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем в определённых целях, во втором – нам *нужно установить*, что лежало за именем для кого-то другого), а взаимопонимание всегда возможно только в определённых пределах, ограничиваемых степенью сходства предшествующего опыта (как личностного, так и общекультурного). В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале понимания» как *континуума*: крайние точки

⁴ По мере изучения трудов Пирса стало очевидным, что идея перцептивного семиозиса, развиваемая Умберто Эко, первоначально появилась у Пирса.

(«пороги») такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной (см. понятие «достаточного семиозиса» у Хорста Рутрофа). Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (это отображает предложенная мною спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста). Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида.

То, каким образом это может происходить, попытаемся проследить на некоторых примерах. В качестве первого примера можно взять размещенное в Интернет описание одного эксперимента, в котором современных детей-первоклашек попросили нарисовать картинку по четверостишью Пушкина:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Я прежде всего хочу выразить мою глубокую признательность Стелле Наумовне Цейтлин за то, что она переслала мне тот интереснейший материал. Для тех, кто с ним не знаком, уточню, что из первых двух строк самое сильное впечатление на детей произвели слова *летит* и *взрывая*. Этого оказалось достаточным для того, чтобы представить себе некоторую ситуацию, на основе которой с опорой на выводные знания переживалось, домысливалось и достраивалось замещение того, что лежит за незнакомыми словами *бразды* и *кибитка*. Давайте проследим, как это происходило.

Итак, если что-то *летит*, то уж конечно – по небу! Значит, *кибитка* – это какой-то летательный аппарат. А может он похож на кубик, раз это слово звучит почти как *кУбитка*? Главное, конечно, в том, что этот самый аппарат

не просто летит, а ещё и *взрывает!!!* Ну прямо как в фильмах и привычных компьютерных играх! А на кого или на что направлены эти взрывы? Естественно, на разбегающихся живых существ, о которых прямо сказано, что они *пушистые*. Значит, *бразды* это зверюшки какие-то.

Вторая пара строк не менее интересна, но по-другому. Прежде всего детям понятно, что если *ям –щик* – это дяденька, который роет ямы. Раз так, у него в руках должна быть лопата. А если он в тулупе и с лопатой, то скорее всего у него большая борода, лохматые волосы, и вообще – бомж какой-то. К тому он же *сидит* на непонятном *облучке*: может на *ободочке*? Или просто попу взрослые так культурно называют – *облучком*, а сидит-то он на земле?

Наверное, все уже представили нарисованные детьми картинки как своеобразные продукты СЕМИОЗИСА В ДЕЙСТВИИ, в значительной мере отличающегося по целому ряду параметров от классической семиотической трактовки семиозиса как замены интерпретант. Возможно, некоторые из присутствующих попутно вспомнили аналогичные случаи из практики своего собственного общения не только с детьми, но и с взрослыми, в том числе – с коллегами в ходе обсуждения высоко научных проблем. Общеизвестно, что даже при пользовании одними и теми же терминами, которые по определению должны быть однозначными, мы нередко фактически говорим о разных вещах, включая слышимое (или читаемое) в свой собственный внутренний контекст живого знания и переживания, который не может быть беспристрастным и опирающимся исключительно на зарегистрированные словарями перечни необходимых и достаточных признаков соответствующих понятий, ныне огульно называемых «концептами».

Возьмем для наглядности ещё несколько примеров из того, что нас окружает в повседневной жизни.

Вопрос: «*Что это у вас тут всё на Дюймовочек?*»

Ответ: «*А мы чехлы на танки не возим!*»

Представили себе эту ситуацию? Где она могла иметь место? Кто её участники? Что лежит в основе реконструкции этой ситуации? Сможет ли иностранец, **знающий** все входящие в эти высказывания слова и хорошо ориентирующийся в грамматике русского языка, осуществить такую реконструкцию?

А вот несколько «перлов» из репортажей спортивных комментаторов:

- *Из-за радости, что забил гол такому сильному противнику, Барджо повесился на воротах!*
- *Арбитр достал из штанов удаление.*
- *Португальцы идут впереди. Свой зад они просто забросили.*
- *Посмотрите, как великолепно отливает под всадницей конь!!!*

Несмотря на всю двусмысленность и несуразицу, не замечаемую самим говорящим, УСПЕШНЫЙ СЕМИОЗИС вполне достигается. Сейчас нам смешно, а по ходу репортажа едва ли слушатели замечали, что футболист *не повесился на воротах, а повис* на них; арбитр достал из штанов *карточку*, соответствующую ситуации удаления, а не что-то другое; и т.д.

Как бы то ни было, все эти и подобные им примеры наглядно демонстрируют вполне очевидный факт: реальный семиозис **не ограничивается языком**, а лишь опосредуется им.

Таким образом, вполне очевидно, что настало время для **разработки психолингвистической теории семиозиса**, имеющей большую объяснительную силу за счёт опоры на психолингвистическую же **теорию языка как достояния индивида**. При этом становится все более очевидной необходимость уточнения или даже пересмотра ряда традиционно используемых терминов, первоначально фигурировавших в аналитической философии, логике, теоретической лингвистике и нередко без соответствующих комментариев применяемых в психолингвистических работах. Например, в дополнение к разграничению *референции в языке* и *референции в речи* важно сделать ещё один шаг в направлении человека и определить специфику **референции в языковом сознании и подсознании**. То же самое относится к понятиям идентификации, репрезентации и т.п., поскольку содержание таких понятий окажется весьма различающимся для целей и условий, например, теоретической лингвистики, машинного моделирования интеллектуальных процессов и для рассмотрения ситуации естественного семиозиса.

Ещё раз уточню, что в последнем случае речь идёт прежде всего о выявлении и объяснении механизмов означивания «для себя», т.е. процесса поиска опор для переживания языкового знака как понятого в условиях функционирования языка как «живого знания». Это делает недостаточными традиционные подходы к проблемам семиозиса, обычно останавливающиеся на уровне описываемого словарями значения слова, в то время как в

реальных условиях речемыслительной деятельности и общения значение выполняет функцию средства (промежуточного звена, или медиатора)⁵, который позволяет «высветить» в индивидуальном образе мира определённый «сегмент», так или иначе «помеченный» в плане эмоционально-оценочных переживаний. Следует особо подчеркнуть, что без обеспечиваемого таким образом выхода человека на единую перцептивно-когнитивно-аффективную информационную базу (при постоянном взаимодействии тела и разума, осознаваемого и неосознаваемого, непосредственно актуального и опосредованного выводными знаниями разных видов) никакое понимание и взаимопонимание состояться не могут.

С позиций развиваемого подхода предлагается рабочая гипотеза, согласно которой в ходе естественного семиозиса идентификация вербальной единицы может реализоваться на разных уровнях внешнего или внутреннего контекста с использованием различных стратегий и опор, имеющих универсальный характер для человека как представителя вида при некоторых расхождениях в степени актуальности тех или иных стратегий и опор для разных ситуаций речемыслительной деятельности и общения, для условий различающихся языков и культур. Каждый возможный подуровень внешнего или внутреннего контекста может дать основания для актуализации множественных связей (в том числе по линиям выводных знаний, воображения, эмоционально-оценочных переживаний), что таит в себе опасность срабатывания принципа «испорченного телефона» и может вести к тем или иным межличностным или межкультурным расхождениям в продуктах семиозиса.

В качестве теоретической основы исследования выступают:

- во-первых, концепция ментального лексикона как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы;
- во-вторых, трактовка слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе индивида;
- в-третьих, голографическая гипотеза «высвечивания» через посредство слова определенного сегмента индивидуального образа мира во всём богатстве объектов, качеств, связей и отношений вместе с множественными выводными знаниями и эмоционально-оценочными

⁵ Обратим внимание на то, что понятие медиатора, или посредника, промежуточного средства, было центральным для теории знака у Пирса.

переживаниями, которые учитываются на различных уровнях осознаваемости и в случаях переноса фокуса внимания могут быть выведены на «табло сознания»;

- в-четвёртых, концепция **специфики индивидуального знания** в его соотношении с коллективным знанием, получившая обоснование в книге «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» (1992);

- в-пятых, **спиралевидная модель** идентификации слова и понимания текста, предложенная мною в 1988 г. и выгодно отличающаяся от статичных, плоскостных моделей своей изначальной динамичностью и объёмностью, учётом взаимодействия внешних и внутренних факторов, сочетанием обращения к прошлому опыту и прогнозирования вероятных путей дальнейшей развертки внутреннего и/или внешнего контекста в зависимости от состоявшегося уровня идентификации и учёта множественных «горизонтальных» и «вертикальных» связей по линиям разнообразных признаков, признаков признаков, выводных знаний, эмоционально-оценочных переживаний и т.д. Эта модель эвристична и способна описывать особенности системы, для которой неприемлема жёсткая детерминированность поиска, имплицитруемая моделями алгоритмического типа.

Развитие мировой науки на рубеже XX–XXI вв. доказало актуальность и обоснованность развиваемого теоретического подхода, который отличается от чисто умозрительного теоретизирования последовательной опорой на результаты многолетних экспериментальных исследований. Задача работы на сегодняшний день – это дальнейшее раскрытие возможностей рассматриваемого подхода, в том числе – его многогранного **эвристического потенциала** для объяснения механизмов спонтанного семиозиса в условиях функционирования языка как живого знания.

1.2.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА

«Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта» [Моррис 1983: 43].

С давних времен люди задумывались над тем, откуда берутся названия («имена») вещей, как человек оказывается способным более или менее правильно идентифицировать называемую другим/другими вещь и, в конечном счёте, благодаря чему происходит взаимопонимание между людьми. Именно фокусирование на этом «в конечном счёте» с давних времен поставило во главу угла *социальный* ракурс именования и понимания – универсальность и всеобщность, в то время как **потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного**, т.е. *индивидуальный*, личностный ракурс того же явления, связанный со спецификой реализации универсального и всеобщего через неизбежную вариативность, до последних лет оставался в лучшем случае на периферии исследований, а более типично – вовсе игнорировался, т.е. в поисках наиболее общих закономерностей функционирования знака «за скобками» оставался пользующийся знаками человек, поскольку даже в межкультурных исследованиях речь традиционно идёт о знаке как таковом, а не о механизмах означивания или идентификации имён. Определённую роль в таком положении вещей в XX в. сыграло указание Ч. Морриса на то, что «... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда

нечто учитывается благодаря использованию знака» [Моррис 1983: 41]. И хотя далее сам Ч. Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса [там же], повсеместно акцент был сделан на теоретизировании в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне естественно с той точки зрения, что «... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998: 54]. Более того, вслед за Ч.С. Пирсом⁶, исследователи поместили в фокус внимания логический аспект теории знака, и его весьма продуктивная идея *семиозиса как перевода* не получила «выхода» за пределы системы знаков, поскольку, как подчеркивает У. Эко, «... *интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует знак, хотя Пирс не всегда достаточно чётко различает эти понятия⁷. Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [цит. раб.: 53]. Представляется важным добавить, что на самом деле в опирающихся на работы Ч. Морриса и Ч. Пирса исследованиях фактически происходит подмена названных понятий (а именно – интерпретанты и интерпретатора), в значительной мере обусловленная широко известным «семантическим треугольником» Ч.К. Огдена и И.А. Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как прямо отображающая процесс означивания у индивида, хотя авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты. В последние годы делаются попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д. (см. подробно: [Залевская 1999: 118–

⁶ Точнее было бы сказать «по традиции, заложенной интерпретацией идей Пирса в работах Ч. Морриса». Представляется, что Пирс был абсолютно уверен, что реализует логический подход к знаку, но на самом деле он вышел далеко за рамки логики как формальной науке о «чистых отношениях» и разработал комплексный подход к реальной жизни знака, рассматривая семиозис в действии. О том, какой в конце своей жизни Пирс видел науку о знаках, см. ниже главу 2.1.

⁷ На самом деле Пирс старательно избегал упоминания субъекта процесса интерпретации, хотя последний всегда присутствует в предлагаемом автором анализе обсуждаемых знаковых ситуаций. Более того, Пирс неоднократно обращается к процессам волеизъявления, воображения, восприятия, к ощущениям и эмоциональным переживаниям и т.д., что несомненно относится к действующему субъекту – интерпретатору, а не к получаемым продуктам – интерпретантам. Он разграничивает разные уровни понимания и различающиеся по ряду параметров состояния сознания, что также имплицитно подразумевает наличие субъекта, реализующего соответствующие процессы. Думается, что Пирс сам был в определённой мере ограничен традиционными философскими представлениями об основополагающей значимости логических отношений,

124])⁸, что можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же – в конечном итоге – «переводится» словесный знак? Заметим, что при этом происходит неизбежный выход за пределы семиотики, поскольку в центре внимания оказывается то, что лежит **за словом** у пользующегося им человека, обеспечивая успешность процессов означивания и идентификации.

Универсальные характеристики знаковой ситуации получили освещение в огромном количестве публикаций, ставивших основной целью решение теоретических проблем преимущественно «чистой семиотики» (по Ч. Моррису) и выполненных в русле семиотики/семиологии, философии, логики, лингвистики, теории литературы и т.д. Даже поверхностный обзор мнений по возникающим в этой связи вопросам потребовал бы написания специальной монографии. Поэтому представляется актуальным перейти непосредственно к рассмотрению некоторых аспектов феномена **естественного семиозиса**, т.е. процессов и опор, специфичных для означивания как способности индивида. Всё обсуждаемое далее касается именно живого человека, познающего мир по законам психической деятельности, но под контролем социума и – шире – культуры, через разнообразные виды контактов с окружающей действительностью, в том числе (но не единственно, исключительно!) – через общение. Последнее уточнение принципиально важно: человек как субъект процессов именованного и идентификации поименованного трактуется как продукт взаимодействия комплекса «начал» – индивидуального и социального, чувственного и рационального; признаётся также, что и называние, и понимание всегда связаны с *переживанием* именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учётом того, что такая система является лишь *медиатором* (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземлённой практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от плоскостных («угольных») моделей знаковой ситуации и перехода на *вероятностные* по своему характеру модели *выбора*

⁸ Имеется более поздняя публикация, в которой рассматриваются дополнительные работы в области значения слова (см.: [Залевская 2014а]).

стратегий и опор, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта, взаимодействующего с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями⁹. Следует отметить, что тем не менее теоретически мы можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, согласно которой «интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта» [Эко 1998: 53], однако с оговоркой, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов.

Интересно отметить, что при попытке дать дефиницию термина «семиозис» мы обнаруживаем отсутствие соответствующих статей даже в словарях, изданных в последние десятилетия, см., например, «Словарь иностранных слов» [Крысин 1998], «Лингвистический энциклопедический словарь» [1990], «Философский энциклопедический словарь» [2003]. Такой статьи нет даже и в «Кратком словаре когнитивных терминов» [1996], и в «Большом психологическом словаре» [2004], хотя, по логике вещей, именно когнитивная наука и психология ранее других областей науки должны были бы озаботиться разгадкой тайны естественного семиозиса. В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [1990: 525] в качестве одного из пониманий термина «семиозис» даётся следующая дефиниция: «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака. Термин семиотики». Сведения об этом термине в разных вариациях встречаются в научных текстах, где чаще всего используется классическое

⁹ Можно провести аналогию между исследованиями в обсуждаемой области и рассмотрением в мировой науке проблемы бесконечной делимости материи с переходом на позиции квантовой механики: «Сначала элементарные кирпичики мироздания – атомы представляли в виде маленьких шариков, затем выяснили, что эти шарики имеют сложную внутреннюю структуру, ну а потом поняли, что это совсем даже не шарики, а нечто среднее между волной и частицей. Погружаясь в глубины микромира, физики были вынуждены отбросить старинные представления, основанные на жестких закономерностях. Наука, используя язык Ψ-функций, перешла к вероятностному описанию явлений природы. Новый подход был принципиально отличен от классического и оказался крайне продуктивен и предельно точен в описании того, что происходит внутри и вокруг нас» [Молодо, но не зелено: 200].

определение, предложенное в своё время Ч. Моррисом: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать *семиозисом*» [Моррис 1983: 39]. Полностью соглашаясь с важностью акцентирования того, что речь идёт именно о **процессе**, подчеркнём, что для рассматриваемого ниже индивидуального ракурса этого процесса необходимо уточнение: под *естественным семиозисом* понимается комплекс процессов выбора стратегий и опор, обеспечивающих, с одной стороны, «перевод» функционирующего в культуре знака на индивидуальный «язык» понимания и переживания обозначаемого именем содержания, а с другой стороны – поиск имени, которое способно выступить в качестве социально признанного знака, позволяющего партнерам по коммуникации «высветить» в своем перцептивно-когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере согласующиеся для взаимопонимания. При этом снова акцентируем принципиально важное положение, согласно которому «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака», на самом деле играет роль *промежуточного этапа* в ходе естественного семиозиса, поскольку социально принятый знак – это всего лишь инструмент, благодаря которому происходит «выход» на индивидуальный опыт, вне которого знак не может функционировать как достояние человека.

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы (в первом случае мы *знаем*, что, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем в определённых целях, во втором – нам *нужно установить*, что лежало за именем для кого-то другого), а взаимопонимание всегда возможно только в определённых пределах, ограничиваемых сходством предшествующего опыта (как личностного, так и общекультурного)¹⁰. В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале» понимания как континуума: крайние точки

¹⁰ Фактически об этом же говорит Пирс, указывая на то, что интерпретация знака и последующие действия детерминируются пределами постигаемого; о том же говорит и дробное разграничение различных видов интерпретантов, имеющихся у отправителя и получателя сообщения. Как бы то ни было, Пирс разграничивал потенциальное значение знака и разные уровни его понимания с учётом особенностей наличной ситуации, о чём наглядно свидетельствуют примеры анализа знаковых ситуаций в трудах Пирса.

(«пороги») такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной. Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (см. спиралевидную модель идентификации слова и понимания текста [Залевская 1999]). Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида. Признание комплексности такого опыта завоёвывает всё большую популярность в мировой науке, что делает особенно актуальным уточнение ряда положений, к числу которых относятся понятие достаточного семиозиса и пересмотр трактовки роли тела в процессах означивания.

Термин «достаточный семиозис» введен Хорстом Рутрофом [Ruthrof 1997, 2000] с опорой на работы Ч. Пирса¹¹ и Г. Лейбница. Понятие достаточного семиозиса предлагается Х. Рутрофом вместо обычно используемых процедур верификации и условий истинности. Классический позитивистский подход к значению требовал для придания значения предложению трансформирования его в пропозицию, которая может отвечать реальности. Для принятия решения о том, является ли предложение значимым, необходимо перечислить условия, при которых языковое выражение формирует истинную пропозицию, и условий, при которых эта пропозиция окажется ложной. При этом не допускается градуальность между полным значением и бессмысленностью. Для обоснования сути понятия

¹¹ «Термин “достаточный семиозис” введён Хорстом Рутрофом [Ruthrof 1997, 2000] с опорой на работы Ч. Пирса»: это действительно так. Однако приводимая несколько ниже информация о том, что «В работах Ч. Пирса семиозис предстаёт как серия трансформаций знаков, порождающих значение в бесконечной цепи», повторяет широко распространённую ошибку, при которой не учитывается динамика концепции Пирса, постепенно признавшего необходимость остановки в цепи вопросов, если уже получен удовлетворительный ответ (см. подробнее ниже главу 2.2).

достаточного семиозиса Х. Рутроф обращается к некоторым идеям Готфрида Лейбница и Чарльза Пирса. От Лейбница идет разграничение достаточного и недостаточного основания. Применение первого ограничивается формальными операциями, т.е. системами сигнификации, которые базируются на дефинициях. Недостаточные основания прилагаются к рассуждениям о мире, т.е. к синтетическим утверждениям. Если мы станем анализировать их логически, то получим бесконечную цепочку. Лейбниц перекинул между ними мостик, предположив, что в определённый момент неформального рассуждения мы должны признать, что достаточное основание уже дано, а это позволит продолжить дальнейшую аргументацию в случае, когда, строго говоря, логика не позволяет нам это делать, т.е. достаточное основание оказывается прагматическим решением вопроса.

Х. Рутроф указывает, что в работах Ч. Пирса семиозис предстаёт как серия трансформаций знаков, порождающих значение в бесконечной цепи. Сочетание идей Лейбница и Пирса позволяет ввести понятие достаточного семиозиса, базирующееся на допущении, что продуцируются значения, достаточные для продолжения коммуникации, для достижения согласия или для безуспешного завершения. «Достаточный» означает, что *тот вид невербального материала, который используется для заполнения языковых схем, выступает как эквивалентный для подходящего невербального прочтения мира*. Таким образом, понятие достаточного семиозиса сохраняет идею увязывания языка и нашего образа мира, но требует понятия медиации мира посредством знаков. Достаточный семиозис снимает необходимость строгой эквивалентности между тем, что говорится, и тем, что имеется; в художественном языке он распространяется до пределов, диктуемых нашей фантазией, однако при формальной и технической сигнификации достаточный семиозис может быть определён как отвечающий требованиям дискурса соответствующего вида.

Фактически выше уже затронута проблема роли тела в процессах означивания. В последние годы в научной литературе стали употребляться термины, так или иначе связанные с телом человека и образованные от разных основ, в том числе «телесность», «соматикон», «соматизм», «bodyhood», «corporeality» и т.д. Различаются и позиции, с которых обсуждаются те или иные вопросы: одних авторов интересуют наименования частей тела или органов человека, в частности – в связи с их метафорическим

использованием или «наивной анатомией»; другие экспериментально исследуют этнокультурные особенности восприятия и оценки человеческого тела, в том числе – с позиций «свой VS чужой»; третьи задумываются над тем, какую роль тело индивида играет в процессах познания и овладения языком, в идентификации значений слов и шире – в общении. Ниже делается попытка обосновать важность третьего из названных ракурсов (на самом деле их число можно было бы увеличить) с опорой на краткий обзор некоторых зарубежных и отечественных работ. Поскольку роль тела в языковой коммуникации уже рассматривалась мною в ряде статей, где обсуждаются идеи «корпоральной семантики», «семантических сетей», «семантики опыта и выводного знания» и т.д., представляется достаточным только сослаться на соответствующие публикации [Залевская 1999, 2002] и на фигурировавшие в них первоисточники [Damasio 1989, 1995, 1999; Danesi & Perron 1999; Fauconnier 1997; Ruthrof 1997, 2000; Violi 2001], кратко перечислив основные положения корпорального подхода к значению. В их число входят следующие.

Язык ничего не значит сам по себе, он паразитирует на невербальных знаках, которые представляют собой тактильные, обонятельные, вкусовые, слуховые, зрительные и другие перцептивные «прочтения мира» и их фантазийные варианты, функционирующие при сенсорно-аффективно-ментальном взаимодействии на разных уровнях осознаваемости, т.е. означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными. Семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры. Соотношение между языком и образом мира контролируется «достаточным семиозисом», который реализуется под контролем правил, устанавливаемым сообществом.

Из приведенных положений особо выделим указание на то, что *означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными*. Рассмотрим обоснованность этого положения с опорой на ряд не затрагивавшихся ранее публикаций.

В работе [Maturana <http>] выделен специальный раздел, посвященный телесности человека (Human bodyhood), где указывается, что современная телесность человека является продуктом трансформации телесности членов сообщества людей как результата их бытия в общении. При этом те

характеристики, которые делают нас такими существами, какими мы являемся (а именно – любовь, социальная ответственность, сознательность, духовность, этическое поведение, рефлексия), возникают у нас как динамические свойства телесности человека, закрепляемые и взращиваемые через способ со-существования в обществе, который основывается на некоторой базовой телесности.

Основоположник науки онтопсихологии Антонио Менегетти [Менегетти 2003: 36] указывает:

«Теоретически или экспериментально ... мы способны понять, что *не существует никакого таинственного скачка от психики к коме, а мы имеем дело с непрерывностью*, идентичностью, выражением на разных языках одной и той же формы идентичного оперативного значения, смыслового содержания». И далее: «В человеке активизирована энергия трех видов: психическая, эмоционально-эфирная и физическая или соматическая. Это не три различных типа, а три модуса одной энергетической направленности» [цит. раб.: 53];

«... мнемическое формирование, сенсорное восприятие мира предшествует всякой другой психической идентификации. Ребенок, узнавая мать или обращаясь к другим объектам, уже интериоризировал, или, точнее, соматизировал эти представления: *психической идентификации предшествует идентификация телесная, соматическая...*» [цит. раб.: 60. Выделено мною. – А.З.].

А. Менегетти называет соматическую идентификацию процессом *первичного познания* [там же]. Он полагает, что

«Наше тело представляет собой некий гештальт, образующийся из постоянного слияния его формы, функций и его среды обитания» [цит. раб.: 61]. «Тело – это первый инструмент, первое слово души, первая структура того невидимого, которое я есть» [цит. раб.: 89].

«Опытное переживание есть целостный факт, *все тело воспринимает, как открытый радар*. Рефлексия – только аспект рационального сознания» [цит. раб.: 141]¹².

¹² «Опытное переживание» фактически фигурирует и у Пирса. Вообще вопросы трактовки Пирсом понятий «переживание», «состояние сознания», «уровни понимания» «постижение» и т.п. еще не получили достаточного освещения и заслуживают разностороннего анализа с позиций науки сегодняшнего дня.

Аналогичную мысль о связи соматического и психического высказывает Л.М. Веккер [1998], отмечая, что *пограничная линия между психическим и соматическим имеется только при теоретическом подходе с позиций современной системы научных понятий*.

«Если же мы берем отдельное конкретно переживаемое различие психического и соматического состояния и даже если мы берем отдельно взятое понятие психического в его противопоставлении соматическому, то дело обстоит радикально иначе» [цит. раб.: 390].

Поставив вопрос: «Чем отличается по своему прямому психическому составу переживание душевной боли или душевного состояния от переживания физической боли или соматического состояния?», Л.М. Веккер указывает, что фактически речь идёт о «нетелесной телесности» или «телесной нетелесности», разница между ними состоит лишь в том, что переживание боли или самочувствия вызвано в одном случае центробежно, а в другом – центростремительно [цит. раб.: 390-391].

На взаимодействие трёх основных модальностей опыта – переработки через знак, образ и чувственное впечатление – указывает М.А. Холодная [Холодная 202: 112], подчёркивая, что «... когда мы нечто понимаем, мы это словесно определяем, мысленно видим и чувствуем».

В связи с трактовкой понятия «телесность» представляется полезным обратиться к книге Е.Э. Газаровой [Газарова 2002: 5], где уточняется:

«Телесность не идентична телу и является самостоятельным феноменом, изучение которого предполагает междисциплинарное взаимодействие. Областью такого взаимодействия могла бы стать психология телесности – наука о душевно-телесном соответствии, или наука о конгруэнтности биологических, психологических и смысловых аспектов телесности человека».

Обратим внимание на то, что «смысл» Е.Э. Газарова трактует как «образование духовной сферы человека» [цит. раб.: 45], указывая в то же время на размывание границ взаимодействия между когнитивной (умственной), аффективной (душевной) и смысловой (духовной) сферами человека. Заметим, что на сложившиеся в веках и упрочившиеся в европейской культуре представления о человеческой природе как

триединстве тела, души и духа ссылаются и авторы книги «Многомерный образ человека» [Многомерный образ человека 2001: 27].

Е.Э. Газарова подчёркивает также, что из обрушивающегося на человека «шквала» информации

«... только значимая и (или) прожитая эмоционально (пережитая) оставляет прочные биопсихические следы. Они образуются совместно психикой и нейро-гуморальной системой в виде ощущений, образов восприятий, следов памяти, мыслей, рефлексивных образов, вегетативных и мышечно-суставных паттернов, аффективных реакций, состояний организма и стереотипов поведения. *Как результат одних и тех же воздействий психические и соматические паттерны качественно и семантически идентичны*, но различны по форме своего существования и проявления, поэтому они являются конгруэнтными. *Психосоматические паттерны являются, по своей сути, проявлением единой многоуровневой памяти человека, объединяющей моторную, эмоциональную, образную и словесно-логическую память*» [Газарова 2002: 46. Выделено мною. – А.З.].

Приведённые высказывания представляются достаточными для вывода, что в последнее время всё более очевидным становится признание необходимости опираться на *целостную* трактовку человека, для которого, в частности, невозможно оперирование языковыми значениями в отрыве от единой перцептивно-когнитивно-аффективной памяти индивида, включённого в социум (и шире – культуру), воспринимающего окружающий мир, думающего, общающегося и эмоционально-оценочно переживающего свой многогранный опыт познания и общения.

К сожалению, сопоставительный анализ ряда словарей психологических терминов, изданных в последние 20 лет, показывает, что в них преимущественно сохраняется чисто рационально-логическая трактовка термина «понятие», с которым традиционно (и неправоммерно) отождествляется то, что прежде всего стоит за лексическим значением; при этом, с одной стороны, признается, что речь идёт о *психическом* явлении, а с другой – имеет место акцентированием того, что понятие связано с *логическим* мышлением и представляет собой высшую форму *обобщения*.

Так, словарь 1984 г. издания [Платонов 1984: 96] даёт следующую дефиницию:

«ПОНЯТИЕ – форма рационального познания, психическое явление, присущее только человеку как элемент мышления и элементарная форма существования мысли: отражение существенного в феномене, закреплённом словом, что моделируется треугольником Фреге».

Два словаря 1985 и 1990 гг. издания [Краткий психологический словарь 1985: 252; Платонов 1984: 285] дословно повторяют одну и ту же трактовку, в принципе сходную с приведённой выше: «ПОНЯТИЕ – одна из логических форм мышления, высший уровень обобщения, характерный для мышления словесно-логического». Фактически на тех же позициях остаются составители словаря [Дьяченко, Кандыбович 1998: 184], более детально формулирующие характеристики понятия в традиционной трактовке:

«ПОНЯТИЕ – форма абстрактного мышления, результат обобщения свойств единичных конкретных предметов, явлений и выделения в них существенных признаков. В каждом П. различают содержание (совокупность существенных признаков предмета, явления) и объём (множество предметов, каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию)».

Только новейший словарь психологических терминов [Большой психологический словарь 2004: 397] вносит новое в трактовку понятия, увязывая его с *предметным действием, со способом его становления у человека*:

«ПОНЯТИЕ (англ. concept) – форма знания, которая отображает единичное и особенное, являющееся одновременно и всеобщим. П. выступает и как форма отражения материального объекта, и как средство его мысленного воспроизведения, построения, т.е. как особое мыслительное действие. ... существует внутренняя связь подлинного содержания П. со способом его конструирования, идеализации (абстракции и обобщения). ... За каждым П. скрыто особое предметное действие (или их система), воспроизводящее предмет познания».

Думается, будет справедливым отметить, что словари и терминологические справочники отстают от того, что устанавливается наукой. Так, ещё в работе Е.К. Войшвилло [Войшвилло 1989] было указано, что следует различать два вида «существенного»; он разграничил признаки, существенные для предметов того или иного качества, и признаки того или иного предмета, *существенные в каком-то отношении*. Это имеет прямое отношение к лексическому значению вообще и к этнокультурной специфике значений в частности, не говоря о том, что сторонники корпоральной семантики и некоторых других семантических теорий в принципе возражают против трактовки значения слова как определяемого перечнем необходимых и достаточных признаков понятия.

Высказываются также сомнения в том, что именно понятие является ведущей формой обобщения. Например, Л.М. Веккер [Веккер 1998] отмечает, что «... обобщённость является сквозной характеристикой всех видов и уровней образного психического отражения...» [цит. раб.: 174].¹³ По результатам анализа эмпирических материалов и основанных на них теоретических обобщений по поводу структуры когнитивных процессов он делает вывод том, что

«... все уровни иерархии когнитивных процессов, включая высший уровень понятийного мышления, содержат элементы непосредственно чувственного образного отражения реальности, от которых все эти высшие уровни когнитивных процессов в принципе не могут быть полностью обособлены» [цит. раб.: 384].

В то же время:

«... компоненты непосредственно чувственного образного отражения, включённые во все высшие уровни когнитивных процессов, вплоть до абстрактно-понятийных структур, являются производными по отношению к исходной форме непосредственного сенсорно-перцептивного отражения. Эти производные образные компоненты мыслительных процессов, перестроенные и даже в некоторых своих элементах заново построенные мыслью, тем не менее

¹³ Следует подчеркнуть, что Пирс особо отмечал наличие обобщений на уровне чувственного восприятия. Более того, он, с одной стороны, полагал, что перцептивное суждение может выводить на универсальность, а с другой – указывал на то, что именно перцептивное суждение составляет первооснову пропозиций любого уровня (см. подробно главу 2.3).

сохраняют непосредственный характер, непосредственный в смысле своей прямой чувственной пространственно-временной предметной организации, в которой абстрактное символическое мыслительное оперирование остается скрытым. Однако это уже не исходная, первичная форма чувственной непосредственности собственно сенсорно-перцептивных образов, а форма, так сказать, опосредованной, производной непосредственности» [цит. раб.: 384-385].

Следует подчеркнуть, что ещё С.Л. Рубинштейн в своё время предостерегал от обособления и противопоставления чувственного и рационального, трактуя их как составляющие единого процесса, развивающегося по бесконечной спирали переходов от чувственного к абстрактному и от абстрактного к чувственному (см. подробно: [Рубинштейн 1997: 48-49]). Если заглянуть ещё дальше в историю отечественной науки, мы встретим работы И.М. Сеченова [Сеченов 1953], проследившего пути взаимодействия между «чувственными конкретными» и «мысленными абстрактами» и особенности становления их связей со словом.

Не случайно в настоящее время многие авторы стали разграничивать долгое время считавшиеся синонимичными термины «понятие» и «концепт»: первый из них остается закрепленным за философией и логикой, а второй фигурирует в случаях, когда имеется в виду пользующийся словом индивид; рассматриваются этнокультурные особенности формирования образа мира и т.д. Примером может служить сопоставление двух дефиниций, которые мы находим в работах Ю.С. Степанова. Так, в статье «Понятие» [Степанов 1990: 383–385] говорится: «П. (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей: значение – в системе языка, П. – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике». В отличие от этого в более поздней работе [Степанов 1997: 41] Ю.С. Степанов иначе говорит о концепте – как о «пучке» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. Более того, он указывает, что концепты не только мыслятся, они *переживаются*. Тем самым понятие и концепт разграничиваются. Думается, что в данном случае имеет место фактическое признание того, что живого человека, естественным образом пользующегося языком и функционирующего в культуре, невозможно описывать в терминах

философии и логики, а совершаемые им интеллектуальные действия и операции – в отрыве от перцептивного и аффективного опыта индивида.

Таким образом, изложенные выше представления о специфике естественного семиозиса и о роли тела в процессах «перевода» знаков, с одной стороны, хорошо согласуются с тенденциями, которые прослеживаются в мировой науке о человеке, а с другой – являются непосредственным развитием идей Н.И. Жинкина [Жинкин 1998; 8] о понимании как переводе с общенационального языка на язык интеллекта с признанием того факта, что сенсорика и интеллект являются комплементарными механизмами для приёма и переработки информации человеком: без одного нет другого, к тому же очень трудно разграничить, где кончается сенсорика и начинается интеллект.

Несомненно, вопрос о том, как именно следует трактовать то, что лежит за словом у пользующегося им индивида, обеспечивая «достаточный семиозис», ещё далеко не решён. Тем не менее вполне очевидным представляется то, что при разработке теории значения слова как достояния человека нельзя игнорировать специфику слова как «живого знания» – продукта познания, общения и эмоционально-оценочного переживания многогранного (в том числе характеризующегося базовой телесностью) опыта индивида. Несомненно также и то, что исследование этой сложнейшей проблемы требует интегративного подхода при взаимодействии многих наук.

1.3.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМИОЗИСА

«... воспринимаемый текст есть каждый раз читательская проекция текста <...>, а сам текст на его содержательном уровне может рассматриваться как набор читательских представлений и смыслов, асимптотически приближающихся к авторскому значению текста» [Сорокин 1998: 35].

Вводные замечания

Поиск в Интернет по ключевому слову *семиозис* выводит на многократное повторение одних и тех же дефиниций и теоретических положений с указанием на наличие двух подходов к проблеме семиозиса: логического (вслед за Ч. Пирсом) и лингвистического (в русле системно-структурных идей Ф. де Соссюра). Попытки обсуждения более поздних высказываний по этой проблеме фактически сводятся либо к отнесению того или иного автора к одному из названных подходов, либо к указанию на стремление как-то сочетать и развивать потенциальные возможности обоих названных подходов (последнее, например, прослеживается при рассмотрении идей Умберто Эко, см. обзор: [Залевская 2016]).

В работе [Залевская 2004] была сделана попытка привлечь внимание исследователей к тому, что наряду с важностью логико-рациональных рассуждений по поводу семиозиса как объекта науки семиотики становится всё более актуальной разработка психолингвистического подхода к

феномену означивания в контексте исследования базовых механизмов адаптации человека к естественному и социальному окружению. В таком случае речь может идти о естественном (спонтанном) семиозисе, обеспечивающем саму возможность **познания** и **общения**. Такая задача требует иного, междисциплинарного (интегративного по своей сути) подхода, в первую очередь учитывающего специфику человека как носителя языка и культуры, осуществляющего процессы означивания при взаимодействии многих внешних и внутренних факторов.

Поскольку «воспринимаемый текст есть каждый раз читательская проекция текста» (см. эпиграф), что ведёт к разночтению трактовок сути семиозиса, домысливанию более широкого контекста и вытекающих из него следствий, задаваемых исходными теоретическими координатами читающего, предлагаемая работа посвящена уточнению представлений о специфике естественного семиозиса, сложившихся у меня в ходе многолетней экспериментальной работы со словом как достоянием носителя языка и культуры, т.е. с позиций исследования особенностей функционирования слова как «живого знания». Логика изложения подсказана теми вопросами теории, которые то и дело всплывают в ходе психолингвистического портретирования лексики, точнее – выявления того, что лежит **за словом** в предшествующем опыте человека и обеспечивает взаимопонимание между людьми.

Актуальные вопросы функционирования слова у индивида

В процессах познания и общения мы мгновенно решаем сложнейшие задачи означивания воспринимаемого слова или текста и/или поиска именованного того, о чём хотим сообщить. Поскольку на «табло сознания» попадают только конечные продукты ряда взаимодействующих процессов, создаётся ложное впечатление, что мы «думаем словами», слово означает нечто само по себе («имеет» значение), благодаря слову мы «передаём» мысли собеседникам и т.д. и т.п. К сожалению, подобные мифы, в том числе порождаемые буквальным прочтением стёршихся метафор, до сих пор продолжают имплицироваться некоторыми научными дефинициями и теоретическими положениями. Один такой миф непосредственно связан с

идеей достаточности цепочки интерпретант – различных вербальных формулировок, каждая из которых опирается на предшествующую и подготавливает последующую, т.е. вербальная манифестация выступает самодостаточным продуктом семиозиса. Такая ситуация порождается ряд вопросов, к числу которых относятся следующие.

- Что может в принципе пониматься под термином «семиозис»?
- Чем различаются семиозис как объект логико-рационального рассуждения и семиозис как необходимая (базовая) составляющая естественной ситуации познания / общения?
- Сводится ли семиозис к неограниченной замене вербальных интерпретант или такие интерпретанты составляют лишь одно из промежуточных звеньев более развёрнутого процесса поиска опор в предшествующем опыте человека?
- Какую роль в процессе семиозиса играет значение слова?
- Можно ли сводить проблему семиозиса к символической функции языкового знака и связанной с ним пропозиции, трактуемой как составляющая языкового знания?
- Как соотносятся для индивида значение и смысл слова?
- Откуда берётся значение слова и где оно «обитает»?

Обратим внимание на то, что постановка любого из этих и подобных им вопросов вне более широкого контекста не может быть корректной и требует определённых уточнений. Например, возьмём вопрос типа «где обитает значение». Если имеется в виду социально принятое и соответствующим образом трактуемое с позиций системы языка описание того, что увязывается с некоторой словоформой, то имплицитно представляется о том, что значение это «принадлежит» слову, вместе с которым оно «передаётся» другим людям в устной или письменной речи. Так возникает устойчивый миф, согласно которому слово как таковое означает нечто само по себе, хотя на самом деле оно не может ничего означать, если его не опознаёт человек, способный найти определённые опоры в своём опыте познания мира и самого себя. Если же мы имеем в виду значение как достояние пользующегося языком человека, вроде бы становится очевидным, что значение находится в голове, хотя такой ответ также имплицитно включает некоторые широко распространённые мифы. К числу таких мифов

относится господствующее в публикациях последних лет утверждение, что речь должна идти о концептосфере человека, при этом предлагаемые описания концептов поразительно похожи на детализацию объёма и содержания понятий с позиций логико-рационального подхода. Тем самым игнорируются современные идеи взаимодействия тела и разума человека, взаимосвязи перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной сфер личности, а также распределённости знания между индивидами и социумом, важности разделяемого знания и т.д. Иначе говоря, оказывается, что при ориентированном на человека ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать сложное взаимодействие многих внешних и внутренних факторов, позволяющих нам каким-то образом находить опоры для взаимопонимания в нашей памяти чувственного восприятия, физических и умственных действий, образов и переживаний, актуальность следов которых всегда зависит от объективной и субъективной частотности таких следов, как и от наличных ситуаций, мотивов, приоритетов, личностных установок, этнокультурных пристрастий и предубеждений и т.д.

Точно так же невозможно однозначно ответить на вопрос о соотношении значения и смысла слова. Существует мнение, согласно которому значение объективно, принадлежит социуму, а смысл субъективен, вариативен, приписывается слову отдельной личностью в том или ином контексте. Однако экспериментальные исследования процесса идентификации слова и понимания текста показывают, что носитель языка всегда ориентирован на смысл, он исходит из презумпции смысловой нагруженности всего воспринимаемого, вследствие чего нередко смысл приписывается ошибочно, в том числе за счёт фокусирования на неверно выделенных границах между словами, ошибочно акцентированных признаках именуемых объектов и т.п. В реальной языковой ситуации для человека значение и смысл феноменологически слиты, поскольку участвуют в двунаправленном процессе означивания на «глубинном» уровне; они осознаются и разграничиваются только в разного рода осознаваемых метаязыковых ситуациях, когда значение слова выводится на уровни сознательного контроля или актуального осознания.

Иначе говоря, нельзя отвечать на подобные вопросы «вообще», без соответствующих уточнений, ориентирующих на определённую исходную

«систему координат»¹⁴, т.е. в данном случае – на теоретическую базу трактовки специфики спонтанного семиозиса. Именно поэтому далее изложение ведётся с использованием последовательно вводимых дефиниций, цель которых состоит в снятии возможности разночтения или неточной трактовки обсуждаемых положений.

Некоторые особенности естественного семиозиса

Предлагаемые ниже ответы на некоторые из поставленных вопросов следует воспринимать как «пробные» формулировки, требующие дальнейших раздумий и обсуждения. Тем не менее, представляется важным привести хотя бы рабочие варианты дефиниций используемых терминов. К числу таких терминов относятся именованья различных составляющих и особенностей естественного семиозиса, а также связанных с ним понятий. Выделение некоторых слов курсивом в составе дефиниции означает, что в общий перечень входит и дефиниция соответствующего термина. Порядок представления дефиниций определяется ходом изложения предлагаемой концепции, поэтому отсутствует упорядочение дефиниций по алфавиту.

Итак, под ЕСТЕСТВЕННЫМ СЕМИОЗИСОМ (далее – ЕС) в этой публикации понимается не любой процесс, в котором нечто функционирует как знак (см.: [Моррис 1983: 39]), а взаимодействие ряда процессов, протекающих на разных *уровнях осознаваемости* и имеющих своим продуктом переживание понятности носителем языка и культуры смысла воспринимаемой языковой единицы (слова или текста) или признание оправданности использования некоторого именованья в речи в условиях адаптации индивида как члена общества и личности к естественному и социальному окружению. Далее оба направления семиозиса будут именоваться означиванием, хотя соответствующие процессы не трактуются как «зеркальные»

В работах А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева выделены следующие УРОВНИ ОСОЗНАВАЕМОСТИ деятельности человека: актуальное сознание,

¹⁴ На некоторые вопросы нельзя отвечать «вообще», без соответствующих уточнений, ориентирующих на определённую исходную «систему координат»: в этой связи нельзя не вспомнить многократные указания Пирса на важность строгого отношения к научной терминологии,

сознательный контроль, бессознательный контроль, неосознаваемое. Выше уже отмечалось, что осознаются только конечные продукты процессов, протекающих на «глубинных» уровнях; это важно помнить при исследовании специфики ЕС, что требует обращения к моделированию речемыслительного процесса¹⁵ и анализу ошибок понимания и интерпретации текста (при встрече с неверно понятым или неточно поименованным происходит переход на более «высокий» уровень осознаваемости).

Следует уточнить, что тем самым предлагаемая трактовка ЕС напрямую увязывается с разграничением *языковой ситуации* и *метаязыковой ситуации*. Под ними понимается следующее.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ – это ситуация общения или понимания текста в естественных условиях, не вызывающих затруднений и не требующих целенаправленного осознаваемого поиска и/или анализа языковых средств, уточнения степени их соответствия замыслу высказывания, ситуации, контексту и т.п.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ складывается по меньшей мере в следующих случаях: 1) при необходимости осмысления значения слова как опоры для исправления речевых ошибок; в ходе преодоления неоднозначности при встрече с некоторым видом «языковой игры»; при поиске *разделяемого знания* для достижения взаимопонимания в процессе общения; 2) при целенаправленном логико-рациональном анализе языковых явлений в исследовательских целях; 3) в профессиональной деятельности поэта, писателя, переводчика и т.д.

Общим для обеих ситуаций является то, что означивание возможно только через взаимодействие ряда процессов, направляемых как *внешним*, так и *внутренним контекстом*.

ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ – вербальное (текстовое) и невербальное (ситуативное) сопровождение слова, обычно снимающее неоднозначность и ориентирующее на развёртывание поиска необходимых опор (цепочек

¹⁵ Пирс обращался к моделированию речемыслительного процесса, хотя подобного термина в те времена ещё не существовало. Один из примеров обсуждается в главе 2.1, однако есть и другие случаи, когда Пирс более или менее детально анализирует знаковую ситуацию, в том числе приглашая слушателей его лекции принять участие в обнаружении того, что лежит за знаком, будь то некоторая категория, идея вещи, акцентируемый признак и т.д.

языковых и энциклопедических выводных знаний) при понимании слова / текста и/или продуцировании сообщения (в условиях языковой игры внешний контекст ориентирует означивание на поиск по ложному направлению).

ВНУТРЕННИЙ КОНТЕКСТ¹⁶ – широкая сеть связей по множеству направлений поиска опор в *мультимодальном гипертексте* предшествующего опыта «для себя» как «свидетельств» правильности идентификации слова / понимания текста или обоснованности использования некоторой языковой единицы «для других» как базы для выхода на *разделяемое* знание.

РАЗДЕЛЯЕМОЕ ЗНАНИЕ – принятое в некотором социуме (от минимальной ячейки общества до этнокультуры в целом) и закреплённое за некоторой языковой единицей толкование, увязываемое с определённым чувственным или мысленным образом, признаком, действием и т.д., обычно регистрируемое в словарях и/или других справочных изданиях, соотносимое с артефактами, памятниками культуры и т.д.¹⁷.

Разделяемое знание является также РАСПРЕДЕЛЁННЫМ (в разных смыслах этого слова): а) между членами социума; б) между разными форматами хранения знания как культурного наследия этноса; в) между телом и разумом индивида, его физическими и умственными действиями, которые сопровождаются эмоционально-оценочными переживаниями и т.д.

ДВУНАПРАВЛЕННОСТЬ естественного семиозиса вытекает из **двойственной онтологии** значения (см. работы А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева) как продукта постоянного взаимодействия двух факторов: социального (или социокультурного) и индивидуального (личностного), что требует обязательного соотнесения результатов означивания «для себя» с квантами разделяемого знания, закреплёнными за словоформами, и

¹⁶ Понятие внутреннего контекста непосредственно связано с процессом получения выводного знания, которому Пирс уделял особое внимание. Это вопрос обсуждается далее в главе 2.3.

¹⁷ Понятие разделяемого знания имплицитно в работах Пирса по меньшей мере в случаях, где речь идёт об остановке в получении цепочки интерпретант, поскольку уже получен удовлетворительный ответ на возникший вопрос (это может ограничиваться «схватыванием» некоторой общей идеи, характерного признака и т.д.), а также при указаниях на то, что в отсутствие интерпретатора знак сохраняет некоторое потенциально присущее ему (точнее – приписываемое по соглашению) значение.

способами их употребления в речи («для других»). Это определяет **медиативную функцию** значения слова как средства доступа к образу мира индивида (т.е. к «индивидуальному знанию») и как средства контроля соответствия продукта означивания «коллективному знанию»¹⁸.

Принятая линия рассуждений приводит к выводу, что значение слова вовсе не является конечным этапом означивания: оно только указывает нам на ракурс «видения» некоторой ситуации, объекта, действия и т.п. с позиций разделяемого знания, в то время как главным оказывается то, что лежит за **значением** слова в нашем опыте познания и общения и может трактоваться как *мультимодальный гипертекст* нашего образа мира, вне которого означивание оказывается невозможным¹⁹.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ²⁰ предшествующего опыта – широчайшая сеть продуктов переработки опыта познания и общения посредством перцептивных и когнитивных процессов, сопровождаемых эмоционально-оценочными переживаниями и наличием множественных связей по признакам и признакам признаков, этнокультурная и личностная значимость которых может различаться; любой признак или признак признака может выполнять функцию своеобразной «гиперссылки», или «аттрактора», актуализируя соответствующие чувственные и мысленные

¹⁸ Медиативная функция получила у Пирса разностороннюю трактовку, и хотя он не эксплицировал антиномию «социально принятое – индивидуально-личностное», фактически он также затрагивал и этот вопрос. В частности, особую роль Пирс отводил «чистой грамматике», исследующей то, как языковые формы детерминируют понимание высказывания и дальнейшие действия, дисциплинируя логику мышления и обеспечивая успешность коммуникации (см. его труд «*Grammatica Speculativa*» [Пирс–4]). Речь при этом идёт об институционально устанавливаемом знании, т.е. о коллективном, разделяемом знании как основе взаимопонимания в обществе. Это снимает критику в адрес Пирса, который, по мнению некоторых исследователей его научного творчества, в отличие от Ф. де Соссюра не уделял достаточно внимания социальному ракурсу знака. Попутно замечу, что сопоставление идей двух великих современников – Ч. Пирса и Ф. де Соссюра – требует глубокого и разностороннего анализа целостных концепций, а не отдельных высказываний, выхваченных из более широкого контекста динамически развиваемых представлений о процессах познания мира и общения между людьми.

¹⁹ «Значение слова вовсе не является конечным этапом означивания: оно только указывает нам на ракурс “видения” некоторой ситуации, объекта, действия и т.п. с позиций разделяемого знания»; «главным оказывается то, что лежит за значением слова в нашем опыте познания и общения»: фактически Пирс говорил о том же – ср. его трактовку медиативной функции знака, который репрезентирует объекты в каком-то определённом ракурсе, фокусирование на роли перцептивного суждения в речемыслительной деятельности и т.д.

²⁰ Поскольку компонент *модальный* словосочетания «мультимодальный гипертекст» вызывает неоднозначную трактовку (например, по-разному понимается как общенаучный термин и как узкоспециальный термин в лингвистике и психологии), в качестве Приложения 1 приводится текст статьи, где даются необходимые пояснения.

образы и связи между ними как «свидетельства» вероятной достоверности смысла, приписываемого языковой единице / тексту в определённый момент. Фактически речь идёт о самоорганизующейся динамической системе, формирующейся по закономерностям физиологической и психической жизни индивида, но под контролем социума, и функционирующей в качестве *внутреннего контекста*, ориентированного на решение задач адаптации к постоянно изменяющимся ситуациям естественного и социального окружения.

Навигация по мультимодальному гипертексту реализуется через посредство механизма *глубинной предикации*²¹ и направляется замыслом высказывания при продуцировании речи или значением воспринимаемого слова через некоторый набор *топов* при взаимодействии внешнего и внутреннего контекста.

НАВИГАЦИЯ в мультимодальном гипертексте – это поиск опор и цепочек выводных знаний в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта для переживания понятности и/или достоверности смысла идентифицируемой или используемой языковой единицы; направляется взаимодействием *топов* как продуктов максимальной компрессии смысла, обеспечивающих взаимопонимание между носителями разных языков и культур.

ГЛУБИННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ – акт замыкания связи во внутреннем контексте как основание для переживания понятности воспринимаемого или обоснованности использования выбранного именованного некоторого объекта, действия, состояния, ситуации и т.д. Особую роль при этом играют признаки разных модальностей, выведенные из продуктов познания мира и/или приписываемые и/или мифологизируемые в некоторой лингвокультуре.

ТОПЫ – набор базовых форм мысли, продуктов максимальной компрессии смысла типа: КТО? ГДЕ? КОГДА? КАКОЙ? ЗАЧЕМ? ПОЧЕМУ? и т.д., направляющих *навигацию* в мультимодальном гипертексте и

²¹ Понятие предикации относится у Пирса к числу самых главных для теории знака. Интерпретация знака у Пирса – это формирование некоторой пропозиции, которая сама становится очередным знаком. Термин «глубинная предикация» введён мною ещё в 1970-е гг. для обозначения базового для речемыслительной деятельности процесса замыкания динамических временных связей, благодаря которым *переживается факт понимания индивидом* наличия связи такого рода, в терминах других наук описываемой как пропозиция, суждение и т.д.

обеспечивающих целостность переживания некоторой ситуации со всеми её составляющими и характеристиками, импликациям, пресуппозициями, возможными следствиями и прогнозами; на осознаваемый уровень выводятся только продукты такого поиска, актуальные для текущей ситуации, в то время как цепочки выводных знаний по линиям других топов учитываются на уровне неосознаваемого контроля и в случае надобности могут быть вербализованы.

Обращение к внутреннему контексту через развёртывание цепочек выводных знаний по ряду топов может быть в разной мере «широким» и «глубоким», при этом в условиях реального ЕС решающую роль играет достижение уровня *достаточного семиозиса*.

ДОСТАТОЧНЫЙ СЕМИОЗИС – торможение или остановка процессов семиозиса на уровне, обеспечивающем наличие социокультурно *разделяемого знания* как основы для взаимопонимания при общении или при неоднозначности воспринимаемой ситуации (в том числе при чтении текста). Термин *sufficient semiosis* введён в работах: [Ruthrof 1998; 2000] (см. обсуждение: [Залевская 2016]).

Приведённые положения представляются важными для дальнейшей разработки психолингвистического подхода к проблеме ЕС.

Обсуждение некоторых дефиниций и поставленных вопросов

Детальное обсуждение затронутых выше вопросов потребовало бы написания монографии, включающей к тому же более или менее детальный обзор имеющихся точек зрения и соображений. Поэтому ограничусь фокусированием только на отдельных принципиально важных особенностях ЕС.

Прежде всего, следует признать, что по вполне понятной причине предлагаемая трактовка специфики ЕС не согласуется с некоторыми базовыми установками классической теории семиозиса, в том числе с указанием Ч. Морриса на то, что

«... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [Моррис 1983: 41].

В нашем случае потребность в такой теории очевидна: исследование естественного семиозиса фокусируется именно на том, что происходит при означивании. Обратим внимание на то, что и сам Ч. Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса [там же]. Таким образом, речь идёт не столько о противоречии классической теории, сколько о взгляде на семиозис с иной позиции. Представляется возможным ставить вопрос о взаимодополнительности разных подходов к тому, что может пониматься под семиозисом, и если фокусирование на системе отношений между компонентами семиозиса, измерениях и уровнях семиозиса оправдано тем, что «... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998: 54], то, наоборот, именно мыслительные операции означивания и то, что с ними связано, выходят на передний план при изучении специфики ЕС.

Обсуждения требуют и расхождения между трактовкой специфики ЕС и такими понятиями «чистой семиотики», как интерпретанта и неограниченный семиозис.

Известно, что разработанная Ч. Пирсом идея семиозиса как перевода не получила «выхода» за пределы системы знаков²², поскольку, как подчеркивает У. Эко, «... интерпретанта это не интерпретатор, т.е. тот, кто получает и толкует знак, хотя Пирс не всегда достаточно четко различает эти понятия. Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [цит. раб: 53]. Тем самым имплицитно утверждается самодостаточность знака, что в более поздних работах самого У. Эко опровергается хотя бы введением понятий «перцептивного семиозиса», «ядерного содержания», «когнитивного типа», «поливариативности» восприятия реальности и интерпретации текста и т.п., а также обсуждением ярких примеров того, как решаются задачи означивания и именованности при встрече с необычными объектами и ситуациями (см.: [Eco 2000]). Представляется также принципиально важным заметить, что рассматриваемые У. Эко понятия ядерного смысла и когнитивного инварианта увязывают разделяемое знание и то, что лежит за словом у

²² Этот ошибочный вывод был сделан мною до внимательного изучения трудов Пирса. Теперь я считаю одной из величайших заслуг Пирса именно то, что он сумел выйти за рамки только вербализуемых продуктов семиозиса и признал роль переживания и перцептивного суждения. См. об этом главы второй части книги.

индивида, а это даёт основания для заключения о фактически имевшем место значительном шаге в сторону выявления специфики естественного семиозиса, в то время как понятие перцептивного семиозиса не согласуется с установкой на исследование актов «чистого сознания» или «чистого разума».

Попытка остаться строго в рамках системы знаков как таковых связана также с работами в области неограниченного семиозиса, в которых речь идёт о возможности многократного перехода от одной интерпретанты к другой, т.е. вербального переформулирования. Обратим внимание на то, что при принципиальном расхождении в решении вопроса о возможности / невозможности выхода за рамки вербальных интерпретант, психолингвистический подход принимает саму идею неограниченного семиозиса, поскольку навигация по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта может идти как угодно долго и «далеко» по разным направлениям при постоянной динамике этого «живого» внутреннего контекста, который каждый раз «высвечивает» в голограмме образа мира именно то, что актуально «здесь и сейчас», обогащая наше знание и меняя тональность нашего эмоционально-оценочного переживания некоторого объекта, действия и т.д., включенного в наличную или воображаемую ситуацию. Остановка такого процесса при достижении уровня достаточного семиозиса лишь объясняет, почему в реальной ситуации познания и общения нам приходится «притормозить»,

Специфика ЕС определяется, в частности, тем, что символическая функция слова у носителя языка «работает» не сама по себе, взятая в отрыве от процессов познания и общения, а при взаимодействии с другими функциями слова как достояния индивида (см. выше об одной из таких функций – медиативной).

Заключение

В своё время У. Эко в связи с обсуждением взглядов Канта так высказался о сути семиозиса:

««... even if he realized that he was reducing knowledge to the knowledge of propositions (and therefore to linguistic knowledge), Kant could not have posed himself the problem, which Peirce was to set himself,

that the nature of knowledge was not linguistic but *semiotic*» («... даже если бы он понимал, что сводит знание к знанию пропозиций (и тем самым – к языковому знанию), Кант не смог бы поставить проблему так, как это сделал Пирс: природа знания не языковая, а *семиотическая*») [Есо 2000: 71. Курсив автора, перевод мой. – А.З.].

Слово *linguistic* во многих ситуациях неоправданно переводят как *лингвистический*, что в данном случае с принятием такого перевода приводит к противопоставлению двух научных подходов к семиозису – лингвистического и семиотического. Однако представляется возможным иначе прочесть приведенное выше высказывание У. Эко, т.е. вывести иную проекцию текста (снова вернемся к эпиграфу, взятому из книги Ю.А. Сорокина), а именно: важнее всего **природа знания**. Пирс фокусировался на символической природе знания, Кант – на языковой, сводя понимание текста к пропозиции. Отсюда следует, что **проблема ЕС должна рассматриваться в более широком контексте природы знания и особенностей его функционирования в социуме и в жизни члена социума как личности**. Поскольку языковое знание существует не само по себе и ради себя, а лишь как средство именованности знания о мире, необходимого для пользования этим знанием в жизнедеятельности людей, рассмотрение знаковой функции языковых требует обращения к тому, что лежит за словом в социальном и личностном опыте.

К этому можно добавить, что знаковая функция реализуется во взаимодействии с другими функциями языка, в отрыве от которых её можно рассматривать только в ракурсе логико-рационального теоретизирования.

Попутно замечу также, что **пропозиция** – это не конечный элемент языкового знания, а переходный этап между формой мысли и речью: при продуцировании речи пропозиция направляет ход вербальной манифестации, уже заданный актуальным для ситуации «здесь и сейчас» топом как продуктом максимальной компрессии смысла, а при понимании речи / текста пропозиция выводит на наиболее вероятное для текущей ситуации сочетание топов; однако в любом случае это происходит в мультимодальном контексте предшествующего опыта познания и общения.

1.4.

«ДОСТАТОЧНЫЙ СЕМИОЗИС» ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

В условиях всё более возрастающей роли двуязычия и многоязычия в современном мире повышается актуальность разработки теории, способной дать объяснение базовых процессов и опор, обеспечивающих саму возможность взаимопонимания между носителями разных языков и культур. В этой связи вспоминается указание Ю.М. Лотмана на то, что в семиотических исследованиях наблюдаются следующие две тенденции.

«Одна направлена на уточнение исходных понятий и определение процедур порождения. Стремление к точному моделированию приводит к созданию метасемиотики: объектом исследования становятся не тексты как таковые, а модели текстов, модели моделей и т. д. Вторая тенденция сосредоточивает внимание на семиотическом функционировании реального текста. Если, с первой позиции, противоречие, структурная непоследовательность, совмещение разноустроенных текстов в пределах единого текстового образования, смысловая неопределённость – случайные и "неработающие" признаки, снимаемые на метауровне моделирования текста, то, со второй, они являются предметом особого внимания. Используя соссюрианскую терминологию, можно было бы сказать, что в первом случае речь интересует исследователя как материализация структурных законов языка, а во втором предметом внимания делаются именно те её

семиотические аспекты, которые расходятся с языковой структурой. Как первая тенденция получает реализацию в метасемиотике, так вторая закономерно порождает семиотику культуры» [Лотман 1992: 129. Разрядка моя. – А.З.].

Думается, что второе направление исследований, фокусирующееся на реальной жизни языка в процессах познания и общения, охватывает как семиотику коллективного знания, т.е. культуру, так и семиотику индивидуального знания, т.е. то, что происходит у любого носителя некоторого языка и культуры, даже если он и не слышал, что такое семиотика. В последнем случае речь идёт о естественном семиозисе как базовом инструменте познания и общения, необходимом человеку как члену социума и личности для адаптации к условиям окружающей среды. Этот инструмент настолько глубоко встроен в жизнедеятельность человека, что мы не замечаем его до сбоев в понимании / взаимопонимании (особенно ярко – при межъязыковых / межкультурных контактах) или до ситуации, когда он окажется в фокусе нашего внимания как объект исследования.

В этой связи важно уточнить, что постулируемые в другой публикации Ю.М. Лотмана имманентно-семиотические механизмы [Лотман 2002: 56] изначально присущи процессу естественного семиозиса и только вторично прослеживаются при описании и моделировании продуктов этого процесса, в том числе – системы языка и объектов метасемиотической теории. Отсюда следует, что именно в процессе естественного семиозиса при владении одним и более языками следует искать ответы на вопросы, так или иначе связанные с механизмами, стратегиями и опорами, обеспечивающими саму возможность взаимопонимания при общении, поскольку последнее может в значительной мере осложняться и наглядно проявляться вследствие различий между языками и культурами.

Задача выявления таких механизмов и объяснения фундаментальности выполняемой ими функции побуждает обратиться к некоторым идеям Ч. Пирса, в число которых входят следующие:

- увязывание семиозиса с познанием (cognition);
- трактовка понимания как перевода;
- выход за рамки вербальных интерпретант в постулируемые Пирсом «thought-signs»;

- трактовка семиозиса как поиска ответов на возникающие вопросы;
- объяснение остановки в процессе перехода от одной интерпретанты к другой наличием ответа, условно принимаемого в качестве достаточного;
- признание роли интерпретатора в процессе семиозиса.

Обратим внимание на то, что эти положения должны обсуждаться с учётом динамики концепции Ч. Пирса (см. подробно: [Залевская 2016б]), в то же время необходимо помнить, что обращение к реальным процессам познания требует исходить из комплекса современных научных представлений о человеке как представителе соответствующего биологического вида, члене общества и личности со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Так, увязывание семиозиса с познанием требует постановки генеральной цели исследования с фокусированием на общечеловеческих механизмах переработки информации об окружающем мире при взаимодействии комплекса внешних и внутренних факторов для выявления, с одной стороны, базовых (универсальных) стратегий и опор, обеспечивающих возможность и успешность семиозиса, а с другой – специфических (национально-культурных) предпочтений в выборе таких стратегий и опор носителями разных языков и культур для прогнозирования возможных «сбоев» при межъязыковых / межкультурных контактах, в том числе за счёт приоритетного или единственно допустимого той или иной культурой эмоционально-оценочного отношения к некоторым (фактическим или приписываемых объекту, иногда – мифологизированным) признакам и даже признаков признаков (пример из происходящих в наши дни событий: один из признаков формы именуемого словом объекта – рогалика – кое-где может привести к отсечению головы пекаря или продавца такой продукции...). Важно то, что современные исследовательские процедуры позволяют не только выявить функционирующие на «глубинном» уровне ценности и антиценности, регулирующие поведение членов социума, но и «измерить» степень их актуальности в тот или иной период времени для прогнозирования тенденций в обострении или затухании очагов межэтнической напряжённости, которые могут «вспыхнуть» ярким

пламенем, например, из-за лозунга, непреднамеренно или, наоборот, целенаправленно сформулированного так, что он провоцирует волну насилия.

Трактовка понимания как перевода требует разработки теории, объясняющей специфику глубинного смысла этой метафоры: в противовес широкому обсуждению проблемы «бесконечного семиозиса», благодаря которому через множество переходов от одной вербальной интерпретанты к другой всё шире раскрывается знание о некотором объекте, действии, ситуации и т.д., в данном случае речь идёт об интерпретантах иного порядка, а именно – о совокупных продуктах перцептивно-когнитивно-аффективной переработки человеком своего разностороннего (вербального и невербального, личностного и социального) опыта познания и общения, без наличия которых вербальные интерпретанты оказываются пустыми, «мёртвыми». Следует подчеркнуть, что такая переработка опыта происходит при взаимодействии тела и разума индивида в соответствии с психофизиологическими закономерностями, но под контролем принятых в социуме норм и оценок, при этом эмоционально-оценочные предпочтения являются «глубинными» и могут оказывать влияние на восприятие мира индивидом на неосознаваемом уровне, на что уже указывалось выше.

Сказанное в предыдущем абзаце хорошо согласуется с постулируемыми Ч. Пирсом «знаками-мыслями» или «мысленными знаками», однако слова *мысль* и *мысленный*, традиционно увязываемые с осознаваемыми манифестациями мысли в слове, только поддерживают идею неограниченного семиозиса с функционированием исключительно вербальных интерпретант, от которой сам Пирс со временем фактически отказался (можно предположить, что это произошло благодаря его собственным феноменологическим изысканиям, о которых почему-то забывают «пирсоведы»). Поэтому скорее следовало бы говорить о мультимодальных образах, учитываемых на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающих переживание понятности того, о чём идёт речь в воспринимаемом сообщении или читаемом тексте. Более того, фигурирующие в разных науках понятия пресуппозиций, импликаций, выводных знаний и т.п. сигнализируют о том, что любой идентифицируемый объект предстаёт в определённом «ореоле» наших знаний о его возможных и невозможных качествах и отношениях, а также о связанных с ним ситуациях,

следствиях и т.д. и т.п. Любой из ракурсов этой многогранной «картины» может быть выведен на «табло сознания» в случае необходимости, однако принципиально важно именно то, что за любой вербальной интерпретантой лежит широкая сеть связей в нашей памяти разума и тела, без чего никакое понимание или взаимопонимание осуществиться не могут. Сопоставляя такую трактовку с указанием Пирса на то, что знак означает только посредством его интерпретации, добавим, однако, что *интерпретировать* означает не просто передать смысл высказывания иными языковыми средствами, а удостовериться в правильности понимания / взаимопонимания, объяснить что-то самому себе или собеседнику, ответить на какой-то вопрос, уточнить что-то, вызывающее сомнение, и т.п. Семиозис – это всегда поиск опор для понимания в процессе познания / общения, а *переживание понимания* обеспечивается тем, что лежит за словом в мультимодальном (вербальном и невербальном) индивидуальном и социальном опыте человека (см. подробно: [Залевская 2014]).

Вполне естественно, что для разных геополитических зон, населённых носителями весьма различающихся языков и культур, хранимые в памяти образы, увязываемые с определёнными словами-коррелятами в разных языках, могут в значительной мере расходиться по мере актуальности тех или иных признаков, эмоционально-оценочных переживаний и т.д. Поэтому поиск ответов на возникающие в целях понимания вопросы становится значительно более сложным при межъязыковых / межкультурных контактах: в дополнение к вопросам типа: что воспринимаемое слово означает «для меня здесь и сейчас?» (с учётом взаимодействия личностных переживаний со знанием требований системы, норма и узуса родного языка), становится актуальным вопрос: как это понимают носители другого языка и культуры (при этом – понимают «вообще» и/или в данной конкретной ситуации общения / в читаемом тексте)? Иначе говоря, к постулируемым Пирсом вопросам относительно сути интерпретируемого добавляются вопросы, так или иначе связанные с межъязыковым / межкультурным взаимодействием по линиям языковых и энциклопедических знаний, отношения к именуемым объектам и т.д.

Теперь обратимся к проблеме остановки в процессе поиска интерпретант. В отличие от современных нам энтузиастов идеи неограниченного семиозиса, Ч. Пирс постепенно пришёл к пониманию

невозможности интерпретант, полностью совпадающих для разных людей (добавлю: даже для одного и того же человека с некоторым временным интервалом, поскольку изменилась ситуация, стало иным взаимодействие ряда внешних и внутренних факторов, претерпела определённую динамику степень актуальности тех и других для личности и т.д.). Пирс предположил, что может быть найден такой ответ на возникающий вопрос, который до некоторой степени отвечает ситуации, ожиданиям, прогнозам и т.д., а это ведёт к остановке рассматриваемого процесса. В наши дни такая остановка процесса семиозиса трактуется как достаточный семиозис, при котором общающиеся находят общую основу для взаимопонимания (см.: [Ruthroff 1998, 2000] и обсуждение этого вопроса в [Залевская 2016а]). Следует уточнить, что теоретически может продолжаться до бесконечности поиск опор для уточнения того, что лежит за словом в мультимодальной, многократно перекрещивающейся сети продуктов переработки индивидуального опыта познания и общения, но в реальности мы очень быстро останавливаемся, о чём свидетельствуют результаты экспериментальных исследований и наш повседневный личный опыт: мы мгновенно решаем сложнейшие задачи идентификации смысла воспринимаемого сообщения или читаемого текста, при этом взаимодействующие процессы опознания звуков / букв, слов, словосочетаний, их прямого / переносного значения и многого другого осуществляются без осознания того, как это происходит – мы просто понимаем сообщение, читаемый текст или друг друга, не задумываясь о том, как именно это происходит, но подсознательно учитывая широкий круг выводных знаний.

Так мы неизбежно подходим к признанию роли интерпретатора в процессе семиозиса. В противовес утверждению «чистой семиотики», согласно которому «... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [Моррис 1983: 41], Ч. Пирс неоднократно обращался к специфике того, как в реальности функционируют знаки. От первоначального акцентирования роли символов и через развёрнутую классификацию видов знаков он постепенно пришёл к признанию того, что в одном и том же знаке могут сочетаться разные характеристики составляющих традиционно выделяемой триады (т.е. иконы,

индекса и символа). Думается, что такой трансформации представлений Пирса об особенностях знаков в большой мере способствовали его занятия феноменологией. Показательно также, что У. Эко, первоначально отмечавший, что «... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998: 54] постепенно обратился именно к операциям означивания, более того, он даже ввел понятия перцептивного семиозиса, когнитивного типа и т.п. (см.: [Есо 2000]), тем самым продемонстрировав, что исследователь, пытающийся построить теорию объяснительного типа, не может игнорировать того, кто осуществляет семиозис, – интерпретатора.

Проблема семиозиса, достаточного для взаимопонимания между носителями разных языков и культур, стала особенно актуальной в последние годы своеобразного «переселения народов», вызванного разными причинами, в том числе – разгулом насилия, от которого бегут тысячи людей. Особую остроту при этом обретают тонкости религиозных верований, обычаев, стереотипов и т.д., небрежное отношение к которым вызывает обострение межэтнической напряжённости и ведёт к плачевным результатам. К числу задач, которые в этой связи необходимо решать, относятся научные изыскания, так или иначе связанные с перечисленными выше проблемами, а это заставляет задуматься не только о разработке теории естественного семиозиса, но и о возможных исследовательских процедурах, способных обеспечивать убедительные основания для обобщений и выводов.

В число путей выявления имманентно-семиотических механизмов понимания и взаимопонимания в условиях межкультурных контактов должны входить психолингвистические эксперименты и наблюдения в реальных условиях общения, позволяющие так или иначе добираться до глубинных слоёв образа мира носителей разных языков и культур. Результаты таких исследований полезно соотносить с продуктами обработки текстов, регистрируемых в глобальной сети по разным линиям, включая подкорпусы национальных корпусов текстов, социальные сети, форумы и т.д.

Подчеркну, что при исследовании естественного семиозиса в фокусе внимания должен находиться интерпретатор – воспринимающий сообщение / текст, чувствующий, мыслящий и эмоционально-оценочно переживающий воспринимаемое живой человек со всеми вытекающими отсюда следствиями.

1.5.

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СЕМИОЗИСА

Вводные замечания

История человечества изобилует идеями, которые оказывались чрезвычайно популярными в связи с поисками какого-либо универсального объяснительного принципа, применимого к различным сферам жизнедеятельности людей. В XX веке такую роль сыграли, например, теория больших систем, идеи кибернетики, синергетики и, конечно же, семиотики. В задачи предлагаемой работы входит обзор некоторых фактов, свидетельствующих о большом разбросе мнений относительно сути основных понятий семиотики, что отчасти обусловлено фокусированием на отдельных положениях, вырванных из контекста динамики идей Ч. Пирса и/или интерпретируемых с иных позиций. Поэтому перечень некоторых дефиниций сопровождается краткой информацией о трёх этапах сделанных Пирсом обобщений и обсуждением положений, ранее не замечавшихся «пирсоведами». Ограниченность объёма публикации позволяет назвать только некоторые подходы к проблеме семиозиса, привести отдельные дефиниции и обозначить интересные для дальнейшего обсуждения вопросы.

Подходы, дефиниции, проблемы

Разнообразие подходов к рассматриваемой проблеме поражает своим «разбросом»: создаётся впечатление, что ныне исследуется семиозис чего

угодно... Наиболее часто речь идет о семиозисе с позиций семиотики, философии, лингвистики, культурологии, но также имеются работы в области литературоведения, религиоведения, финансов и юриспруденции, информатики и др. Дефиниции термина «семиозис» (далее – С.) содержатся не только в словарях по семиотике, но и во многих других видах словарей. Даже простое перечисление словосочетаний со словом *семиозис* в названиях фигурирующих в Интернет материалов свидетельствует о применении этого термина в различных целях. Так, в связи с исследованием языковых явлений рассматриваются: *языковой С., вторичный С., С. простого предложения* и т.п. С философских, лингвистических, литературоведческих, культурологических и др. позиций обсуждаются вопросы, связанные с *неограниченным / бесконечным С.* Культурологические исследования фокусируются на *С. космоса* в традиционной культуре; ставятся задачи выявления специфики *религиозного С., мифологического С., ритуального С., С. суеверного дискурса* и т.п., при этом анализу подвергаются как современные, так и давно существовавшие сообщества (ср.: *С. женских культов в традиционных сообществах* и *С. женских культов космогонического цикла в культуре древнего Египта*). Сами за себя говорят словосочетания типа: *С. танца, С. креста, С. власти, С. симулякров, всемирный С., эстетический С., проектный С., С. пространственных мифов, ишизосемиозис* и т.д. В связи с проблемой «экологии знания» ставится вопрос: «может ли С. быть устойчивым?» Имеется также название предприятия: *Издательско-полиграфический комплекс «Семиозис»*. Подобные словосочетания фигурируют в работах разных видов и жанров: в монографиях, диссертациях, словарях, статьях (из публикаций последних лет см., например: [Ануфриева 2015; Лебедев, Прилуцкий 2010; Махлина 2009; Миловидов 2016; Равшанов и др. 2011; Соломоник [http](http://); Усманова 2000; Эко 1998, 2000, 2006]),

Чаще всего в публикациях разных авторов отмечается, что следует разграничивать два основных подхода к семиозису: логический, развивающий идеи Пирса, и лингвистический, опирающийся на учение Ф. де Соссюра. Однако дело обстоит не совсем так, поскольку логический подход в его экстремальном варианте проистекает от развития идей Пирса в работах Ч. Морриса, ср. «... семиотика, как наука, имеющая дело исключительно с отношениями, особенно пригодна для применения к ней

новой логики отношений» [Моррис 1983: 44. Разрядка моя. А.З.]. Моррис ставил целью разработку теории чистой семиотики:

«Логический анализ в самом широком понимании термина “логика“ тождествен знаковому анализу» и «может быть осуществлен в соответствии с общепризнанными принципами научного исследования» [цит. раб.: 78].

Такая установка приводит отдельных современных авторов к абсолютизации логико-рациональной трактовки сути семиозиса, в то время как попытка строго следовать системно-структурному подходу даёт своим результатом вывод типа:

«Наиболее фундаментальной и универсальной знаковой системой является естественный язык, поэтому структурная лингвистика и семиотика естественного языка – это синонимы» [Словарь литературоведческих терминов [http](http://)].

Обратим внимание на опасность максимализма при рассмотрении того или иного вопроса и на важность понимания того, что ориентация на поиск наиболее общих закономерностей знаковых отношений, приложимых к различным областям науки и повседневной жизни, не исключает актуальности исследования специфики их проявления в различных условиях с фокусированием на тех или иных аспектах семиозиса. Вполне понятно также, что каждый ракурс рассмотрения семиозиса побуждает акцентировать особенности его проявления в определённых условиях при соответствующих различиях в трактовке целей семиотики как науки, роли и специфики составляющих семиозиса как процесса или какого-то этапа этого процесса, а также результата семиозиса и участия в нём интерпретатора. Это можно проиллюстрировать примерами.

Так, во многих источниках (см., например: [http://epistemology_of_science.academic.ru 21]) упоминается исходная концепция античных авторов, выделивших следующие три компонента семиозиса:

- «1) то, что выступает как знак;
- 2) то, на что указывает знак;
- 3) воздействие, которое знак оказывает на человека (т.е. способ интерпретации)».

Оставим без обсуждения неравнозначность понятий «воздействие на человека» и «способ интерпретации», но обратим внимание на то, что в обоих случаях имплицуруется действующее лицо, заинтересованное в продукте семиозиса, в его практической значимости. Это вполне естественно, поскольку речь шла о том, что знак указывает на симптомы болезни; от правильности их идентификации и трактовки зависит здоровье, а, возможно, и жизнь человека.

Логический подход попытался избавиться от живого человека, вынести его «за скобки», ср.:

«... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [Моррис 1983: 41];

«... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998: 54].

При лингвистическом подходе семиотика трактуется как «дисциплина, занимающаяся сравнительным изучением знаковых систем – от простейших систем сигнализации до естественных языков и формализованных языков науки» (см., например: [Словарь литературоведческих терминов [http](http://)]). Фокусирование на знаковой системе не предполагает экспликации значимости интерпретатора, ср. дефиниции термина «семиозис» в «Объяснительном словаре теории языка» [Греймас, Курте 1983[^] 526]:

«1. С. – операция, которая, устанавливая отношение взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания (в терминологии Ельмслева) – или между означающим и означаемым (у Соссюра), – производит знаки; в этом смысле, например, всякий акт языка подразумевает С. Этот термин синонимичен термину “семиотическая функция”.

2. Под С. можно также понимать категорию сем, конституирующими членами которой являются форма выражения и форма содержания (означающее и означаемое)».

Однако в русле лингвистического подхода наблюдается и сдвиг в сторону живого человека. Например, как можно судить по дефинициям

«Словаря семиотических терминов» [Соломоник <http>], А. Соломоник признаёт роль интерпретатора знаков в научной и практической деятельности и важность исследования концептуальных схем, ср.:

«ИНТЕРПРЕТАТОР – человек, воспринимающий знаки и знаковые системы. Для понимания содержания знака, соотнесения его с референтом и обработки по правилам системы требуется именно человеческое сознание. <...> Пока нет интерпретатора, знак не может состояться».

В то же время в цитируемом источнике делается акцент на изучении знаковых систем как таковых:

«Предметом Общей С. является анализ знаков и знаковых систем, полученных в различных науках или в практической деятельности, и их обобщение в рамках специфических для семиотики концептуальных схем»».

Там же семиотическая деятельность сводится лишь к деятельности учёных по созданию и применению знаков и знаковых систем в определённых областях знания.

Иначе обстоит дело в подходах, ориентированных на практический продукт семиозиса. Так, в источнике [Словарь финансовых и юридических терминов [http13](http)], в приводимой версии которого содержатся только термины, определения которых даны в нормативно–правовых актах, говорится следующее:

«Семиозис: конечный этап отражения воспринимаемой информации в мышлении оператора, обеспечивающий формирование представлений...» (разрядка моя. – А.З.).

К числу наиболее интересующих нас спорных вопросов, непосредственно связанных с проблемой семиозиса, относятся:

- возможность / недопустимость признания роли интерпретатора в процессе семиозиса;
- суть и специфика неограниченного семиозиса;
- обоснованность / ошибочность ограничения цепочки интерпретант вербальными формулировками.

В поисках ответа на эти вопросы полезно обратиться к классическим работам Ч. Пирса. Поскольку представители разных походов к семиозису иногда при высказывании противоположных утверждений в равной мере позиционируют себя как сторонников идей Пирса, прежде всего остановимся на развитии концепции Пирса как мыслителя, пытавшегося понять и объяснить семиозис через призму разных исходных теоретических посылок.

Динамика идей Ч. Пирса

Представляется важным обратиться к опубликованным в книге «Stanford Encyclopedia of Philosophy» результатам исследования творческого пути Ч. Пирса (см.: [Peirce's Theory of Signs [http](http://plato.stanford.edu/entries/peirce-theory-of-signs/)]), где приводятся ссылки на современных «пирсоведов», которые иногда приходят к противоречивым заключениям относительно предпочтительной трактовки отдельных положений обсуждаемой теории.

В названной публикации выделены три обобщения самим Пирсом его взглядов: краткое раннее (1860-е гг.), более полное промежуточное (разработанное между 1880–1890 гг. и представленное в 1903 г.) и неполное итоговое, разработанное между 1906 и 1910 гг. Ниже кратко излагается суть приведенных в цитируемом источнике положений.

В ранних отчетах Пирс стремился увязать знаки с познанием (cognition). Он отмечал, что интерпретанты представляют собой интерпретирующие мысли об отношениях сигнификации, они также выполняют функцию знаков (он называл их «thought-signs»). При этом знак означает только посредством его интерпретации. В фокусе внимания ранней концепции Пирса находится бесконечность знаков – как предшествующих некоторому знаку, так и следующих за ним. В дальнейшем, хотя и без эксплицитного отказа от идеи неограниченного семиозиса (далее – НС), Пирс пересмотрел некоторые понятия, ведущие к НС, сам НС стал менее заметным в его более поздних трудах. При раннем обобщении своих идей Пирс не придавал большого значения иконам и индексам, фокусируясь на конвенциональных символах. Впоследствии такая узкая трактовка знаков была им пересмотрена.

Как указывается в рассматриваемой статье, к 1903 г. идеи Пирса претерпели значительные изменения, которые увязываются разными исследователями с развитием символической логики и разработкой Пирсом

теории квантификации (логического анализа естественного языка с использованием идеи кванторов, актантов и т.д.). В связи с его работами по феноменологии Пирс пришел к заключению, что основные признаки закононосителей могут быть подразделены на три обширные области, соответственно которым знаки должны классифицироваться. Такое деление зависит от того, означают ли закононосители качества (qualities), факты (existential facts) или условные соглашения (conventions or laws). К этому времени Пирс выделял не три класса знаков, как раньше, а десять. К 1903 году трихотомия икона/индекс/символ стала абстракцией: Пирс осознал, что любой знак может проявлять некоторую комбинацию признаков иконы, индекса и символа, он также перестал настаивать на бесконечной цепи знаков.

Отмечается, что итоговое обобщение идей Пирса имело место в 1906–1910 гг. Последние годы своей жизни Пирс занимался семиотикой в философском аспекте и внес много нового по сравнению с 1903 годом. Его всё больше интересовала связь между семиотическим процессом и процессом поиска ответов на возникающие вопросы. Он стал более отчётливо трактовать теорию знака как часть логики научного открытия. Поскольку расспрос с получением сначала неуверенных ответов в конце концов ведёт к получению убедительного ответа, Пирс начал видеть в процессе семиозиса направленность на получение результата, т.е. на завершение этого процесса. Это привело его к трактовке цепи знаков как стремящейся к определённому, но идеализированному завершению, скорее, чем к продолжению до бесконечности: последующая интерпретанта не требуется, поскольку наше понимание не может быть более глубоким («развитым»).

Положения, заслуживающие дальнейшего обсуждения

Обратим особое внимание на то, что исследования в области феноменологии оказали несомненное влияние на развитие концепции Пирса. Удивительно, что этот факт до сих пор не обсуждался «пирсоведами», как не акцентировалась связь периода становления его идей с процессом познания, а позднее, на завершающем этапе, с процессом получения приемлемых

ответов на возникающие вопросы. Рассмотрим ряд положений теории Пирса, прямо вытекающих из замеченных оснований.

Прежде всего, согласимся с автором статьи из Стэнфордской философской энциклопедии в том, что Интерпретанту – самое инновационное и отличающее идеи Пирса понятие – можно трактовать как наше понимание отношения между знаком и объектом. Важность интерпретанты для Пирса состоит в том, что означивание (сигнификация) – это не простая связь между двумя элементами: знак означает только посредством его интерпретации. Это делает интерпретанту центральной для содержания знака: значение знака манифестируется в интерпретации, которую он порождает у пользователя знаком. Добавим к этому, что именно у пользователя возникают вопросы, ответы на которые он ищет при переходе от одной интерпретанты к другой. Пойдём ещё дальше и вспомним, что сама идея семиозиса, зародившаяся у греческих целителей, уже была ориентирована на поиск ответов на вопросы, связанные с установлением симптомов болезни, т.е. с выявлением оснований для интерпретации, приводящей к улучшению состояния больного. Думается, что признание Пирсом возможной остановки процесса интерпретации указывает на его обращение к реальным ситуациям функционирования знака в противовес ранним чисто теоретическим рассуждениям о бесконечном семиозисе, безоговорочно принятом некоторыми последователями идей Пирса.

Особый интерес представляет для нас указание Пирса на то, что знак сигнифицирует свой объект не через все его признаки, а только через некоторые особые признаки (features), детерминируя интерпретанту посредством фокусирования на определённых признаках означиваемого отношения между знаком и объектом. В этом явно прослеживается опыт феноменологических изысканий Пирса, а также кроется объяснение важности его идей для культурологии (ср. хотя бы различающиеся признаки и/или реальные / мифологизированные признаки признаков, взятые за основу при именовании одних и тех же объектов, действий, ситуаций и т.д. в разных лингвокультурах).

Нельзя пройти мимо того, что в последние годы жизни Пирс фокусировался на способности человека понимать знак в ходе рассуждения, поиска ответов на возникающие вопросы, что даёт возможность выводить информацию (посредством дедуктивного рассуждения) или строить

предположения о ней (посредством индуктивного или абдуктивного рассуждения). Тем самым можно констатировать, что последовательно проводя сформировавшееся ещё в ранний период своего научного творчества представление о связи означивания с познанием, Пирс пришёл к пониманию необходимости исследования семиозиса в действии, и хотя он стал трактовать теорию знака как часть логики научного открытия, на самом деле расспрос с получением сначала неуверенных ответов в конце концов ведёт к получению убедительного ответа и в повседневной жизнедеятельности любого человека. Представляется, что тем самым произошёл выход Пирса на более общую проблему получения и функционирования знания. С этим связана роль, которую Пирс отводил предикации (см.: [Пирс 1983: 183 и далее]). Как указывает Ю.С. Степанов, Пирс «впервые открыл это свойство, назвав его “непосредственной убедительной рациональной силой”» [Степанов 1985: 284].

Обратим также внимание на выделенные Пирсом УРОВНИ ПОНИМАНИЯ знака, имплицитующие наличие интерпретатора.

- Первый уровень ясности связан с нерелексивным схватыванием некоторого понятия повседневного опыта.
- Второй уровень ясности должен обеспечивать общее определение (дефиницию) понятия.
- Третий уровень ясности – полное понимание некоторого понятия, включающее знакомство с повседневным опытом, способность дать дефиницию и знание того, что можно ожидать в дальнейшем.

Совокупность названных положений приводит к выводу, что хотя в работах Пирса всегда эксплицитно фигурирует триада – знак, объект, интерпретанта, – фактически имплицитруется квадрига, поскольку Пирса не меньше волновал процесс означивания, который осуществляет интерпретатор, воспринимающий знак и ищущий некоторый уровень понимания отношения между знаком и объектом через фокусирование на определённом признаке. А.Р. Усманова [Усманова 2000] тоже полагает, что под семиозисом Пирс имел в виду процесс функционирования знака (см. ссылку 5 на с. 124 названной работы.). Фактически о том же идёт речь в связи с трактовкой Пирсом интерпретации как перевода. Более того, поиск ответов при постановке вопросов не ограничивается вербальными

интерпретантами, поскольку у Пирса фигурируют так называемые «thought-signs».

Заключение

В своё время Ю.М. Лотман [Лотман 1992: 129] разграничил исследования в области метасемиотики и семиотического функционирования реального текста, а также указал на важность исследования имманентно-семиотических механизмов [Лотман 2002: 56]. Работы Ч. Пирса обычно воспринимаются и трактуются с позиций метасемиотики, в то время как на самом деле рассмотренные положения концепции Ч. Пирса представляются достаточными для общего вывода: идеи Пирса заслуживают детального осмысления с позиций особенностей реального функционирования языка; например, они помогли У. Эко ввести понятие перцептивного семиозиса [Эко 2006], используются при трактовке естественного семиозиса как базового инструмент процессов познания и общения в ходе адаптации человека к естественному и социальному окружению.

Часть 2.

ЧИТАЯ ТРУДЫ Ч.С. ПИРСА

Вводные замечания

Можно предположить, что квалификация идей Пирса как чисто логических проистекает из ряда источников. Во-первых, он действительно начинал разработку идеи семиозиса в логическом аспекте, преподавал логику, разрабатывал вопросы логического анализа естественного языка и т.п. Во-вторых, ему приписывается подход с позиций «чистой» семиотики, популяризованный ссылающимся на Пирса Ч. Моррисом, работы которого стали широко известными, в то время как о Пирсе мало кто знал, а его трудны (он оставил 800000 страниц текста) в основном либо долго не публиковались, либо вообще остались в рукописи. К тому же тексты Пирса трудно читать (нередко их квалифицируют как «мутные»), они требуют значительной мыслительной активности, но гораздо проще и легче обратиться к некоторому широко цитируемому общедоступному источнику, вещающему «истины в последней инстанции», хотя имеет место лишь чьё-то прочтение работы с определённых теоретических позиций (т.е. реализуется одна из возможных читательских проекций текста автора оригинала). Вполне естественно, что и моя проекция обсуждаемых положений является мотивированной стремлением показать, что идеи Пирса обычно оцениваются односторонне – в плане только логического подхода, в то время как на самом деле он стремился выявить глубинные механизмы познания, объяснить природу изначально динамического процесса семиозиса как диалога – поиска ответов на возникающие вопросы.

Как бы то ни было, во всех случаях при рассмотрении тех или иных положений концепции Пирса следует учитывать динамику его идей, о которой уже говорилось в первой части этой книги. В приводимой ниже таблице содержатся два примера того, как менялись взгляды Пирса за три периода его творческой деятельности. Таблица составлена мною с опорой на данные, которые опубликованы в «Stanford Encyclopedia of Philosophy»; статья Альберта Аткина была впервые представлена в 2006 году и существенно пересмотрена в ноябре 2010 г. [Atkinun http] (см. также: [Atkin 2005]). Следует отметить, что редакторы компиляций, составляемых по различным темам, обычно дают в сносках сведения об источниках разных лет, собранных вместе, однако ориентироваться в них довольно трудно и приходится лишь полагаться на то, что в таких подборках содержатся итоговые формулировки, отражающие последний период творчества научного Пирса.

Таблица 1. Динамика некоторых идей Ч. Пирса по трём этапам

Рассматриваемая проблема	Этапы развития идей Ч. Пирса		
	Ранний этап (1860-е гг.)	Промежуточный этап (1880–1890-е гг.)	Итоговый этап (1903–1910 гг.)
Типология знаков	Триада: «икона / индекс / символ» с фокусированием на символе	Анализ особенностей закононосителей (качества, факты, результаты соглашения) (10 классов)	Признание возможности проявлений признаков иконы, индекса, символа у всех знаков
Особенности семиозиса	Бесконечность (неограниченный семиозис)	Переход к новой интерпретанте как поиск ответа на очередной вопрос	Остановка процесса интерпретации при получении успешного ответа

Приводимые ниже аргументы базируются на анализе трудов Пирса, изданных на английском и русском языках (см.: [Пирс 1–3; Peirce 1–11]). Обратим внимание на то, что содержание двух редакторских компиляций трудов Ч. Пирса [Пирс 2000; ТЕР 1998] пересекается лишь частично, на что

уже указывалось в Предисловии. Учитываются также результаты анализа динамики концепции Пирса в упомянутой выше энциклопедии.

Каким же был научный подход, разрабатываемый Пирсом? Для ответа на этот основной вопрос рассмотрим, какие основания позволяют квалифицировать подход Пирса как комплексный, интегративный; каким образом взаимодействуют у Пирса понятия «идеи вещи», «перцептивного суждения» и «значения»; какова роль абдукции в получении нового знания; в чём проявляется психолингвистический потенциал идей Пирса и т.д.

2.1. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЗНАКА В ТРУДАХ Ч.С. ПИРСА

Вводные замечания

Изучение текстов Ч.С. Пирса позволяет поставить под сомнение оценку его научного подхода как чисто логического. Цель этой главы – показать, что логика, трактуемая Пирсом предельно широко, является принципиально важной, но далеко не единственной составляющей научного подхода Пирса. Приводимые ниже аргументы базируются на анализе трудов Пирса, изданных на английском и русском языках, при этом содержание двух редакторских компиляций трудов Ч. Пирса пересекается лишь частично, что объясняется различиями в акцентах, заявленных составителями этих изданий, а именно: фокусированием на динамике трактовки прагматизма в оригинальных текстах на английском языке [ТЕР 1998] и на логических основаниях теории знаков в переводах на русский язык [Пирс 2000]. Это позволяет расширить наше знакомство с идеями Пирса, а также внести некоторые коррективы в перевод на русский язык некоторых из используемых Пирсом терминов и формулировок.

Прежде всего зададим вопрос: почему подход Пирса нельзя считать чисто логическим? Известно, что особенности такого подхода определил Ч. Моррис, по мнению которого «... семиотика, как наука, имеющая дело исключительно с отношениями, особенно пригодна для применения к ней новой логики отношений» [Моррис 1983: 44. Здесь и далее в цитатах разрядка моя. А.З.]. При этом Моррис особо подчеркнул, что «общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [цит. раб.: 41]. Пирс действительно уделил много внимание разным

видам отношений и детально разрабатывал логику отношений; в его работах встречаются термины «чистая логика», «чистая грамматика» и т.п., но это – не «вся правда». Пирс ставил своей задачей ПОНЯТЬ и ОБЪЯСНИТЬ, при каких условиях нечто становится знаком, какой может быть природа знаков, какие приписываемые знаку характеристики направляют идентификацию знака (поиск его Интерпретанты), как можно исследовать жизнь знаков и классифицировать их, но всё это было подчинено главной цели – выяснить, КАК и БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ знак выполняет свои функции, КАК ЗНАК РАБОТАЕТ В КАЧЕСТВЕ ТАКОВОГО, в том числе определить условия и факторы, обеспечивающие преодоление трудностей в реальном пользовании знаком. Это потребовало разработки принципов и методов исследования, далеко выходящих за рамки логики отношений.

Каким же вследствие этого был научный подход, разрабатываемый Пирсом? Какой видел науку о знаках сам Пирс?

Динамика представлений Пирса о специфике теории знаков

Известно, что в ходе научного поиска Пирс многократно возвращался к тем или иным положениям, уточняя и пересматривая предлагаемые формулировки (см. выше обсуждение динамики взглядов Пирса). Сопоставим, какой Пирс видел науку о знаках в 1867 году и через сорок с небольшим лет – в 1908–1909 гг.

В опубликованном на английском языке письме к леди Уэлби написанном в декабре 1908-го года, Пирс указывает, что разрабатываемая им наука, которую он квалифицирует как *логику*, совпадает с тем, что леди Уэлби понимает под *сигнификой*: «... as well as I can make out, what you call “signifies” is equivalent to the study that I entitle *logic*» [Peirce–4: 481]. Как поясняется в редакторском комментарии к изданию трудов Пирса на русском языке [Пирс–1], В. Уэлби была автором книги о значении («What is Meaning?»), ею был предложен сам термин «сигнифика» (*signifies*) и подготовлена статья о сигнифике для *Encyclopaedia Britannica*. В письме от 14-го марта 1909 г. Пирс признает фундаментальность рассматриваемой В. Уэлби трихотомии «Смысл – Значение – Значимость» и указывает, что это почти совпадает с его собственной классификацией трёх типов Интерпретант, что естественно, если обе трихотомии верны. После

обсуждения того, что совпадает и/или различается при этих двух подходах, Пирс высказывает предположение, что приход леди В. Уэлби к необходимости различения идей Смысла, Значения и Значимости обусловлен удивительной чувствительностью восприятия, в то время как постулируемые им самим разновидности Интерпретант логически выведены из дефиниции Знака. При этом Пирс подчёркивает, что он рассматривает значение в широком смысле и надеется успеть написать книгу о том, что он под этим понимает [Пирс–1]. Некоторые аспекты трактовки значения в работах Пирса обсуждаются ниже (см. главу 2.2), здесь представляется достаточным уточнить следующее: Пирс указывал на неисчерпаемость значения, что наглядно демонстрировалось им посредством цепочек интерпретант, однако именно углублённое исследование механизмов того, что квалифицировалась им как «неограниченный семиозис», привело Пирса к пониманию важности роли прагматической мотивации при выборе путей поиска интерпретанты знака и помогло обосновать реальность остановки при достижении приемлемого уровня экспликации значения.

В переписке с В. Уэлби затрагиваются также вопросы разработки научной теории, которую Пирс в приведённой выше цитате квалифицировал как логику. В том же письме Пирс ссылается на свою публикацию 1867-го года, в которой он назвал три науки, важные для общей теории знаков:

«The first would treat of the formal conditions of symbols having meaning, that is of the reference of symbols in general to their grounds, or imputed characters; and this might be called formal grammar (... *grammatica speculative*...). The second, logic, would treat of the formal conditions of the truth of symbols. The third would treat of the formal conditions of the force of symbols, or their power of appealing to a mind, that is, of their reference in general to interpretants, and this might be called formal rhetoric» [Peirce–4: 482].

Обратим особое внимание на то, в чём именно Пирс видит задачи каждой из этих наук.

Так, формальная («чистая») грамматика фокусируется на приписываемых знакам особенностях (*imputed characters*), знание которых обеспечивает саму возможность функционирования знака как промежуточного средства коммуникации, обязывающего

следовать установленным правилам оформления мысли (фактически речь идёт о прескриптивности, институциональности языкового знания, разделяемого носителями языка и культуры и обеспечивающего взаимопонимание при общении). Пирс неоднократно возвращается к этому положению, указывая, что выбираемая форма акцентирует некоторый признак объекта и детерминирует динамический объект коммуникации, см., например: [цит. раб.: 478].

Формальная логика занимается способами рассуждения и подсказывает пути выхода из трудных ситуаций при недостаточности оснований для того или иного выводного знания, установления истинности суждения и т.д. Углублённое исследование подобных ситуаций привело Пирса к обоснованию роли абдукции в выборе пути поиска интерпретанты знака.

Особенно интересна трактовка Пирсом задач риторики, призванной исследовать «силу знаков», т.е. возможности воздействия на сознание (ныне это называют речевым воздействием и исследуют в приложении к разным ситуациям, в том числе – в политике, рекламе и т.д.).

Пирс также определяет своё отношение к приведённому перечню наук, сложившееся на прошедшие годы (вспомним, что в 1909 году им цитируется и обсуждается публикация 1867 года): его многолетний опыт работы в этом направлении показывает, что нужна единая наука, способная ответить на широкий круг возникающих вопросов:

«I should still opine that in the future there probably will be three such sciences. But I have learned that the only natural lines of demarcation between nearly related sciences are the divisions between the social groups of devotees of those sciences; and for the present the cenoscopic studies (i.e., those studies which do not depend upon new special observations) of all signs remain one undivided science» [цит. раб.: 482].

На самом деле к этому времени Пирс фактически уже разработал единую науку интегративного типа, называемую им логикой в самом широком смысле. При этом он неоднократно указывал на роль ряда наук, так или иначе помогающих понять и объяснить наблюдаемые факты. Например, в поисках надёжного материала для исследования Пирс пришёл к выводу, что необходимо анализировать феномены, это позволяет не только

строить гипотезы, но и проверять их убедительность (в том числе и «со стороны»). Следует в то же время уточнить, что обращаясь к феноменам как наблюдаемым фактам, Пирс тем не менее дистанцировался от таких наук, как феноменология и психология, указывая на формальный подход, свойственный уровню развития названных наук на рубеже XIX и XX вв. Для объяснения наблюдаемых фактов Пирс также считал важным учитывать то, что исследуют такие науки, как прагматизм, логика, этика и эстетика: согласно прагматизму, мы думаем так, как нас к этому подготовил наш предшествующий опыт; рассуждаем так, как нас обязывают законы логики; преднамеренно выбираем то, на что ориентирует этика; отдаём предпочтение тому, чем подготовлены восхищаться, а этим занимается эстетика:

«... as pragmatism teaches us, what we think is to be interpreted in terms of what we are prepared to do, then surely logic, or the doctrine of what we ought to think, must be an application of the doctrine of what we deliberately choose to do, which is Ethics. But we cannot get any clue to the secret of Ethics,—a most entrancing field of thought but sown broadcast with pitfalls,—until we have first made up our formula for what it is that we are prepared to admire» [Peirce—8: 1241].

Возвращаясь к позиции сигнифики, Пирс квалифицирует её как часть общей семиотики и указывает, что сигнифика непременно должна начинаться с тщательного и широкого исследования природы знака [Peirce—4]

К проблеме природы знака мы ещё вернемся, здесь важно отметить, что Пирс увязывал со знаком некоторую идею именуемого объекта (в широком смысле): знак может указывать на какое-то качество объекта, по-разному представляя его в тех или иных ситуациях, но при этом во всех случаях имплицитно некое самое общее (очевидно, речь идёт о «разделяемом знании», обеспечивающим некоторый уровень взаимопонимания даже при контакте представителей разных лингвокультур):

«... the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign “stands for,” or the idea of that which it is calculated to awaken» [Peirce—2: 406].

В связи с указанием на идею, возбуждаемую знаком, Пирс в некоторых случаях говорит о науке *идеоскопии*, под которой понимает следующее:

«Идеоскопия состоит в описании и классификации идей, имеющих отношение к обычному опыту или естественным образом возникающих в повседневной жизни, безотносительно к их значимости в ней и независимо от каких-либо связанных с ними фактов психологии» [Пирс–2: 481].

Сказанное представляется достаточным для вывода: Пирс подходил к проблеме знака посредством интегрирования ракурсов видения исследуемого объекта с позиций ряда наук, в которых искал опоры для объяснения наблюдаемых фактов и отношений, это сказалось на его трактовке знака.

Некоторые особенности трактовки Пирсом знака и знаковой ситуации

Весной 1906 года Пирс пишет леди Уэлби о своей широкой трактовке термина «знак», под которым он понимает любое промежуточное средство общения – медиум, выбор которого детерминируется тем, что называют Объектом, а сам медиум детерминирует то, что называется Интерпретантом / Интерпретантой; при этом речь идёт о некоторой идее, которую знак возбуждает в сознании интерпретатора, вызывая определённый результат:

«I use the word “Sign” in the widest sense for any medium for the communication or extension of a Form (or feature). Being medium, it is determined by something, called its Object, and determines something, called its Interpretant or Interpretand» [Peirce–4: 477]. «I define a Sign as anything which on the one hand is so determined by an Object and on the other hand so determines an idea in a person's mind, that this latter determination, which I term the Interpretant of the Sign, is thereby mediately determined by that Object [цит. раб.: 482]. «I define a Sign as anything which is so determined by something else, called its Object, and so determines an effect upon a person, which effect I call its Interpretant, that the latter is thereby mediately determined by the former» [цит. раб.: 478].

Следует особо подчеркнуть, что в качестве знака может выступать не только материально представленный знак, но и любой концепт, мысль: «To begin with, every concept and every thought beyond immediate perception is a sign» [Peirce–2: 401]. При этом в ходе рассуждения взаимодействуют иконические, индексальные и символичные характеристики знаков: «In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols» [Peirce–10: 10]. Пирс уточняет также, что под концептом он понимает символичный аспект такого взаимодействия: «These mental signs are of mixed nature; the symbol-parts of them are called *concepts*» [цит. раб.: 10].

Откуда же берутся увязываемые со знаком «идеи»? На этот вопрос Пирс однозначно указывает: из опыта, при этом особую роль играет начальный этап процесса познания, а именно – чувственное восприятие, посредством которого формируются перцептивные суждения как исходные посылки для рассуждений и выводов:

«*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*. I take this in a sense somewhat different from that which Aristotle intended. By *intellectus*, I understand the meaning of any representation in any kind of cognition, virtual, symbolic, or whatever it may be. <...> As for the other term, *in sensu*, that I take in the sense of in a perceptual judgment, the starting-point or first premiss of all critical and controlled thinking» [Peirce–3: 226–227].

Отводя перцептивному суждению важную роль в формировании интерпретанты, Пирс уточняет, что речь идёт о пропозиции, указывающей на некоторый перцепт, наличный в определённый момент. При этом важен сам факт такого наличия и то, что соответствующая операция осуществляется за пределами осознаваемого контроля:

«By a perceptual judgment, I mean a judgment asserting in propositional form what a character of a percept directly present to the mind is. The percept of course is not itself a judgment, nor can a judgment in any degree resemble a percept. <...> You may adopt any theory that seems to you acceptable as to the psychological operations by which perceptual judgments are formed. For our present purpose it makes no difference what that theory is. All that I insist upon is that those operations, whatever they

may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not» [Peirce–1: 154].

Пирс подчёркивает, что из перцептивных суждений могут выводиться пропозиции-универсалии, при этом имеет место абдукция как единственный способ получения нового знания, а именно: при недостаточности оснований для индуктивного или дедуктивного вывода перцептивное суждение на основе сходства, подобия (likeness) по некоторому признаку объединяет вместе то, что мы произвольно никогда не догадались бы объединить; результат такого суждения «вспыхивает» в форме инсайта (думается, при этом имеет место эффект эмерджентности, при котором появляется идея, которую невозможно прямо вывести их взятых по отдельности компонентов происшедшего объединения):

«... perceptual judgments contain general elements, so that universal propositions are deducible from them <...> abductive inference shades into perceptual judgment without any sharp line of demarcation between them; or in other words our first premisses, the perceptual judgments, are to be regarded as an extreme case of abductive inferences, from which they differ in being absolutely beyond criticism. The abductive suggestion comes to us like a flash. It is an act of insight, although of extremely fallible insight. It is true that the different elements of the hypothesis were in our minds before; but it is the idea of putting together what we had never before dreamed of putting together which flashes the new suggestion before our contemplation!» [Peirce–3: 227].

Обратим внимание на то, что фактически Пирс моделирует процесс речемыслительной деятельности, в котором знак выступает как «живой» медиум, направляющий путь поиска интерпретанты:

«The reasoner makes some sort of mental diagram by which he sees that his alternative conclusion must be true, if the premise is so; and this diagram is an icon or likeness. The rest is symbols; and the whole may be considered as a modified symbol. It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another» [Peirce–10: 10].

Но при этом обычно подразумеваются по меньшей мере два участника – отправитель знака и его получатель или один участник и его «другое эго», т.е. он сам на предшествующем этапе функционирования знака:

«Proceeding in that way with our definitum, “sign,” we note, as highly characteristic, that signs mostly function each between two minds, or theatres of consciousness, of which the one is the agent that utters the sign (whether acoustically, optically, or otherwise), while the other is the patient mind that interprets the sign. Going on with my account of what is characteristic of sign, without taking the least account of exceptional cases, for the present, I remark that, before the sign was uttered, it already was virtually present to the consciousness of the utterer, in the form of a thought. But, as already remarked, a thought is itself a sign, and should itself have an utterer (namely, the ego of a previous moment), to whose consciousness it must have been already virtually present, and so back» [Peirce–2: 402].

Иначе говоря, Пирс проследил развёртывание знаковой ситуации на глубинном уровне, а это привело его к пониманию роли личностной прагматической мотивации, направляющей выбор той или иной опоры для Интерпретанты прежде всего с учётом ожидаемого эффекта.

Выводы

Из числа возможных выводов по результатам предпринятого анализа трудов Пирса остановимся лишь на следующих.

1. Целостная картина динамики размышлений и поисков, высвечивающаяся в ходе изучения рассматриваемых публикаций, даёт основания для заключения, что Пирс-философ прежде всего разрабатывал философские основы теории познания через анализ модусов (т.е. способов проявления) сущего; особую роль в познании, которое осуществляется любыми способами и в любых формах, Пирс отводил потребности узнавать новое – в том числе через посредство знаков.

2. Пирс-математик стремится путём многоэтапного абстрагирования вывести наиболее общие формулы для выражения самой сути («идеи») исследуемых фактов и отношений, которые последовательно преломляются через призму его философской концепции модусов сущего, а это требует от читателя сложной умственной работы, к тому же с учётом постоянной

динамики взглядов выдающегося мыслителя, обладавшего разносторонними знаниями и широчайшей эрудицией.

3. Пирс-экспериментатор (химик по базовому образованию) строил свои гипотезы и проверял их правомерность через обращение к наблюдаемым феноменам и придавал огромное значение детальному анализу, обобщению и классификации исследуемых фактов, которые должны получить научно обоснованное объяснение, согласующееся с принятой системой исходных постулатов (в данном случае – относительно природы знаков, их функций, особенностей взаимодействия и способности успешно обеспечивать познание и общение).

4. Из наук, привлекаемых для решения возникающих проблем, Пирс считал возможным почерпнуть некоторый принцип видения и/или объяснения наблюдаемых фактов, в том числе независимо от критического отношения к современному для него состоянию той или иной науки. Поиск полезных междисциплинарных контактов, как и обоснование эффективности получаемого таким путём результата, направлялись закономерностями логического рассуждения, которое для Пирса – специалиста по логике – оставалось ведущим и для научного поиска, и для обыденного познания и общения.

5. Отдавая приоритет логике познания, Пирс тем не менее признал взаимодействие логического аспекта функционирования знаков с перцептивным базисом процесса интерпретации знака и указал на роль широкого круга внешних и внутренних факторов, направляющих поиск интерпретант. Несмотря на попытки отмежеваться от феноменологии и психологии, Пирс не смог не заметить роли воображения, памяти, эмоций и т.д., более того, он фактически предпринял моделирование речемыслительного процесса, показав знаковую функцию мысли и прескриптивный характер формы общепринятого знака, используемого для оформления мысли. Особую значимость при этом имеет разработанное Пирсом прагматическое обоснование личностно аспекта функционирования знаков.

Сказанное выше даёт основания для признания интегративного, комплексного характера развиваемой Пирсом концепции знака.

2.2.

«ИДЕЯ ВЕЩИ», «ПЕРЦЕПТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ» И «ЗНАЧЕНИЕ» ПРИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ / МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ

Вводные замечания

Объяснение того, каким образом и благодаря чему становится возможным взаимопонимание, в том числе – при межъязыковых / межкультурных взаимодействиях, составляет актуальную проблему для наук о человеке. Ниже делается попытка обратиться к трудам Ч.С. Пирса, который тщательно исследовал процесс интерпретации знака и обнаружил ряд весьма важных особенностей названного процесса, проливающих свет на заявленную выше проблему.

В публикациях Ч.С. Пирса трудно разыскать прямые указания на то, что речь идёт о значении именно *слова*, поскольку обычно в центре его внимания находится *знак*, в функции которого может выступать что угодно: Так, весной 1906 года Пир писал, что он использует слово «знак» в самом широком смысле, понимая под ним любое промежуточное средство общения, детерминируемое именуемым объектом и детерминирующее то, что он называет интерпретантой знака [Peirce–4: 477].

В одной из своих лекций, прочитанных в Гарварде в 1903 году, а именно – «On Phenomenology» [Peirce–1], Пирс приглашает слушателей принять участие в выявлении природы того, что он называет значением любого высказывания или понятия (in a searching examination of the nature of what we call the meaning or significance of any phrase or conception). При этом даётся пояснение: чтобы выделить самое главное, очищенное от нерелевантных сопутствующих признаков, и вывести наиболее общую формулу, необходима «абстрагирующая сила», присущая математике, но

«чистая математика» не делает категорических утверждений, она только говорит, что будет истинным, если верна соответствующая гипотеза, независимо от того, отвечает ли эта гипотеза чему-то существующему в природе. В соответствии с этим требованием Пирс в ряде своих лекций (см.: «The Nature of Meaning» [Peirce–9], «The Categories Defended» [Peirce–5] и др.) демонстрирует, как обнаруживаются лежащие за словом наиболее общие категории, на базе которых строится интерпретация знака, тем самым выявляется роль значения как промежуточного средства («медиатора»), обеспечивающего выход на глубинные закономерности процесса интерпретации знака. Это вполне естественно, если учитывать специфику ориентации Пирса на поиск и объяснение наиболее общих закономерностей познания того, что он называет модусами сущего (т.е. способами проявления последнего). Как бы то ни было, речь идёт о наличии некоторых наиболее общих закономерностей использования определённого вида опор (в данном случае – категорий, но Пирс нередко говорит и об «идее вещи»), в доступе к которым несомненна роль значения как инструмента, связывающего знак с предшествующим опытом познания и общения.

В то же время из переписки Пирса с леди Уэлби (1903–1911) [Пирс–1; Peirce–4] известно, что в последние годы жизни Пирс считал свою концепцию разных видов интерпретант соотносимой с триадой «Смысл – Значение – Значимость», которую рассматривала Виктория Уэлби – автор книги «What is Meaning?». Пирс даже собирался написать книгу о значении, однако не успел сделать это.

Сказанное представляется основанием для следующих предварительных выводов.

- Трактровка Пирсом процесса поиска интерпретанты, по его собственному признанию, имеет прямое отношение к исследованию значения слова.
- Вопросы значения слова, так или иначе затрагиваемые в трудах Пирса, должны обсуждаться в свете более общей концепции знака.
- Поскольку Пирс находился в постоянном творческом поиске, следует опираться на его высказывания, относящиеся к последнему периоду его жизни.

В приводимой выше табл. 1 (см. с. 63) содержатся два примера того, как менялись взгляды Пирса за три периода его творческой деятельности.

Включённые в эту таблицу проблемы имеют непосредственное отношение к обсуждаемым ниже вопросам, поскольку первая связана с выявлением природы знака, а вторая – с анализом специфики процесса интерпретации знака. Далее рассматриваются только относящиеся к итоговому этапу датированные высказывания Пирса, в том числе тексты лекций, прочитанных Пирсом в Гарварде (1903 г.) и выдержки из его переписки с В. Уэлби (1903–1911) [Пирс–1; Peirce–4]. С результатами предварительного обсуждения динамики взглядов Пирса и особенностей его творческого поиска можно ознакомиться по главе 2.1.

Триада «Смысл – Значение – Значимость» и различные виды интерпретант

В письме от 14 марта 1909 года Пирс сообщает В. Уэлби, что признает фундаментальный характер обсуждаемой ею трихотомии «Смысл – Значение – Значимость», а также уточняет, в чём и до какой степени согласуются и/или различаются составляющие этого перечня и выделяемые им самим виды интерпретант [Пирс–1]. Обратим внимание на то, что в оригинальных текстах на английском языке Пирс использует разные формы термина *Interiretant(a)*, *Interpretand* и т.д., поэтому далее будет фигурировать разные варианты этого термина, хотя форма женского рода – *интерпретанта* – представляется мне наиболее удачной, именно она помогает избежать смешения понятий, поскольку вариант мужского рода – *интерпретант* – может увязываться с представлением о том, КТО интерпретирует.

Для наглядности представляется полезным свести в табл. 2 обобщённые результаты сопоставления Пирсом двух перечней, вынесенных в заголовки этого параграфа (совпадающие трактовки помечены знаком «X»).

Следует прежде всего уточнить, чем для нас интересна концепция В. Уэлби и как это может помочь нам разобраться в теории, которую разрабатывал Пирс. К числу возможных ответов на эти вопросы относятся следующие. Во-первых, работы Пирса сложны для понимания, на что указывала ему Виктория Уэлби, а это заставляло Пирса подробно объяснять ей свои формулировки и искать опоры для параллелей и/или для уточнения различий между сопоставляемыми концепциями. Во-вторых, используемая

В. Уэлби триада более близка отечественному читателю, чем терминология, фигурирующая в работах Пирса.

Таблица 2. Соотношение двух триад
(Ч.С. Пирс / В. Уэлби)

Пирс \ Уэлби	Смысл	Значение	Значимость
Непосредственная интерпретанта	X	–	–
Динамическая интерпретанта	–	X	–
Конечная интерпретанта	–	–	X

Отметим также, что В. Уэлби была признанным в своё время философом языка, чья концепция значения квалифицируется как одна из теорий, подготовивших современное состояние теорий значения (см. подробно: [http://www.wikiwand.com/en/Victoria_Lady_Welby]). Важным представляется и то, что В. Уэлби соотносила свою триаду с разными уровнями осознаваемости, она фокусировалась на смысле и детально исследовала различные проявления смысла на материале повседневного использования языка, в том числе с обращением к этике, эстетике, прагматике, социальным наукам для объяснения наблюдаемых фактов. В. Уэлби ввела термин «сигнифика» как акцентирующий особый (обычно игнорируемый) взгляд на значение слова и имеющий преимущества перед терминами «семантика» и «семиотика», к тому времени уже теоретически нагруженными. Можно также предположить что идея интерпретации знака как перевода, скорее всего, появилась благодаря переписке Пирса с В. Уэлби: он указывает, что ему очень понравилась её высказывание о человеке как о существе, переводящем грубую животную силу в интеллектуальную и духовную энергию: слово *переводящий*, по мнению Пирса, «содержит в себе глубокую истину».

Теперь остановимся на уточнениях, которые вносит Пирс. В письме от 14 марта 1909 г. Пирс уверенно заявляет, что его Конечный Интерпретант полностью соответствует понятию Значимости у В. Уэлби, Непосредственный Интерпретант если и не полностью, то в очень большой степени соответствует Смыслу, в то время как наибольшее расхождение

имеет место между понятиями Динамического Интерпретанта и Значения. Обратим внимание на то, что чуть ниже Пирс снова обращается к сопоставлению Непосредственного Интерпретанта и Смысла, он признаёт их совпадение по смысловому воздействию.

В качестве различий между двумя сопоставляемыми подходами Пирс рассматривает то, что В. Уэлби для элементов своей классификации выбирает слова из общеупотребительного языка, в то время как он сам пытается избегать этого, выбирая термины, по его мнению, более подходящие к нуждам разрабатываемой им научной теории. При этом Пирс полагает также, что классификация В. Уэлби основывается на «удивительной чувствительности восприятия» в противовес предпринятому им самим логическому выведению трёх разновидностей интерпретант из дефиниции Знака. Думается, что в последнем случае Пирс несколько отклоняется от истины, поскольку, во-первых, им рассматриваются не три разновидности интерпретант, а значительно больше (см. об этом ниже); во-вторых, разграничение разных видов интерпретант проводится Пирсом с опорой на наблюдаемые феномены, для тонкого разграничения смысла которых чисто логическое рассуждение не является достаточным; в-третьих, разграничение обоими авторами разных уровней осознаваемости компонентов сопоставляемых триад указывает на определённую степень соотнесённости уровней «глубины» погружения в поиск особенностей процесса интерпретации знака, а отсюда, в-четвёртых, становится понятным, как и почему Пирс пришёл к признанию того, что основу для интерпретации составляет перцептивное суждение, т.е. символ понимается через обращение к индексу и далее к иконе.

Сказанное приводит к заключению, что приблизиться к пониманию идей Пирса можно через предлагаемую им трактовку процесса интерпретации знака, в котором, в частности, выделены (в письмах, датированных декабрём 1908 года [Peirce-4]) следующие виды интерпретант как д е т е р м и н а ц и й, имеющих место в сознании отправителя и получателя сообщения:

- the Intentional Interpretant – та, которая имеется у говорящего;
- the Effectual Interpretant – та, которая возникает у слушающего;

- the Communicational Interpretant – та, которая необходима для того чтобы коммуникация состоялась, т.е. то общее, что имеется у двух предшествующих интерпретант²³ [цит. раб.: 478].

Далее добавляются ещё: the Destinate Interpretant, the Effective Interpretant, the Explicit Interpretant [цит. раб.: 481]; the Dynamic Interpretant; the Normal Interpretant [цит. раб.: 482]. По иному основанию виды интерпретант разграничиваются в Бостоновской лекции Пирса о прагматизме: the «emotional» interpretant; the «energetic» interpretant; the «logical» interpretant [Peirce–2: 408].

Как отмечено в источнике [Peirce’s Theory of Signs [http](http://)], в работе 1878 г. «How to make our ideas clear» Пирс разграничил три уровня ясности интерпретанты: Familiarity, Logical Analysis, Pragmatic Analysis. Они соотносятся с immediate, dynamic, final interpretant соответственно. Даже простой перечень приведённых терминов свидетельствует о том, что Пирс анализировал продукты процесса интерпретации знака с разных позиций, пытаясь уловить тонкие различия между наблюдаемыми случаями. Нетрудно заметить, что оформление названий интерпретант варьируется (используются выделение заглавными буквами, кавычками, курсивом и их сочетанием – во всех случаях выделенная Пирсом последовательность интерпретант отвечает некоторому признаку, лежащему в основе каждой из многочисленных классификаций).

Пирс даёт чёткие характеристики, акцентирующие тот или иной признак, принципиально важный и отличающий одну интерпретанту от другой и в то же время согласующийся с его общей теорией модусов сущего и с развиваемыми представлениями о путях постижения проявлений сущего. Так, «Непосредственный Интерпретант представляет собой абстракцию, состоящую в Возможности»; «... Динамический Интерпретант есть то, что опытным путем познается в акте Интерпретации и отличается в каждом таком акте от любого другого»; «... Конечный Интерпретант есть один Интерпретативный результат, к которому всякий Интерпретатор должен прийти, если Знак рассмотрен в полной мере» [Пирс–1: 320].

Иначе говоря, Пирс трактовал интерпретацию знака как сложный процесс, протекающий на разных уровнях осознаваемости и дающий

²³ Вспомним то, что выше говорилось о разделяемом знании.

различающиеся по своему характеру продукты – интерпретанты разных видов и уровней «глубины» понимания. Следует обратить особое внимание на выделенную Пирсом Коммуникативную интерпретанту (Commence), которая в современных терминах может быть квалифицирована как разделяемое знание – залог самой возможности взаимопонимания, закреплённый в социально принятом значении знака, отсылающий к некоторому набору категорий и налагающий ряд детерминаций, имплицитруемых этими категориями. Например: *читал* и *прочитал* в равной мере требуют ответов на вопросы типа *кто, что, когда, при каких обстоятельствах* и т.д., но существенно различаются по характеру совершаемого действия, как различаются и имплицитруемые запреты (например, нельзя сказать *прочитал завтра*, хотя вероятен более широкий контекст, допускающий такое высказывание, например: *я бы прочитал это завтра, если бы...*).

Не менее важным является и указание Пирса на то, что имеются различия между знанием, которое потенциально увязывается со знаком («If a sign has no interpreter, its interpretant is a "would be", i.e., is what it would determine in the interpreter if there were one» [Peirce-2: 408], и постигаемым знанием, т.е. реально доступным для кого-то в некоторых обстоятельствах: самое главное (the maxim) состоит в признании того, что всё значение и вся значимость любой трактовки / интерпретации воспринимаемого базируются на его *постигаемом практическом потенциале* (lies in its conceivably practical bearings), при этом уточняется, что в *постигаемых обстоятельствах* такие практические ориентиры детерминируют, каким образом мы будем поступать или как надо поступать в подобных случаях (здесь и далее приводится не перевод, а свободный пересказ, близкий к содержанию цитируемого отрывка или высказывания). Очевидно, в первом из названных случаев речь идёт о социально принятом значении, а во втором – об имеющемся у некоторого индивида опыте познания мира, не всегда достаточном для постижения смысла воспринимаемого.

В качестве промежуточных выводов теперь выступают следующие, вытекающие из признания того, что Интерпретация знака, как и идентификация значения слова, представляет собой сложный процесс, который:

- осуществляется на разных уровнях осознанности;

- представляет собой реализацию потенциально увязываемых со знаком представлений, условий, детерминаций и т.д., т.е. того, КАК он мог бы быть интерпретирован;
- уровень / полнота реализации потенциалов знака зависит от степени готовности воспринимающего знака постичь увязываемые с ним условные соглашения, указания на объекты, их качества и взаимосвязи, ситуации и т.д.;
- понимание того, что репрезентирует знак, реализуется благодаря взаимодействию смысла, значения и значимости именуемого.

За счёт чего же постигаются смысл, значение и значимость и как это отражается на взаимопонимании при межкультурных контактах?

«Идея вещи»
и «перцептивное суждение»

Понятие «идея» фигурирует у Пирса в разных контекстах. Начнём с примера, где говорится о том, что в первую очередь нечто должно быть опознано как знак, т.е. необходима идея наличия символической связи как таковой:

«The symbol is connected with its object by virtue of the idea of the symbol-using mind, without which no such connection would exist» [Peirce–10: 9].

Аналогично этому, речь может идти об идее принадлежности к некоторой категории, идее наличия определённого признака и т.д. Нас также может интересовать то, как некоторая вещь может выступать в посреднической (медиативной) функции, т.е. какую идею другой вещи она будет возбуждать в нашем сознании («it conveys to a mind an idea about a thing» [цит. раб.: 5]).

Пирс подчёркивает, что одна и та же вещь может вызывать разные идеи в зависимости от того, КАК мы её видим и КАКИМ ОБРАЗОМ отсылаем к ней: через подобие (likeness), указание на что-то, физически связанное с объектом (index), или через символ, но на самом деле любое рассуждение требует использования и подобий, и указаний, и символов:

«In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols. We cannot dispense with any of them. The complex whole may be called a symbol; for its symbolic, living character is the prevailing one» [цит. раб.: 10].

Акцентирование признака «живой» при рассмотрении процесса интерпретации знака неоднократно встречается в трудах Пирса:

«It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another. The art of reasoning is the art of marshalling such signs, and of finding out the truth» [там же].

Пирс указывает на следующее: мы ищем ответ на вопрос: ВМЕСТО ЧЕГО используется знак, или что представляет собой ИДЕЯ, ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ КОТОРОЙ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ЗНАК:

«It is now easy to see that the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign "stands for," or the idea of that which it is calculated to awaken»» [Peirce-2: 406].

Итак, главное – это уловить ИДЕЮ того, для чего предназначен знак. Но возникает вопрос: что помогает нам осуществить это?²⁴

Пирс указывает, что Интерпретанта знака во всех случаях включает переживание / чувствование (feelings), поскольку, в большинстве случаев имеет место по меньшей мере хотя бы чувство улавливания значения знака [Peirce-2: 408]. При этом опорой служит не только то, что получено разумом через посредство восприятия, т.е. не только то, что выявляют ощущения: «... something forced upon the mind in perception, but including more than perception reveals» [Peirce-4: 478], поскольку имеет место обобщение (perceptual judgments involve generality [Peirce-9: 208]) с учётом того, что включает наличный опыт (actual Experience) и на что нацеливает прагматическая ориентация [Peirce-11].

Характеризуя перцептивное суждение, Пирс подчёркивает, что совершаемые при этом операции, какими бы они ни были, полностью совершаются за пределами нашего контроля и совершаются независимо от того, нравятся они нам или нет:

²⁴ Вспомним стихотворение В. Маяковского «Что такое *хорошо* и что такое *плохо*». Это прекрасный пример того, как ребёнок постигает окружающий его мир и символическую функцию слова, увязывая абстрактное понятие с переживаемыми образами имеющегося опыта.

«All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not» [Peirce–1: 154]. «All that I can mean by a perceptual judgment is a judgment absolutely forced upon my acceptance and that by a process which I am utterly unable to control and consequently am unable to criticize» [Peirce–9: 209].

Очень важным представляется указание Пирса на то, что перцептивным суждение проявляется в форме пропозиции, в которой прямо представлен сознанию некоторый перцепт [Peirce–1: 154], а значение пропозиции охватывает всё выводимое из неё путём дедукции (the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it [Peirce–9: 213]) или абдукции, при этом именно последняя приводит к получению нового знания (because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...) [3: 224]. Перцептивное суждение и абдуктивно получаемое выводное знание взаимодействуют, они трудно различимы; результат проявляется внезапно, как «вспышка» (инсайт); главное же состоит в том, что возникает идея объединения таких элементов предшествующего опыта, которые и раньше у нас были, но мы и подуть не могли, что они могут быть как-то объединены [Peirce–3: 227].

Заключение

Теперь мы может сделать некоторые общие выводы для условий исследования межъязыковых / межкультурных взаимодействий.

1. Обычно межъязыковые / межкультурные сопоставления проводятся на уровне значения слова с использованием словарей и корпусов текстов, что обеспечивает исходный материал для выводов относительно социально принятого и институционально закрепляемого коллективного знания при ориентации на полноту смыслового потенциала слова, разлагаемого на минимальные семантические составляющие, которые представляют собой теоретические конструкции.

2. В реальных условиях межъязыковых / межкультурных взаимодействий основу для взаимопонимания составляет общая идея вещи (в широком смысле, т.е. объекта, качества, действия, категории и т.д.), реализуемая на уровне разделяемого знания, которое тем не менее может

давать основания как для универсальных («общечеловеческих») пропозиций, так и для культурно-специфичных перцептивных суждений, ведущих к различающимся выводам и оценкам, что может быть фатальным в некоторых экстремальных ситуациях (вспомним хотя бы информацию об отсечённой голове торговца рогаликами, форма которых послужила импульсом для обвинения в святотатстве).

3. Представляется своевременной реализация широкомасштабной программы экспериментальных исследований, ориентированной на выявление динамичной системы культурно специфичных эмоционально-оценочных опор, которые направляют принятие решений в сложных ситуациях этнической напряжённости.

2.3.

АБДУКЦИЯ КАК ПОИСК НОВОГО ЗНАНИЯ

«The elements of every concept enter into logical thought at the gate of perception and make their exit at the gate of purposive action; and whatever cannot show its passports at both those two gates is to be arrested as unauthorized by reason» [Peirce–3: 240].

Вводные замечания

В последние годы наблюдается активизация интереса к трудам Ч.С. Пирса, в том числе к рассматриваемой им абдукции как рассуждению особого вида. Сам термин «абдукция», ранее не встречавшийся в специальных и толковых словарях, становится всё более популярным, хотя создаётся впечатление, что смысл, который в этот термин вкладывал Пирс, ещё не постигнут. Особенно это касается глубинных механизмов такого рассуждения, что требует выхода за рамки традиционных представлений, согласно которым рассуждение ограничивается только логически оправданными и полностью осознаваемыми действиями.

С опорой на тексты лекций, прочитанных Пирсом в Гарварде в 1903 году, ниже делается попытка показать, что на самом деле абдуктивное рассуждение тесно переплетается с перцептивным суждением и направляется прагматической ориентацией поиска ответа на личностно важный вопрос, благодаря чему абдукция оказывается продуктивным способом получения нового знания как в быту, так и в научном исследовании. С этой целью мы сначала обратимся к высказываниям Пирса, а затем перейдём к их

обсуждению с фокусированием на особенностях абдукции и её связях с некоторыми психическими процессами.

Перцептивное суждение и прагматизм как логика абдукции

Пирс обращался к абдукции в ряде своих лекций и статей, а также в личной переписке. К числу принципиально важных положений, так или иначе связанных с абдукцией, относятся следующие.

Пирс пытался понять и объяснить, каким образом знак выполняет функцию промежуточного средства (медиатора), обеспечивающего постижение модусов сущего (способов проявления такового). Он сопоставил три способа рассуждения для получения выводного знания («three modes of inference, Deduction, Induction, and Abduction» [Peirce–3: 233]), помогающие уловить «идею вещи», а далее – через посредство разного рода интерпретант, в разных ракурсах представляющих эту вещь, постичь её на том или ином уровне глубины понимания. Первый из этих способов – ДЕДУКЦИЯ – представляет собой логическое умозаключение от общего к частному; второй – ИНДУКЦИЯ – ведёт от частного к общему, от отдельных фактов к обобщениям; третий – АБДУКЦИЯ – способствует формированию некоторой гипотезы, которая позволяет понять и объяснить наблюдаемое в условиях недостаточности исходных посылок. При этом дедукция доказывает, что нечто должно быть; индукция показывает, что нечто действительно существует; абдукция обеспечивает формирование гипотезы, некоторым образом и в какой-то мере объясняющей наблюдаемое и тем самым порождающей новое знание. Иначе говоря, абдукция просто предполагает, что нечто может существовать; из построенной пропозиции дедукция выводит некоторые предсказания, проверяемые посредством индукции. Обратим внимание на то, что значение пропозиции охватывает всё выводимое из неё путём дедукции («... what we call the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it» [Peirce–9: 213]).

Принципиально важным для обсуждаемой концепции является то, что исходным базисом для формирования гипотез выступает наличный опыт (actual Experience), который становится доступным для разума через посредство чувственного восприятия. Пирс уточняет, что с точки зрения

логики перцептивным является то, что опыт, т.е. последовательность того, что происходит, заставляет немедленно и без рассуждения строить некоторую пропозицию на основе выводного знания. В таком случае имеет место абдукция как единственный процесс, посредством которого может быть получено новое знание:

«... for the logician it would be perceptual, perception being for the logician simply what experience, that is, the succession of what happens to him, forces him to admit immediately and without any reason. This judgment, then, must be inferred. How can it be inferred? Plainly only by abduction, because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...» [Peirce-3: 224].

Такой путь рассуждения приводит к тому, что в фокусе внимания Пирса оказывается перцептивное суждение.

Под перцептивным суждением Пирс понимает проявляющееся в форме пропозиции суждение, в котором прямо представлен сознанию некоторый перцепт. Не считая существенным то, какую психологическую теорию можно было бы привлечь в этом случае, Пирс подчёркивает, что главным является следующее: необходимые для этой операции, какими бы они ни были, полностью совершаются за пределами нашего контроля и полностью независимо от того, нравятся они нам или нет:

«All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not» [Peirce-1: 154].

Допуская, что перцептивное суждение содержит некоторое обобщение, Пирс в то же время поясняет, что он вовсе не протаскивает психологию в логику: он только обращается к не вызывающим вопросов наблюдаемым фактам каждодневного опыта в сочетании с тем, что может быть выведено из таких фактов путём дедукции:

«I am confined entirely to the unquestionable facts of everyday experience, together with what can be deduced from them» [Peirce-9: 209].

Более того, признание наличия обобщения в перцептивном суждении приводит Пирса к заключению, что таким путём могут быть получены и пропозиции, носящие характер универсальных:

«... if a perceptual judgment involves any general elements, as it certainly does, the presumption is that a universal proposition can be necessarily deduced from it» [цит. раб.: 209].

Пирс уточняет и то, как он понимает классическое высказывание «Нет ничего в разуме, чего не было в ощущениях»: к сфере разума (*intellectus*) он относит все возможные способы познания, какими бы они ни были; сферу ощущений, чувств, он рассматривает через призму перцептивного суждения, которое выступает в качестве первичной предпосылки любого критического и контролируемого рассуждения:

«As for the other term, in sensu, that I take in the sense of in *a perceptual judgment, the starting-point or first premiss of all critical and controlled thinking*» [Peirce-3: 226–227. Курсив мой. – А.3.].

Пирс также делится своими наблюдениями относительно того, как взаимодействуют абдукция и перцептивное суждение: между ними трудно провести границу; абдуктивное заключение ощущается как «вспышка», инсайт. Обратим особое внимание на указание, что хотя разные основания для формируемой абдукцией гипотезы ранее уже имелись у нас, нам даже не приходило в голову, что они могут быть объединены вместе подобным образом:

«It is true that the different elements of the hypothesis were in our minds before; but it is the idea of putting together what we had never before dreamed of putting together which flashes the new suggestion before our contemplation» [цит. раб.: 227].

Представляется важным также отметить прослеживаемую Пирсом особенность перцептивного суждения как результата процесса, недостаточно осознаваемого, чтобы быть контролируемым, или не полностью контролируемого, из-за чего он не может быть осознаваемым; к тому же получаемое посредством абдукции выводное знание, скорее всего, опирается на некоторую последовательность перцептивных суждений:

«On its side, the perceptive judgment is the result of a process, although of a process not sufficiently conscious to be controlled, or to state it more truly, not controllable and therefore not fully conscious. If we were to subject this subconscious process to logical analysis we should find that it

terminated in what that analysis would represent as an abductive inference resting on the result of a similar process which a similar logical analysis would represent to be terminated by a similar abductive inference, and so on *ad infinitum*» [Peirce–7: 127].

К числу принципиально важных положений концепции Пирса относится также обоснованная им роль прагматичной ориентации рассматриваемых процессов. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения (см. подробно: [Peirce–2; Peirce–3; Peirce–8; Peirce–11]). Ограничимся здесь только отдельными высказываниями Пирса.

Пирс отмечает, что имеется ряд трактовок сути прагматизма, сам он считает прагматизм одной из максим, т.е. важнейших принципов, логики:

«... I make pragmatism to be a mere maxim of logic instead of a sublime principle of speculative philosophy» [Peirce–8: 134].

Обосновывая роль прагматизма в абдуктивной поимке, Пирс указывает на две функции требующие прагматической ориентации этого процесса. Прежде всего необходимо определение некоторого набора идей, не вполне понятных, но полезных для решения имеющейся задачи. Затем требуется содействие в выделении более или менее доступной для понимания идеи, которая приведёт нас к удовлетворительному результату:

«There are two functions which we may properly require that pragmatism should perform; or if not pragmatism, whatever the true doctrine of the Logic of Abduction may be ought to do these two services. Namely, it ought, in the first place, to give us an expeditious riddance of all ideas essentially unclear. In the second place, it ought to lend support [to], and help to render distinct, ideas essentially clear but more or less difficult of apprehension; and in particular, it ought to take a satisfactory attitude toward the element of Thirdness» [Peirce–3: 238].

В теоретическом плане Пирс так определяет суть своей трактовки прагматизма: это принцип, согласно которому любое теоретическое суждение в форме предложения в изъявительном наклонении представляет собой неясную мысль, направленную на то, каким образом можно было бы усилить практический результат, который отображается предложением в сослагательном наклонении при соответствующем аподиктическом

суждении о наличии необходимой связи между вещами и явлениями, что, в свою очередь, может оформляться предложением в императиве:

«Pragmatism is the principle that every theoretical judgment expressible in a sentence in the indicative mood is a confused form of thought whose only meaning, if it has any, lies in its tendency to enforce a corresponding practical maxim expressible as a conditional sentence having its apodosis in the imperative mood» [Peirce–8: 133–134].

Интуитивный и дискурсивный пути поиска решения задачи

Переходя к обсуждению концепции Пирса с современных позиций, прежде всего заметим, что за прошедшие после кончины Пирса более ста лет появился ряд понятий и терминов, с разных позиций представляющих те или иные аспекты процесса познания. Более того, веками продолжается спор относительно роли интуиции и логических рассуждений в научном открытии. Кстати, традиционная оценка концепции Пирса как чисто логической (в том числе нашедшая воплощение в названии публикации трудов Пирса на русском языке [Пирс–1]) отвечает веками сложившемуся убеждению в том, что именно «чистое» логико-рациональное рассуждение как таковое обеспечивает получение нового знания. Пирс также всегда акцентировал роль логики, но через глубокий анализ наблюдаемых фактов и стремление дать таким фактам научное объяснение он сумел выйти за рамки чистой логики и описать лежащие за логическим рассуждением исходные посылки. Фактически Пирс давным-давно предвосхитил появление таких понятий, как «эвристический поиск», «эмерджентность» и т.д.

Ограничимся одним примером – анализом результатов сопоставления интуитивного и дискурсивного путей поиска решения задачи в современной трактовке. Посмотрим, как это может пересекаться с абдуктивным поиском в плане взаимодействия логики и чувственных опор.

В качестве исходного материала возьмём дефиницию из «Большого психологического словаря», где интуиция как мало осознаваемый эвристический процесс получает следующее толкование:

«Механизм интуиции состоит в симультанном объединении нескольких информативных признаков разных модальностей в

комплексные ориентиры, направляющие поиск решения. В таком одновременном учёте различной по своему качеству информации состоит отличие интуитивных процессов от дискурсивных, в которых в одном мыслительном акте (логическом “шаге”) может учитываться только какая-то одна модификация признаков задачи, связываемых между собой» [БПС 2004: 209].

Анализ этой дефиниции позволяет выявить «критические моменты», существенные для понимания сути и специфики обсуждаемых путей поиска решения задачи, а именно:

- об интуитивном и дискурсивном подходах,
- об основаниях для их сравнения,
- об одновременных и/или последовательно протекающих процессах,
- об информативных признаках разных модальностей или только одной модальности,
- о комплексных или отдельных ориентирах,
- об одновременном учёте в одном логическом шаге различной по своему качеству информации или возможности учитывать только какую-то одну модификацию признаков задачи.

Уточним, что под модальностью как психологическим термином в данном случае понимается некоторый вид ощущения (например, зрительная модальность, слуховая модальность и т.д.).

Приведённый перечень дает возможность вывести из него следующий список оснований для сравнения (параметров классификации):

- порядок действий;
- характер признака;
- характер информации;
- уровень осознаваемости;
- основные ориентиры;
- характер пути поиска.

Теперь мы можем внести результаты предпринятого нами анализа в таблицу, что поможет наглядно представить выявленные различия (см. табл. 3).

Таблица 3. Интуитивный и дискурсивный пути поиска решения задачи

Параметр	Путь поиска решения задачи	
	ИНТУИТИВНЫЙ	ДИСКУРСИВНЫЙ
Порядок действий	Одновременный	Последовательный
Характер признака	Разные модальности	Одна модальность
Характер информации	Различная по качеству	Одного качества
Уровень осознаваемости	Мало осознаваемый процесс	Осознаваемое рассуждение
Основные ориентиры	Комплексные ориентиры	Акцентируемый признак
Характер пути поиска	Эвристический поиск	Поиск по алгоритму

Дальнейший анализ может привести к заполнению дополнительного столбца с показателями для абдуктивного поиска решения задачи, однако и без этого представляется очевидным, что данные столбцов ИНТУИТИВНЫЙ и АБДУКТИВНЫЙ во многом совпадут.

Главный вывод из предпринятого анализа состоит в том, что Пирс увязал пропозицию как форму мысли с любыми формами хранения опыта, что позволило ему объяснить «живой» характер процесса функционирования знака и «неисчерпаемость значения», которое может манифестироваться посредством весьма различающихся интерпретант.

Заключение

Приведённое в качестве эпиграфа высказывание Пирса фактически обобщает целостную концепцию знака, поскольку на самом деле ему удалось проследить весь путь функционирования знака как медиатора процессов познания модусов сущего – от первичного восприятия до конечного продукта – действия. Именно благодаря этому Пирс сумел понять и объяснить взаимодействие чувствования/переживания (feeling) и направляемого логикой рассуждения.

Используемый Пирсом научный подход не является чисто логическим, его можно квалифицировать как комплексный или интегративный, поскольку

в нём успешно сочетаются разные ипостаси выдающегося мыслителя: Пирса-философа, Пирса – учёного, получившего новые для своего времени результаты в области логики и математики, Пирса – внимательного наблюдателя, разносторонне анализировавшего собранные факты, Пирса – экспериментатора, для которого опыт работы в химической лаборатории определит принципиальную важность опоры на достоверные факты. Этот перечень остаётся открытым, поскольку идеи Пирса неисчерпаемы, как (по его собственному определению) неисчерпаемо значение, по-разному манифестируемое различными интерпретантами: точно так же читатели трудов Пирса видят в них то, что они готовы увидеть и принять.

2.4. О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ ТЕКСТОВ Ч.С. ПИРСА

Вводные замечания

Читательская проекция любого текста зависит от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов, в том числе – от того, какая исходная «система координат», выработанная в предшествующем опыте, направляет восприятие читаемого, побуждает фокусироваться на тех или иных вопросах и/или оставлять без внимания положения, подготовленность к постижению которых может оказаться недостаточной. Ниже предлагается проекция текста, обусловленная многолетним опытом теоретического и экспериментального исследования различных психолингвистических проблем (в том числе значения слова, продуцирования и понимания речи), позволившим увидеть в трудах Ч.С. Пирса ряд аспектов, выходящих за рамки строго логической теории знака, но согласующихся с тем, что входит в компетенцию психолингвистики – науки о языке как достоянии пользующегося им человека.

Чтение трудов Ч.С. Пирса – непростая задача. Пирс неоднократно жаловался на то, что его не понимают, в том числе из-за многоступенчатого философского абстрагирования. К тому же концепция Пирса всегда была в процессе разработки, и те или иные положения должны рассматриваться с учётом их позиции в общей динамике взглядов учёного, ищущего ответы на дискуссионные вопросы.

Ниже делается попытка отметить некоторые аспекты учения Пирса с позиций того, насколько это интересно для рассмотрения реальных процессов функционирования знака – не в абстрактно-философском

теоретизировании, а в ситуациях естественного семиозиса, т.е. при адаптации человека (индивида и личности, члена определённого социума) к природному и социальному окружению. Для реализации этого замысла потребовалось прежде всего разобраться в общей концепции Пирса и используемых им методах исследования, после чего был предпринят анализ некоторых наиболее актуальных для психолингвистики положений учения Пирса, в рассмотрении которых Пирс намного опередил своё время.

Материалом для анализа послужили две издательские компиляции трудов Пирса [Пирс 2000; ТЕР 1998]; основное внимание обращено на высказывания, относящиеся к последнему периоду жизни Пирса (это лекции, прочитанным в Гарварде и Бостоне в начале XX века, и переписка с леди Уэлби: 1903–1911).

Некоторые общие положения концепции Ч.С. Пирса

На вопрос: «Что именно исследовал Пирс?» недостаточно ответить, что он исследовал знак как таковой, потому что всю свою творческую деятельность Пирс посвятил поиску объяснения того, КАК и БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ осуществляется процесс познания модусов сущего (т.е. способов проявления последнего) при особой роли знака как медиатора, опосредующего познание и определённым образом направляющего этот процесс. Это обусловило ориентацию на познание как реальный процесс, о котором позволяют судить наблюдаемые феномены, в которых проявляются идеи вещей (в широком смысле, т.е. идей объектов, качеств, признаков, состояний и т.д.) и категории (универсальные и частные), через призму которых познаётся мир. Представляется, что именно совокупность отмеченного выше привела Пирса к широкой трактовке знака и к признанию необходимости разграничения разных состояний сознания, уровней понимания воспринимаемого, глубины постижения ситуации и вытекающих из неё следствий, роли перцепции, памяти, эмоций, волеизъявления и других психических процессов; этим же объясняется и использование широкого набора исследовательских процедур на надёжном и со стороны проверяемом материале – знаковом событии как примере функционирования знака в определённых условиях. Правомерность такого

суждения подкрепляется следующими общими положениями концепции Пира.

1. Пирс трактовал познание как процесс перехода от одного состояния сознания к другому – от незнания к знанию: «we pass from ignorance to knowledge» [ТЕР 1998: 4–5], что отвечает потребности человека искать ответы на вопросы, неизбежные при встрече с новым и обеспечивающие приращение знания. Разграничив разные состояния сознания (его модусы), Пирс показал их взаимодействие и связь с различными психическими процессами, в том числе с переживаниями, эмоциями, прагматической ориентацией, как и с врождёнными механизмами, обеспечивающими потребность приращения знания и реализацию такой потребности, возможность многосторонней обработки воспринимаемого и т.д. Ср.:

«... всякий феномен нашей сознательной жизни в той или иной степени есть познание, равно как и всякая эмоция, игра страстей, проявление воли» [Пирс 2000: 35];

«Если мы зададимся вопросом, существует ли в сознании элемент, который не является ни переживанием, ни чувством, ни активностью, то мы все же обнаружим нечто – способность к приращению знаний, восприятию, памяти, способность к логическому выводу и синтезу» [цит. раб.: 35].

2. Особое внимание Пирс уделил знаку в его медиативной функции как инструменту, посредством которого реализуется познание, т.е. вопросу: вместо чего используется знак, или что представляет собой ИДЕЯ, для возбуждения которой предназначается знак:

«It is now easy to see that the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign "stands for," or the idea of that which it is calculated to awaken»» [ТЕР 1998: 406],

а также тому, чем и как направляется процесс познания, т.е. различным аспектам детерминации путей поиска ответов на вопросы, возникающие в процессе интерпретации знака.

3. Предлагаемая Пирсом широкая трактовка знака позволяет понимать под знаком любое медиативное средство, используемое в процессе коммуникации:

«I use the word "Sign" in the widest sense for any medium for the communication or extension of a Form (or feature)» [ТЕР 1998: 477].

Более того, Пирс ввел понятие «thought-signs» (мысли-знаки), поскольку любая мысль тоже выступает в качестве знака: «a thought is itself a sign» [цит. раб.: 402], он также считал сложным знаком пропозицию, формируемую при интерпретации знака и включающую всё выводимое из неё посредством дедукции:

«... what we call the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it» [цит. раб.: 213].

Тем самым становится очевидным, что знак существовал для Пирса не как нечто самодостаточное, а как элемент сложного знакового события, включающего всё то, что наличный опыт позволяет увязать с интерпретируемым знаком.

4. Пирс неоднократно подчёркивал, что использование символов – это живой процесс: «its symbolic, living character is the prevailing one» [ТЕР 1998: 10]; рассуждение – не мёртвая вещь, а живой процесс перехода от одного состояния сознания к другому:

«It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another» [цит. раб.: 10].

Можно предположить, что именно признание важности такого основополагающего признака названного процесса побудило Пирса уделять особое внимание роли действия и противодействия, тонко разграничивать разные виды знаков, их объектов и интерпретант, выявлять объяснительный потенциал прагматической ориентации действий и особенностей детерминации хода и результатов процесса познания различными аспектами знакового события.

5. Знак рассматривался Пирсом не в отдельности, сам по себе, а в составе знакового события, или знаковой ситуации (т.е. того, что случается *там* и *тогда* [Пирс 2000: 7]). Знаки преимущественно функционируют в качестве посредников между двумя разумами, один из которых принадлежит продуцирующему знак субъекту, в то время как субъект, воспринимающий знак, его интерпретирует;

«... we note, as highly characteristic, that signs mostly function each between two minds, or theatres of consciousness, of which the one is the agent that utters the sign (whether acoustically, optically, or otherwise), while the other is the patient mind that interprets the sign» [TEP 1998: 402].

В качестве участников рассматриваемой ситуации у Пирса фигурируют: «a person», «the reasoned», «the utterer», «the patient mind», «the agent that utters the sign», «two minds», «the consciousness of its interpreter» и др. Однако Пирс анализирует и знаковую ситуацию, при которой знак оказывается посредником при использовании одним и тем же субъектом, тогда «действующим лицом» оказывается «the ego of a previous moment» [цит. раб.: 402].

6. Перечисление возможных участников знаковой ситуации уже указывает на то, что Пирс видит такую ситуацию в её развитии. Прослеживая динамику переходов между разными этапами знакового события, Пирс предпринимает детальный анализ получаемых результатов каждого этапа моделируемой знаковой ситуации или процесса рассуждения, что приводит к всё более дробной классификации знаков, их объектов и интерпретнт с использованием разнообразных оснований для сравнения, что свидетельствует о стремлении Пирса как можно более подробно и разносторонне проанализировать знаковое событие во множестве его проявлений при взаимодействии разных факторов, но всегда с ориентацией на выявление закономерностей не только процессов постижения того, на что указывает знак, но и того, что направляет и детерминирует ход таких процессов.

7. В то же время Пирс показывает условность жёсткого разграничения анализируемых явлений, поскольку обнаруживаются переходы (или «перетекание») одной категории в другую или смежность разграничиваемых признаков, нередко объединяющихся по тому или иному основанию, а также и взаимодействие знаков разных видов в одном и том же событии. Следует учитывать, что через всё более дробную классификацию видов знаков с первоначальным фокусированием на символах Пирс пришел к признанию постоянного взаимодействия между иконами, индексами и символами:

«In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols. We cannot dispense with any of them» [ТЕР 1998: 10]. Ср. также:

«... хотя не составляет труда отличить все три категории одну от другой, чрезвычайно трудно чётко и безошибочно выделить каждую из других понятий в её чистоте, так, чтобы она при этом не потеряла всей полноты своего значения» [Пирс 2000: 39];

«So far I have only considered whether or not the categories must be admitted as so many independent constituents of thought» [ТЕР 1998: 178].

8. Особую роль Пирс отводит тому, КАК в процессе познания могут «схватываться» идеи тех или иных объектов, признаков и т.д., ПОД КАКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ знак репрезентирует тот или иной объект и КАКИМ ОБРАЗОМ тем самым детерминируется поиск интерпретанты знака («how this very sign itself represents that object» [цит. раб.: 477–478]; «the idea of that which it is calculated to awaken» [цит. раб.: 406]). Фактически Пирс акцентирует значимость для взаимопонимания между людьми наличия того, что ныне стали называть разделяемым знанием: в основе такого знания лежит прежде всего некоторая идея вещи (в широком смысле): «it conveys to a mind an idea about a thing» [цит. раб.: 5]. Например, без идеи наличия символической связи как таковой знак не может восприниматься в качестве символа. Начальным уровнем «схватывания» знака Пирс считает переживание понятности:

«In all cases, it includes feelings; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign» [цит. раб.: 408].

При отсутствии интерпретатора можно говорить только о том, какое значение является потенциальным для этого знака:

«If a sign has no interpreter, its interpretant is a "would be," i.e., is what it would determine in the interpreter if there were one» [там же].

Иначе говоря, без интерпретатора знак мёртв.

9. Для выявления лежащих в основе процесса познания идей, признаков, состояний и т.д. Пирс использует комплекс исследовательских методов и приёмов, хотя он неоднократно подчёркивает, что основным для него выступает логический анализ. На самом же деле, в рассматриваемых трудах проявились особенности по меньшей мере следующих подходов:

- Пирса-*философа*, ведущего читателя (или слушателя его лекций) через некоторую последовательность уровней абстрагирования для выявления того, что выступает как наиболее общее, универсальное, вечное (например, категории, через призму которых познаётся мир);
- Пирса – *преподавателя логики*, строго следующего соответствующим законам и считающего логику первоосновой получения выводного знания – как научного, так и обыденного;
- Пирса – *химика-экспериментатора*, приглашающего слушателей / читателей принять участие в эксперименте, например, по выявлению категорий, фигурирующих в процессе познания, или в мысленном эксперименте при анализе икон;
- Пирса-*математика*, стремящегося описать суть получаемых результатов строгой формулой («... the abstract formula that comprehends the very essence of the feature under examination ...») [ТЕР 1998: 146–147];
- Пирса – *исследователя-практика*, считающего феномен самым надёжным материалом для постижения сути и специфики знакового события, что не могло не привести его к фокусированию на реальных ситуациях общения со всеми вытекающими отсюда следствиями, в том числе – к признанию роли психических процессов (наряду с его попытками откеститься от таких наук, как феноменология и психология);
- Пирса – любознательного *субъекта процесса познания*, постоянно ставящего всё новые вопросы и, в частности, обращающегося к рефлексии (deep reflection), к своему «эго» некоторой последовательности шагов познания, для разностороннего анализа получаемого результата, и т.д.

10. Представляется, что именно широта и мультидисциплинарность подготовки Пирса как творческой личности в совокупности с глубокой проработкой трудов мыслителей прошлого (начиная с Аристотеля) смогли обеспечить разработку интегративного подхода к знаку, при котором к изначальной логико-рациональной ориентации исследования добавились: признание роли переживания (feeling) как необходимой опоры

для контролируемых состояний сознания; трактовка самоконтроля как средства разграничения осознаваемых и неосознаваемых процессов; определение места и значимости перцептивного суждения для процесса познания в целом и для интерпретации знака в частности; объяснение роли прагматической обусловленности функционирования знака как средства речевого воздействия; понимание того, что интерпретация знака – это процесс, несводимый к однозначной увязке означающего с означаемым, поскольку очевидны различия между тем, что имеет в виду говорящий, что непосредственно воспринимает слушающий, а также – как меняется первоначально возникшая интерпретация и как должен был бы быть понят знак после некоторого раздумья. Ср.:

«But it is necessary to distinguish the Immediate Object, or the Object as the Sign represents it, from the Dynamical Object, or really efficient but not immediately present Object. It is likewise requisite to distinguish the Immediate Interpretant, i.e., the Interpretant represented or signified in the Sign, from the Dynamic Interpretant, or effect actually produced on the mind by the Sign; and both of these from the Normal Interpretant, or effect that would be produced on the mind by the Sign after sufficient development of thought» [ТЕР 1998: 482].

11. Правомерность квалификации подхода Пирса к знаку как интегративного подтверждается также тем, что в конце своей творческой жизни Пирс признал необходимость единой науки о знаке, включающей «чистую грамматику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует использование языковых знаков в соответствии с приписываемыми им особенностями), «чистую логику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует правильность оформления мысли), «чистую риторику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует успешность речевого воздействия), с учётом также этики (связанной с детерминацией выбора того, как следует поступать) и эстетики (направляющей выбор тех или иных предпочтений). При этом было высказано мнение, что демаркация тесно связанных наук на практике определяется всего лишь наличием групп приверженцев разных подходов к единому объекту:

«But I have learned that the only natural lines of demarcation between nearly related sciences are the divisions between the social groups of devotees of those sciences; and for the present the cenoscopic studies (i.e., those studies which do not depend upon new special observations) of all signs remain one undivided science...» [TEP 1998: 481–482].

Каждый из приведённых пунктов заслуживает более детального обсуждения со ссылками на опорные цитаты. Остановимся лишь на некоторых вопросах, наиболее явно характеризующих специфику подхода Пирса к знаковой ситуации.

Знаковое событие в его развитии:
положения из трудов Пирса и их обсуждение

В трудах Пирса не фигурирует термин «моделирование», тем не менее представляется возможным проследить явные и/или условно квалифицируемые в качестве таковых попытки Пирса заглянуть за прямо наблюдаемые результаты многоэтапного процесса функционирования знака. Обратим внимание на то, что знаковое событие всегда происходит в определённых обстоятельствах (*там* и *тогда*), т.е. Пирс выдвигал требование учёта реальных условий, которые могут требовать постановки разнообразных вопросов; в приводимых им примерах ситуация может настолько обеспечивать наглядность разделяемого знания, что большинство возможных вопросов снимается, и наоборот: то и дело оказывается необходимым указывать на нечто посредством индекса для дальнейшей опоры на подходящую икону (под иконой Пирс понимал «составную фотографию» / обобщённый образ непорядочных людей или всех дождливых дней, схему ситуации / идею акта продажи чего-либо и т.д., т.е. чувственный образ или переживание чего угодно, что может всплывать в памяти на основе подобия (likeness), см., например, [Пирс 2000: 218–220]).

В работе «What is a Sign?», датированной 1893 годом, Пирс указывает, что рассуждающий субъект строит некоторую «ментальную диаграмму» действий (схему или программу):

«The reasoner makes some sort of mental diagram by which he sees that his alternative conclusion must be true, if the premise is so; and this diagram is an icon or likeness» [TEP 1998: 10].

Приведенное высказывание Пирса можно интерпретировать как имплицитное ряд этапов моделируемого процесса и указания на особенности получаемых результатов. Так, вполне очевидно, что в описываемой Пирсом знаковой ситуации важно учитывать по меньшей мере следующее:

- для решения некоторой задачи требуется рассмотрение некоторых альтернатив;
- принимается решение о выборе одной из альтернатив;
- признаётся, что это решение должно быть истинным при условии, если исходная посылка является таковой;
- в основе сопоставления альтернатив и принятия решения о выборе одной из них лежит подобие;
- реализация ментальной программы позволяет решить поставленную задачу.

Более детально Пирс рассматривает интересующую нас ситуацию в связи с получением выводного знания и с ходом абдуктивного рассуждения. При этом можно проследить динамику взглядов Пирса за соответствующий период времени.

Так, в работе «*Grammatica Speculativa*» (1893) Пирс разграничивает три шага при получении выводного знания как продукта сознательного и контролируемого рассуждения для использования следствий из уже имеющихся знаний / убеждений. Здесь выделенные Пирсом шаги представлены в сопровождении уточнений, имплицитными исходным текстом.

ШАГ 1 – сопоставление ряда пропозиций

- они, по нашему убеждению, являются истинными;
- до этого (при условии, что данный вывод для нас является новым) мы либо не рассматривали эти пропозиции вместе, либо рассматривали как объединенные по-другому (при этом может иметься только одна посылка или несколько посылок, объединённых связыванием и образующих одну конъюнктивную пропозицию);
- полученный результат – сложная икона.

ШАГ 2 – раздумье (*contemplation*) о полученной на первом шаге сложной иконе:

- фокусирование на некоторой её характеристике,
- устранение всех остальных;
- полученный результат – новая икона.

ШАГ 3 – получение конечного результата

- поскольку одна мысль всегда влечёт за собой другую, первая икона неизбежно имплицитно подразумевает какую-то другую, подводя к ней особым способом;
- имеет место переход от убеждения, отображаемого исходной посылкой, к суждению об истинности сделанного заключения;
- происходит закрепление за этим суждением еще одного суждения: «о том, что всякая пропозиция, подобная рассмотренной посылке – то есть содержащая икону, подобную её иконе, – вовлекала бы (would involve) ещё одну пропозицию (вынуждая вдобавок к её принятию), которая относилась бы к этой подобной посылке пропозиции как полученное заключение относится к самой посылке» [Пирс 2000; 221–222].

Обратим особое внимание на то, что в качестве опоры для тех или иных действий здесь выступает уже имеющееся знание вместе с вытекающими из него следствиями, хотя и не определяется, в каком формате оно включается в рассматриваемый процесс; весь этот процесс квалифицируется Пирсом как сознательное и контролируемое рассуждение.

В лекции «Pragmatism as the Logic of Abduction», прочитанной в Гарварде в 1903 году, Пирс уточняет, что базой для формирования гипотез при абдуктивном рассуждении, т.е. при отсутствии убедительных оснований для вывода, выступает наличный опыт (actual Experience), который: (а) становится доступным для разума через чувственное восприятие (перцепцию); (б) заставляет немедленно и без рассуждения строить некоторую пропозицию на основе выводного знания (при этом в качестве опыта логика трактует последовательность того, что происходит):

«... for the logician it would be perceptual, perception being for the logician simply what experience,—that is, the succession of what happens to him,—forces him to admit immediately and without any reason. This judgment, then, must be inferred. How can it be inferred? Plainly only by

abduction, because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...» [ТЕР 1998: 224].

Такой путь рассуждения приводит к тому, что абдукция трактуется Пирсом как единственный способ получения нового знания, а в фокусе внимания оказывается перцептивное суждение.

Таким образом, за прошедшие 10 лет Пирс значительно пересмотрел свои представления о знаковом событии, допуская выход за пределы осознаваемого и контролируемого, а также постулируя необходимость своеобразного промежуточного элемента (ныне его назвали бы интерфейсом) между контролируемым логико-рациональным рассуждением и тем, что происходит немедленно и без рассуждения. В качестве такого элемента перцептивное суждение описывается Пирсом как проявляющееся в форме пропозиции суждение, в котором прямо представлен сознанию некоторый перцепт. Как следует из лекции «The Maxim of Pragmatism» (1903), главной особенностью совершаемых при этом операций Пирс считал то, что они совершаются полностью за пределами нашего контроля и полностью независимо от того, нравятся они нам или нет:

«All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not» [ТЕР 1998: 154].

Обратим внимание на то, что фактически Пирс затронул проблему взаимодействия чувства и разума в познании, совершаемом, по его мнению, любыми способами. Следует особо подчеркнуть, что сфера ощущений, чувств, переживаний, рассматриваемая через призму перцептивного суждения, квалифицируется Пирсом как первичная предпосылка любого критического и контролируемого рассуждения:

«As for the other term, in sensu, that I take in the sense of in a perceptual judgment, the starting-point or first premiss of all critical and controlled thinking» [цит. раб.: 226–227].

Приведённые высказывания дают основания оспорить издательский комментарий, предваряющий одну из бостонских лекций Пирса, где высказывается мнение, согласно которому к 1907 году Пирс интегрировал свою трактовку прагматизма и семиотику, он стал базировать на этом свою

теорию знаков в отличие от предшествующего периода, когда приоритет отдавался перцепции, что отражено в его гарвардских лекциях (т.е. в 1903 году). С этим мнением, представленным в виде аксиомы, трудно согласиться, поскольку сам Пирс в той же лекции о прагматизме (1907 г.) так говорит об интерпретанте:

«In all cases, it includes feelings; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign. If it includes more than mere feeling, it must evoke some kind of effort. It may include something besides, which, for the present, may be vaguely called "thought." I term these three kinds of interpretant the "emotional," the "energetic," and the "logical" interpretants» [ТЕР 1998: 408].

Прямо указывая на обязательность наличия чувствования / переживания (feelings), реализующегося хотя бы через какое-то улавливание значения знака, Пирс в то же время включает соответствующую этому этапу интерпретации знака «эмоциональную» интерпретанту в единый ряд с «энергетической» и «логической» интерпретантами, т.е. интегрирует все три составляющие единого перечня, не выстраивая каких-либо предпочтений или дискриминаций. Уточним попутно, что под термином «Feelings» Пирс понимал то состояние, при котором нечто просто присутствует, но ни сравнение, ни рассуждение не имеют места [цит. раб.: 4–5].

Пирс неоднократно возвращался в моделированию знакового события. Так, в декабре 1908 года он указывал, что до произнесения знака этот знак уже виртуально присутствует в сознании говорящего в форме мысли. Но мысль сама является знаком и сама должны иметь продуцента (а именно – «эго» предшествующего момента времени), в сознании которого это виртуально присутствовало, и т.д.:

«... before the sign was uttered, it already was virtually present to the consciousness of the utterer, in the form of a thought. But, as already remarked, a thought is itself a sign, and should itself have an utterer (namely, the ego of a previous moment), to whose consciousness it must have been already virtually present, and so back» [цит. раб.: 402].

Иначе говоря, Пирс развёртывал знаковую ситуацию «вглубь», пытаясь заглянуть за пределы вербально манифестируемых продуктов речемыслительной деятельности. Полнота исследуемой Пирсом знаковой

ситуации (вплоть до целенаправленного действия, детерминированного речевым воздействием) фактически отображена и в следующем высказывании Пирса об обязательном взаимодействии чувств и разума:

«The elements of every concept enter into logical thought at the gate of perception and make their exit at the gate of purposive action; and whatever cannot show its passports at both those two gates is to be arrested as unauthorized by reason» [цит. раб.: 240].

Приведённые высказывания Пирса представляются чрезвычайно важными в том отношении, что он фактически вплотную подошёл к пониманию и объяснению взаимодействия чувств и разума, осознаваемого и неосознаваемого в процессах поиска ответов на вопросы, возникающие как в научном исследовании, так и повседневной жизни при недостаточности оснований для принятия решения: именно поиск на основе подобия, осуществляемый на уровнях ниже осознаваемого и учитывающий даже минимальную степень подобия по разного рода признакам и признакам признаков, приводит к объединению того, что мы ранее не догадывались как-то соединить, и тем самым – к научному открытию, как и к постижению ребёнком идеи какой-то вещи или сути универсальных и частных категори¹, через призму которых познаётся мир. Ныне это определяется как особенность эвристического поиска, дающего в итоге эффект эмерджентности – возникновения нового знания как «открытия», ср. со «вспышкой», о которой говорил Пирс в связи с получением результата абдуктивного вывода, который «... comes to us like a flash» [цит. раб.: 226].

Пирса также волновали вопросы детерминации хода интерпретации знака разными составляющими знаковой ситуации. На самом деле взаимодействие прямой и опосредованной детерминации уже заложено в дефиниции знака, которую даёт Пирс:

«I define a Sign as anything which is so determined by something else, called its Object, and so determines an effect upon a person, which effect I call its Interpretant, that the latter is thereby mediately determined by the former» [цит. раб.: 478].

Вместе с этим Пирс рассматривает и другие источники воздействия на процесс интерпретации знака, включая прагматическую ориентацию действий и операций, влияние приписываемых знаку сочетаемостных

возможностей и ограничений (прескрипций), ракурс видения объекта и многое другое. Фактически Пирс рассматривал сложную систему зависимостей (детерминаций), которая увязывает индивида, социум и разные модусы бытия.

Выводы

Подводя итоги проделанного анализа трудов Ч.С. Пирса, обратим особое внимание на его постоянное стремление понять и объяснить медиативную роль знака в познании и общении. Трактовка интерпретации знака как прагматично ориентированного «живого» процесса, обусловленного имеющимся опытом и детерминируемого рядом факторов, привела Пирса к признанию постоянного взаимодействия чувств и разума, наличия переходов между осознаваемыми и контролируруемыми действиями и/или операциями и теми, которые совершаются на неосознаваемом и неконтролируемом уровне, в то время как результаты предпринятого Пирсом разностороннего анализа примеров функционирования знаков убедительно показали исключительную сложность и многофакторность того, благодаря чему осуществляется взаимопонимание при общении и адаптация человека к его природному и социальному окружению.

Затронутая выше проблематика представляет несомненный интерес для психолингвистики – как в плане теории, так и в связи с прикладными исследованиями. Более того, то и дело возникает потребность сопоставить выводы Пирса с материалами психолингвистических экспериментальных исследований, например, связанными со стратегиями идентификации слова носителем языка, что особенно актуально для выявления национально-культурной специфики тех «углов зрения», под которыми может увязываться со знаком какой-либо объект.

Отдельную задачу составляет также сопоставление идей Пирса с мнением других выдающихся мыслителей – как отечественных, так и зарубежных. На данный момент представляется достаточным указать, что далеко не случайно идея перцептивного суждения получила дальнейшее развитие в «перцептивном семиозисе», фигурирующим в трудах Умберто Эко (см., например, [Есо 2000]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над этой книгой то и дело требовала углублённого рассмотрения возникающих вопросов с отклонением от первоначального плана-проспекта исследования. Сейчас уже стало очевидным, что для выхода на новый уровень постижения идей Пирса необходимо сделать остановку, чтобы заново обратиться к первоисточникам – оригинальным текстам на английском языке²⁵ с расширением круга анализируемых положений.

Рассмотрение уже выполненной части работы обнаружило важность уточнения некоторых положений исходной системы координат, т.е. идей, определявших формирование предлагаемой читательской проекции текстов Пирса. Поэтому было принято решение привести в качестве приложений частично сокращённые тексты трёх статей, в которых рассматриваются вопросы трактовки психолингвистических терминов и моделей, используемых в этой книге при обсуждении высказываний Пирса. Выходные данные приводимых публикаций содержатся в общем списке литературы (формулировки названий глав, приложений и публикаций совпадают).

В планы дальнейшей работы входит сопоставление взглядов Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра и У. Эко с привлечением идей, которые разрабатывались нашими отечественными учёными (в том числе – А.А. Потемной, И.А. Бодуэном де Крутенэ, Л.В. Щербой, С.Д. Кацнельсоном и др.), и с опорой на результаты новейших научных изысканий в области процессов, протекающих в мозге человека.

²⁵ К сожалению, перевод текстов Пирса, представленный в источнике [Пирс 2000], в некоторых случаях вызывает недоумение и потребность обратиться к оригиналу.

Интересными для сопоставления представляется также появившиеся в последние годы результаты научных изысканий, в той или иной мере согласующихся с некоторыми положениями теории Пирса.

Так, в монографии В.А. Садиковой [Садикова 2017] фактически рассматривается набор универсальных категорий, через призму которых человек познает мир и осуществляет процессы продуцирования и понимания речи. Ряд монографий и докторских диссертаций посвящён детальному исследованию отдельных категорий, направляющих взаимодействие между общающимися посредством учёта сути, особенностей и степени проявления в речи и/или письменном тексте, например, категорий времени [Чугунова 2009], релятивности [Бороздина 2012; Скокова 2015], достоверности [Панченко 2016], эвиденциальности [Голубева 2016а, 2016б, 20117], эвокативности [Беданоква 2016, 2018], имплицитности [Ермакова 2016], модальности [Ильина 2014], значимости [Дашинимаева 2010, 2017]. Особый интерес для рассмотрения процесса интерпретации знака представляет концепция естественного метаязыка (см.: [Золотова 2005]), а для моделирования этого процесса – требование учёта структурных и операциональных параметров значения слова (см.: [Курганова 2012]).

Названные и подобные им работы (в том числе на уровне кандидатских диссертаций) помогают по-новому взглянуть на аргументацию в трудах Пирса. Например, по результатам экспериментального исследования М.А. Жолтиковой [Жолтикова 2017] показано, что при опознании носителями языка аббревем компьютерной сферы имеет место опора на взаимодействие интерпретнт с признаками символа, индекса и иконы, что хорошо согласуется с указаниями Пирса.

Таким образом, обсуждение идей Пирса должно быть продолжено по ряду направлений.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриева К.В., Губанов В.Б. Неограниченный семиозис У. Эко: игра и многомирие культуры // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Философия. – 2015. – № 1. – С. 168–183.

Беданокова З.К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19; 10.02.01 / З.К. Беданокова ; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2018. – 44 с.

Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / И.С. Бороздина ; Курский гос. ун-т. – Курск, 2012. – 48 с.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. – В 2 т. М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2006. – Т. 1. – 448 с.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.

Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Воскресенский ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2007. – 20 с.

Газарова Е.Э. Психология телесности. – М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.

Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. – М., 2003. – 335 с.

Голубева О.В. Гипотеза эвиденциальности выводного знания (экспериментальное исследование): монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016а. – 176 с.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Голубева ; Тверской гос. ун-т. – Тверь 2016б. – 47 с.

Голубева О.В. Эвиденциальность как параметр смыслоформулирования в процессе естественного семиозиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2017. – № 4. – С. 7–13.

Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.

Дашинимаева П.П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / П.П. Дашинимаева ; Иркутский гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2010. – 46 с.

Дашинимаева П.П. Теория перевода. Психолингвистический подход : учебник. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. – 360 с.

Ейгер Г.В. Механизм контроля языковой правильности высказывания: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1989. – 51 с.

Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков: «Основа», 1990. – 184 с.

Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Ермакова; Саратовский гос. ун-т. - Саратов, 2018. – 48 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации.–М.: Наука, 1982.–157 с.

Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 368 с.

Жолтикова М.А. Стратегии идентификации аббревем (на материале аббревем компьютерной сферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Жолтикова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2017. - 18 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. –Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте: монография.–Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – 197 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

Залевская А.А. Роль тела в языковой коммуникации: корпоральная семантика // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.35–46.

Залевская А.А. Время перемен в лексической семантике // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С.120–135.

Залевская А.А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С. 49–61.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Залевская А.А. Семиозис в действии // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: ХУ международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. (Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г.). Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2006. – С.112–113.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 270 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с. [Электронная книга] / URL: www.directmedia.ru/

Залевская А.А. Метаязыковое сознание и грамотность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015а. –№ 2. С. 38–43.

Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015б. – № 4. – С. 29–36.

Залевская А.А. Вопросы теории самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015в. – Вып. 15. – С. 19–35.

Залевская А.А. Различные подходы к проблеме семиозиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2016а. – № 4. – С. 36–42.

Залевская А.А. Семиозис в действии // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016б. – Вып. 16. – С. 26–34.

Залевская А.А. «Достаточный семиозис» при взаимодействии языков и культур // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр.– Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016в. – Вып. 36. – С. 212–217.

Залевская А.А. Общенаучное и узкоспециальное значение термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2017. – № 2. – С. 7–13.

Залевская А.А. Интегративный подход к проблеме знака в трудах Ч.С. Пирса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2017. – № 4. – С. 14–21.

Залевская А.А. «Идея вещи», «перцептивное суждение» и «значение» при межъязыковых / межкультурных контактах // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – Вып. 17. – С. 16–24.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Н.О. Золотова; Тверской гос. ун-т, 2005. – 44 с.

Ильина Е.В. Модальность как механизм консолидации смыслового стратума художественного текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Е.В. Ильина; Тверской гос. ун-т, 2014. – 43 с.

Ирисханова О.К. Полиmodalность [Электронный ресурс]. URL: <http://scodis.com/?q=ru/multimodality> (дата обращения: 04.03.2017).

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Н.И. Курганова ; Тверской гос. ун-т.–Тверь, 2012.– 46 с.

Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем.– М.: USSR, 2010. – 400 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Изд-во политич. литературы, 1977. – 304 с.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. –Т. 1. Таллинн, 1992. – С. 129–132.

Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 38–57.

Менегетти А. Психосоматика: Новейшие достижения / пер. с итальянск. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003. – 328 с.

Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека. – М.: Наука, 2001. – 237 с.

Молодо, но не зелено // Вокруг света. – 2004. – № 7(2766). – С.200.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С.37–89.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Мохамед ; Баш. гос. ун-т. – Уфа, 2000. – 40 с.

Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иностранного текста // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – С. 122–130.

Мягкова Е.Ю. Внутренняя грамматика и овладение иностранным языком // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. – № 24. – С. 265–272.

Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. – Волгоград: «Перемена», 2010. – 322 с.

Пирс Ч. Из работы «Элементы логики: Grammatica speculativa» // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С.151–210.

Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 170 с.

Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 147 с.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики психологии. – М.: Наука, 1997. – 462 с.

Садикова В.А. К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2015. – № 4. – С. 44–49.

Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – 164 с.

Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2014. – 18 с.

Сеченов И.М. Элементы мысли // Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1953. – С.224–233.

Скокова Т.Н. Релятивность как смыслообразующая категория лингвокогнитивистики: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Т.Н. Скокова; Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2015. – 39 с.

Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. – Ульяновск: УлГУ, 1998. – 138 с.

Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 336 с.

Степанов Ю.С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С.383–385.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Минск: «Пропилеи», 2000. – 200 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Чернышова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2010. – 18 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / С.А. Чугунова ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2009. – 45 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: Петрополис, 1998. – 431 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб: Symposium; 2005. – 502 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. – СПб.: Symposium, 2006. – 574 с.

Atkin, A. Peirce on The Index and Indexical Reference // Transactions of The Charles S. Peirce Society. 2005. – Vol. 41 (1). Pp. 161–188.

Atkin, A. Peirce's Theory of Signs // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource] / URL: <https://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/> (accessed at: 02.01.2017).

Bialystok, E. Metalinguistic dimensions of bilingual language proficiency // E. Bialystok (Ed.). Language Processing in Bilingual Children. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 113–140.

Bialystok, E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition, 2009. – Vol. 12(1). – Pp. 3–11.

Damasio, A. Concepts in the brain // Mind and Language, 1989. – Vol.4. – №1–2. – Pp.24–28.

Damasio, A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

Damasio, A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. – New York etc.: Harcourt Brace & Co, 1999. – 386 p.

Danesi, M. & Perron, P. Analyzing cultures: An introduction and handbook. –Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1999. – 413 p.

Ellis, R. Understanding second language acquisition. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 327 p.

Eco, U. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. – San Diego, New York, London: Harcourt, Inc., 2000. – 464 p.

Fauconnier, G. Mappings in thought and language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

Gärdenfors, P. Conceptual spaces: The geometry of thought. – Cambridge. MA; London: The MIT Press, 2000. – 308 p.

Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.

Farmer, T.A., Misyak, J.B., Christiansen, M.H. Individual differences in sentence processing // Spivey, M.J., McRae, K., Joanisse, M.F. (Eds.). The

Cambridge Handbook of Psycholinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – Pp. 353–364.

Javier, R.A. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. – Springer, 2007. – 154 p.

Jessner, U. A DST Model of Multilingualism and the Role of Metalinguistic Awareness // The Modern Language Journal, 2008. – Vol. 92. – Pp. 270–283.

Kormos, J. Speech production and second language acquisition. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 221 p.

Maturana, H. Metadesign: Human beings versus machines, or machines as instruments of human designs? // URL: http://www.inteco.cl/articulos/metadesign_parte1.htm

Peirce's Theory of Signs // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource] / URL: <http://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/> First published Fri 13 Oct, 2006 (accessed at 01.02/2010).

Ruthrof, H. Semantics and the body: Meaning from Frege to the postmodern. – Toronto: University of Toronto Press, 1997. – 321 p.

Ruthrof, H. The body in language. – London; New York: Cassell, 2000. – 193 p.

The Essential Peirce: The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – 584 p.

http://www.wikiwand.com/en/Victoria,_Lady_Welby (дата обращения: 15.09.2017).

Используемые словари

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – Помовский и партнеры, 1996. – 656 с.

БПС: Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.

Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.

Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия. – Минск: «Хэлтон», 1998. – 399 с.

КПС: Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 197 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.

Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2009. – 752 с.

НПС: Новейший психологический словарь / под общ. ред. В.В. Шапаря. – 2-е изд. – Ростов н./Д.,: Феникс, 2006. – 808 с.

НФС: Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1984. – 174 с.

ПЭС: Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.

Психология: Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Равшанов М., Гулямова Н., Азизова С. Толковый словарь по семиотике. Навоий-2011 [Электронный ресурс] / URL: ndow.edu.ru/resource/650/76650/files/report-gia2010.pdf (дата обращения 10.03.2016).

Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / URL: [<http://slovar.lib.ru/dictionary/semiotika.htm>] (дата обращения 15.05.2016).

Словарь финансовых и юридических терминов [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/semiozis/ (дата обращения 12.04.2016).

Соломоник А. Словаря семиотических терминов [Электронный ресурс] / URL: <http://it-claim.ru/Persons/Solomonick/DictionarOfSemioticTermsRus.pdf> (дата обращения 28.07.2016).

ФЭС: Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА–М, 2003. – 576 с.

Glossary of multimodal terms [Electronic resource]. URL: [<https://multimodalityglossary.wordpress.com/chain-of-semiosis>] (accessed at 05.03.2017).

http://epistemology_of_science.academic.ru/# (accessed at 02.04/2016).

<http://anna-kulik.ru/2175> (accessed at 05.03.2017).
<http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517> (accessed at 05.03.2017).
[h\https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный (accessed at 05.03.2017).
<http://vocabulary.ru/termin/multimodalnyi.html> (accessed at 05.03.2017)
<https://www.merriam-webster.com/dictionary/multimodal> (accessed at 05.03.2017).

Условные обозначения и список цитируемых работ Ч.С. Пирса

[Пирс 1983] Пирс Ч. Из работы «Элементы логики: *Grammatica speculativa*» // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С.151–210.

[Пирс 2000] Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ.– СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.

[Пирс–1] Пирс Ч. *Письма к леди Уэлби (1903–1911)* // Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ.– СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 477–492.

[Пирс–2] Пирс Ч. *Принципы феноменологии* // Пирс Ч. *Начала прагматизма*. – Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ.– СПб.: Алетейя, 2000. – С. 5–40.

[Пирс–3] Пирс Ч. *Grammatica Speculativa* // Пирс Ч. *Начала прагматизма*. Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ.– СПб.: Алетейя, 2000. – С. 40– 223.

[Peirce–1] Peirce, C. *On Phenomenology* // *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 145–159.

[Peirce–2] Peirce, C. *Pragmatism* // *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 398–433.

[Peirce–3] Peirce, C. *Pragmatism as the logic of Abduction* // *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 220–241.

[Peirce–4] Peirce, C. *Semiotics from Late Correspondence: Excerpts from Letters to Lady Welby (1906-08)* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 477–491.

[Peirce–5] Peirce, C. *The Categories Defended* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 160–178.

[Peirce–6] Peirce, C. *The Ethics of Terminology* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 263–266.

[Peirce–7] Peirce, C. *The First Rule of Logic* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 42–56.

[Peirce–8] Peirce, C. *The Maxim of Pragmatism* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 133–144.

[Peirce–9] Peirce, C. *The Nature of Meaning* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 208–219.

[Peirce–10] Peirce, C. *What is a Sign?* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 4–10.

[Peirce–11] Peirce, C. *What Pragmatism is* // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. – Pp. 331–339.

[TEP – 1998] / [Peirce 1998] *The Essential Peirce: The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. –584 p.*

ОБЩЕНАУЧНОЕ И УЗКОСПЕЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА

Вводные замечания

Каждому, кто разрабатывал свою научную концепцию или хотя бы обнаруживал возможность указать на некоторый новый ракурс видения исследуемого объекта, сталкивается с необходимостью назвать замеченное так, чтобы на первый план вышло самое главное, выводящее на некоторый хорошо понятный образ, имплицитующее важные связи и отношения и т.п.

В ряде случаев оказывается, что разработанная ранее теория нуждается в уточнении некоторых понятий и увязывании их с наглядными образами, более согласующимися с актуальными для текущего периода времени именованиями, что, в свою очередь, приводит к поиску новых терминов. Рассмотрим такую ситуацию на примере выбора именования для того, что лежит за словом у пользующегося языком человека.

Из истории вопроса

В работе [Залевская 1977] (репродуцировано в [Залевская 2005]) речь шла о единой информационной базе человека – его памяти, которая представляет собой функциональную динамическую (самоорганизующуюся) систему, увязывающую в единую сеть многократно пересекающихся связей продукты переработки вербального и невербального, социального и личностного опыта, организованного по множеству функциональных опор, в том числе – признаков и признаков признаков. Была предложена голографическая гипотеза, согласно которой слово,

находящееся на пересечении множества связей между разнородными продуктами переработки опыта, выполняет роль лазерного луча при считывании голограммы, а именно: высвечивает в образе мира индивида некоторую целостную ситуацию, объект с его признаками и признаками признаков и т.д., что обеспечивает переживание слова как понятного (здесь и далее курсивом выделены термины, сигнализирующие об используемой «системе координат»).

В той же работе фигурировала модель речемыслительного процесса описываемого от пускового момента, который может исходить извне или от самого индивида, и замысла высказывания, формируемого на уровне максимальной компрессии смысла, с переходами через этапы построения образа результата действия, смыслового программирования, реализации смысловой программы до получения результата – высказывания. Вполне естественно, что описание содержания постулированных этапов рассматриваемого процесса отвечает фигурировавшим в тот период времени представлениям и может требовать более современной интерпретации. Однако здесь принципиально важно другое: эта модель в отличие от всех других, в том числе более поздних, моделей речемыслительного процесса, наглядно подчёркивает следующие три момента: а) условность разграничения разных этапов рассматриваемого процесса; б) наличие множества петель обратной связи, т.е. постоянного контроля успешности осуществления процесса на разных уровнях осознаваемости; в) реализацию всех постулируемых этапов на одной и той же базе – памяти, в которой хранятся в разной мере готовности к использованию разнообразные продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта познания и общения. Принципиально важно для излагаемой концепции признание того, что процессы анализа и синтеза, сравнения и классификации, которым подвергается опыт, приводят, с одной стороны, к максимальной дифференциации элементов опыта, разлагаемых на признаки и признаки признаков, а с другой стороны – к формированию смысловых образований высшей степени обобщения, т.е. продуктов максимальной компрессии смысла, при этом те и другие функционируют во множественных взаимосвязях, спонтанно формируемых в зависимости от возникающих

потребностей и обеспечивающих неосознаваемый учёт широкого круга выводных знаний и оценок.

За прошедшие сорок лет экспериментального и теоретического исследования произошло некоторое уточнение картины, которая в принципе осталась такой же: индивид адаптируется к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума и под контролем социума. Для этого ему приходится решать множество плохо сформулированных задач на основе расплывчатых множеств, каковыми являются значения слов. Как показывают результаты анализа экспериментальных материалов, индивид переживает воспринимаемое слово как понятное через посредство множества опор разных уровней обобщения: это может быть целостный образ объекта или только отдельный его признак (и даже признак признака) той или иной сенсорной модальности; некоторая модель или схема ситуации с её участниками и даже следствиями или только намёк на неё; некоторая эмоционально-оценочная характеристика переживаемого и многое другое, так или иначе связанное с имеющимся опытом встречи с именуемым объектом или с его именем в различных ситуациях или контекстах. Как бы то ни было, мы способны понимать друг друга (в том числе – при межъязыковых / межкультурных контактах) именно за счёт разнообразия функциональных опор, варьирующихся по своему характеру, по уровню обобщения, степени значимости для определённой культуры или для отдельной личности и т.д., но обеспечивающих выход на образ мира индивида как внутренний контекст, позволяющий постигать смысл воспринимаемого сообщения в условиях естественного семиозиса.

Со временем стало очевидно, что использовавшийся ранее термин «единая информационная база», созвучный теоретическому контексту 1970-х гг., не акцентирует две важных особенности развиваемой концепции слова как достояния индивида, а именно:

- наличие в единой информационной базе человека продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки индивидуального и социального опыта по разным каналам и на различных уровнях обобщения;

- увязывание всех продуктов разнообразного характера в единую сеть связей с возможностью доступа к ним при разных уровнях осознаваемости.

Таким образом, требовался иной термин, позволяющий в используемых ныне именовании акцентировать важнейшие свойства и эвристический потенциал описываемого объекта, что привело к введению словосочетания, в котором первое из названных свойств исследуемого объекта стало именоваться словом *мультимодальный*, второе – словом *гипертекст* (см., например, [Залевская 2014]). Рассмотрим ниже, что именно даёт нам право пользоваться таким словосочетанием и является ли оно просто метафорой для «украшения» текста или выступает в функции отвечающего исследовательским целям научного термина. При этом мы будем исходить из того, что метафорический смысл имеет место, например, в случаях, когда слово обиходного языка становится научным термином или когда термин одной области науки применяется в иной области. В обеих ситуациях главным оказывается то, что используемое слово указывает на некоторый признак (свойство, действие и т.д.), что позволяет увидеть описываемый объект в новом свете или объяснить некоторую связь, закономерность и т.п.

Основания для выбора термина или его составляющих

Для двухсловного термина требуется рассмотреть его компоненты сначала по отдельности, а затем в их сочетании.

Начнём с выяснения того, что может быть названо словом *мультимодальный*. Поиск в сети Интернет выявляет следующие словосочетания, связанные преимущественно с грузоперевозками и логистическими центрами, но также и со статистикой, медициной, техническим устройством, взаимодействием между человеком и техническим устройством и т.д.:

мультимодальные перевозки (грузов);
мультимодальная схема (перевозок);
мультимодальный подход (к лечению боли);
мультимодальная терапия;
мультимодальная поверхность;

мультимодальная система;
мультимодальное распределение (статистика);
мультимодальный транспорт;
мультимодальная сеть (производственных и сбытовых зон);
мультимодальный ридер (прибор для библиотеки);
мультимодальный контейнерный сервис;
мультимодальный таможенный терминал;
национальный мультимодальный оператор (единый центр оказания транспортно-логистических услуг);
мультимодальное взаимодействие (между машиной и человеком с использованием множества разных средств на «входе» и «выходе»).

Во всех приведённых словосочетаниях реализуется общее значение ‘предусматривающий или использующий несколько способов, режимов осуществления’ [[h\[https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный\]](https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный) или ‘having or involving several modes, modalities, or maxima’ <multimodal distributions> <multimodal therapy> [[h\[https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный\]](https://ru.wiktionary.org/wiki/мультимодальный)]. Некоторые словари разграничивают два значения рассматриваемого слова:

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ: от лат. *multum* + *modus* ‘способ’, ‘наклонение’) – 1. характеризующий готовность к различным формам проявления или действий; 2. в статистике – характеризующий распределение величин, имеющее более одной моды [<http://vocabulary.ru/termin/multimodalnyi.html>].

Расширенный поиск выявляет также словосочетание *мультимодальное исследование*, подразумевающее взаимодействие представителей разных наук, что более привычно именуется *междисциплинарным* исследованием. В размещённом в Интернет словаре «Glossary of multimodal terms» [<https://multimodalityglossary.wordpress.com/chain-of-semiosis>] ставится задача рассмотреть термины, используемые при подходе к одному объекту с позиций разных наук, использующих свои термины (multimodal terms), а под *мультимодальностью* понимается междисциплинарный подход, который при исследовании проблем коммуникации и репрезентации не ограничивается только языком, но привлекает также понятия, методы и приёмы анализа зрительных, слуховых, пространственных и т.д. аспектов

исследуемых процессов и взаимоотношений между этими аспектами. Понятие мультимодальности увязывается с задачей описания полного репертуара используемых людьми ресурсов (передаваемых разными средствами репрезентации, в том числе через зрение, слух, жесты, письменный текст и т.д.), обеспечивающих продуцирование значения в разных контекстах. Такие ресурсы должны рассматриваться как включённые в определённые социальные взаимодействия, формирующие разделяемое в некоторой культуре знание, включая принятые нормы и оценки.

В названном выше словаре встречаются ещё два интересных для нас словосочетания: *multimodal literacy* (мультимодальная грамотность) и *multimodal pedagogies* (мультимодальная педагогика), опять-таки с перечислением разнообразных средств и способов решения тех или иных исследовательских или практических задач.

Дополнительный поиск по слову *модальность* приводит к уточнению того, как этот термин понимается в разных науках. В «Большом психологическом словаре» [БПС 2004: 299] указывается, что в литературе по психологии и физиологии этот термин обозначает «принадлежность к определённой сенсорной системе (анализатору)», он используется «для обозначения, характеристики или классификации ощущений, сигналов, стимулов, информации, рецепторов, расстройств».

В он-лайн словаре [<http://psychology.net.ru/dictionariespsy.html?word=517>] *модальность* (от лат. *modus* – ‘способ’) определяется как «одно из основных свойств ощущений, их качественная характеристика (цвет – в зрении, тон и тембр – в слухе, характер запаха – в обонянии и т. п.)». Обратим внимание на следующее уточнение: «Понятие модальности наряду с ощущениями относится и ко многим другим психическим процессам, описывая качественные характеристики когнитивных (познавательных) образов любого уровня и сложности» [там же. Выделено мною. – А.З.].

Высказывается также мнение, что *модальность восприятия информации* может рассматриваться как репрезентативная система – форма восприятия и представления информации в мышлении и памяти [<http://anna-kulik.ru/2175>]. В биологии и медицине *сенсорная модальность* характеризуется как категория испытываемого ощущения, соответствующая органам чувств человека.

В лингвистике термин «модальность» увязывается с лат. *modus* – ‘мера, способ’ и определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [ЛЭС 1990: 303. Разрядка моя. – А.З.]. Обратим внимание на то, что и в этом случае имеется в виду разнообразие характеристик рассматриваемого объекта.

Особый интерес представляет для нас то, что под существительными *полимодальность* / *мультимодальность* может подразумеваться взаимодействие в коммуникации разных знаковых систем, в том числе «набор смыслообразующих средств, используемых человеком (например, визуальных, жестовых, письменных и т.д. в зависимости от области репрезентации)» для создания значения [Ирисханова [http](http://)].

Обобщая приведённые определения отметим, что фактически прослеживается, с одной стороны, широкое понимание мультимодального как связанного с использованием разнообразных средств и способов решения некоторых проблем, а с другой – узкое, ограниченное рамками отдельной науки (например, это традиционно имело место при трактовке мультимодального в психологии, хотя и в этой области прослеживается тенденция выхода за пределы сенсорной системы, см.: [<http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517>]).

Приведённые определения представляются достаточными для вывода, что слово *мультимодальный* в его широкой трактовке может использоваться в составе нового термина как отражающего одну из основных характеристик единой информационной базы человека: имплицитно предполагается возможность взаимодействия различных форм хранения и способов функционирования продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению. Обратим внимание на то, что в данном случае речь идёт не о метафорическом, а о базовом значении слова *мультимодальный*, а именно: ‘предусматривающий или использующий несколько способов, режимов осуществления’.

Перейдём теперь к обсуждению слова *гипертекст*. Не рассматривая историю возникновения этого термина и функционирования его в разных

областях науки, ограничусь констатацией того, что ныне этот термин прочно вошёл в состав словосочетания *электронный гипертекст*, а к числу основных особенностей именуемого относятся: а) наличие огромного количества элементов разных форматов; б) увязывание разнородных вхождений в единую сеть связей по принципу «многие ко многим»; в) наличие индексации, обеспечивающей установление связей по требуемым параметрам. С учётом фактически установившегося в науке широкого понимания термина «текст» представляется оправданным именовать словосочетанием *мультимодальный гипертекст* хранящуюся в памяти тела и разума человека совокупность продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта адаптации к естественному и социальному окружению. Речь в данном случае идёт о базовом принципе увязывания в многократно пересекающуюся сеть связей того, что функционирует как образ мира, внутренний контекст для всего понимаемого и/или продуцируемого человеком.

Не лишним будет и вспомнить, что разработчики формата электронного гипертекста как глобальной сети связей ставили задачу учёта специфики устройства головного мозга человека. Добавим к этому, что выполненное мною многолетнее экспериментальное исследование принципов организации внутреннего лексикона индивида показало множественность разнообразных оснований для связи как на поверхностном уровне форм, так и на глубинном уровне смыслов, т.е. того, что лежит за словом в индивидуальном, общественном и личностном опыте, при этом основаниями / опорами для установления связей (т.е. средствами своеобразной «индексации») могут служить смысловые образования разных уровней обобщения: от признаков признаков до продуктов максимальной компрессии смысла.

Заключение

Предпринятый анализ разноплановых трактовок значения одного и того же слова в составе термина приводит к ряду выводов, к числу которых относятся следующие.

- Одно и то же слово может иметь как широкое (общенаучное или «бытовое») значение, так и узкоспециальное значение, специфичное для разных областей науки или жизни общества.
- Узкоспециальные значения одного и того же слова в составе словосочетаний, конкретизирующих границы его приложения, могут образовывать метафоры и/или переходить в статус фактических омонимов.
- При установлении допустимости использования того или иного термина следует исходить из его способности акцентировать тот или иной признак именуемого, его функцию и т.д., а также имплицировать определенные направления поиска выводных знаний по некоторому набору разнообразных функциональных опор, отвечающих специфике соответствующего категориального поля.

**«РЕФЛЕКСИЯ» И «ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»:
ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Вводные замечания

Для решения задач повышения уровня грамотности речи на любом языке необходимы исследования в области специфики речемыслительного процесса и условий эффективности формирования функциональных опор, обеспечивающих успешность овладения и пользования языком, при этом важно фокусироваться на чувственно-предметных корнях таких опор и на динамике уровней осознаваемости совершаемых действий и операций. Рассмотрим прежде всего некоторые вопросы терминологии, связанные с процессом самокоррекции речевых ошибок, после чего сделаем попытку определить роль осознаваемого и неосознаваемого самоконтроля в речемыслительной деятельности, а также обосновать мультимодальную природу функциональных опор, обеспечивающих разделяемое знание, достаточное для взаимопонимания между общающимися.

Вопросы терминологии,
отражающей суть именуемого

Что же позволяет нам отслеживать правильность вербальной манифестации замысла высказывания при продуцировании речи и схватывать смысл слышимого или читаемого?

При обсуждении речевых ошибок и других вопросов, так или иначе связанных с проблемами продуцирования и понимания речи, обычно фигурируют различные термины, отображающие те или иные особенности рассматриваемых процессов и/или специфику исходных теоретических

позиций дискутирующих авторов, применяемые ими исследовательские процедуры и т.д. Чаще всего при этом используются такие термины, как «рефлексия», «языковое сознание», «метаязыковое сознание», «языковая интуиция», «чувство языка». Из числа англоязычных терминов можно назвать хотя бы следующие: «metalinguistic awareness», «metalinguistic skills», «attentional control». Обратим внимание на то, что до сих пор не выяснено соотношение между составляющими терминологического ряда: «чувство языка – языковая интуиция – рефлексия – языковое сознание – метаязыковое сознание» (см., например, регистрируемые в сети Интернет высказывания по поводу этих терминов). Посмотрим, какие акценты расставляются при использовании некоторых из названных терминов и насколько это отвечает специфике именуемого.

Так, под рефлексией (иногда с уточнением: развёрнутой рефлексией) понимаются:

- процесс самопознания индивидом внутренних психических актов и состояний [НФС 2003: 828];
- размышление о своём внутреннем состоянии [Крысин 1998: 608];
- размышление, полное сомнений, противоречий; анализ собственного психического состояния [НПС 2006: 540];
- мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя, собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к др., своих задач, назначения и т.д. [БПС 2001: 469].

Все приведённые определения ориентируют на совершаемый индивидом *рациональный* процесс, обеспечивающий доступ к некоторому *внутреннему* состоянию, лежащему за вербальной манифестацией того, что не поддаётся прямому наблюдению. К сожалению, при этом абсолютизируется акцент на *рациональности* именуемого процесса, который анализируется как *полностью осознаваемый* и *вербализуемый*, хотя та же самая рефлексия свидетельствует о неполноте осознаваемости и вербализации того, что подспудно учитывается нами в каждом акте вывода на «табло сознания» конечных продуктов ряда взаимодействующих процессов.

Если обратиться к ситуации применения рефлексии в целях исправления речевой ошибки, то авторы нередко переходят на использование

термина «языковое сознание», хотя объём и содержание именуемого понятия до сих пор чётко не определены. Более того, поскольку человек в подобных случаях размышляет о языковых явлениях, имеет место использование языка 2-го порядка, а именно – метаязыка (см.: [ЛЭС 199: 297]; иными словами – проявляется не языковое, а метаязыковое сознание. Но может быть это вовсе не целенаправленное рассуждение / размышление, опирающееся на эксплицитное знание требований системы, нормы и узуса соответствующего языка, а проявление интуиции или того, что называют «чувством языка», которое так или иначе связано с интуицией как *малоосознаваемым эвристическим процессом и его результатами?* [ПЭС: 136].

К акцентированию малоосознаваемости объединения нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры мы ещё вернёмся ниже, а здесь ограничимся выводом, что естественно протекающие у человека интеллектуальные процессы вовсе не сводятся к рациональным и вербализованным, они много сложнее и требуют учёта специфики человека как «целостности», т.е. человек говорящий не может быть только рассуждающим логически и всё осознающим, он также всегда человек чувствующий, переживающий, воображающий, прогнозирующий, сомневающийся, заблуждающийся, ищущий опоры в прежнем опыте познания мира и взаимодействия с окружающей естественной и социальной средой и т.д.

Обращение к дефинициям англоязычных терминов с ключевым словом *awareness* также даёт широкую трактовку именуемых процессов. Сравним, например, дефиниции терминов «*metalinguistic awareness*», «*metalinguistic skills*», «*metalinguistic control*». под ними понимаются:

- когнитивный процесс, благодаря которому человек может отслеживать и контролировать использование языка;
- вид метакогнитивной деятельности, включающий рефлекссию и контроль наших знаний и когнитивных процессов (т.е. способность думать о мышлении);
- способность рассматривать язык как код и отличать его от символического значения;
- способность думать о языке и структуре как объектах рассуждения;

- способность человека подвергать рефлексии свою устную или письменную речь и то, как она используется;
- выход за пределы коммуникации и значения при фокусировании на глубинных структурах;
- осознание языковых форм и структур через язык как объект изучения языка (в науке или обыденной жизни) или как объект научения языку (т.е. овладения родным или новым – вторым / иностранным языком);
- способность идентифицировать референты слов, оппозиции, различать денотативное и коннотативное значение слова, разрешать лексическую неоднозначность, разграничивать омонимы, синонимы и антонимы, отличать сленг, диалекты, жаргоны, видеть различия между официальным языком и обыденной речью, идентифицировать использование разных видов переноса, персонификации и т.д.

Таким образом, понятие *metalinguistic awareness* увязывается с любым случаем пользования языком, опять-таки в ходе осознаваемых действий рассуждения о языковых явлениях как объекте рефлексии, метаязыкового или когнитивного / метакогнитивного процесса. Разграничиваются отслеживание (*monitoring*) и контроль с выходом на глубинные структуры как в ходе научного исследования, так и в ситуациях овладения языком (преимущественно в условиях двуязычия / многоязычия). Признано, что люди различаются по их метаязыковым способностям, высокий уровень развития которых прогнозирует хорошее владение языком и способность усваивать новые языки.

Обратим внимание на то, что в англоязычной литературе описаны результаты детализированного анализа того, что становится объектом метаязыковых процессов: речь идёт о метафонологических, метаорфографических, металексических и метаграмматических (метаморфологических и метасинтаксических) видах контроля и/или навыках.

В некоторых работах речь идёт о когнитивном контроле, увязываемом в первую очередь с вниманием. Так, в [Farmer et al. 2012] детально обсуждается проблема механизмов, обеспечивающих контроль внимания (*attentional / control mechanisms*) с терминологическими или дескриптивными вариациями (*suppression ability, cognitive inhibition, executive function, attentional control*). Уточняется, что в некоторых случаях

эти именованные потенциально указывают на более широкие категории операций или расставляют различающиеся акценты. Во всех случаях главным является понятие эффективно разрешаемой ситуации выбора между конкурирующими или конфликтующими репрезентациями.

Обоснование роли и специфики механизма контроля внимания содержится в публикациях Э. Бялисток (см., например, [Bialystok 2000, 2009]). Так, ссылаясь на результаты исследований ряда авторов, свидетельствующие об активности обеих языковых систем двуязычного индивида при использовании одного из языков, Э. Бялисток [Bialystok 2009] постулирует наличие у билингвов уникального механизма контроля внимания, требующегося для правильного выбора формы, которая не только отвечает всем критериям формы и значения нужного языка, но и составляет часть именно этого языка, а не конкурирующей языковой системы. Для объяснения специфики работы такого механизма Э. Бялисток привлекает нейрокогнитивную сетевую модель продуцирования речи при двуязычии, в соответствии с которой в ситуации выбора языковых средств при продуцировании речи подключаются системы, обычно отвечающие за принятие решения в конфликтных ситуациях, тем самым в работу вовлекаются различные зоны мозга (не только речевые).

В монографии [Kormos 2000] отдельная глава посвящена вопросам мониторинга процессов использования второго языка. Автор обсуждает имеющиеся модели мониторинга процесса продуцирования речи и приводит результаты экспериментальных исследований, преимущественно опирающихся на ситуации самокоррекции ошибок в речи на втором языке. Делается вывод, что механизмы мониторинга процессов использования первого и второго языков во многом сходны, однако недостаточная автоматизация процессов использования второго языка требует уделять внимание исправлению ошибок. Более того, поскольку система знаний второго языка обычно оказывается недостаточно полной, а механизмы продуцирования речи недостаточно автоматизированы, проявляются механизмы коррекции (*repair mechanisms*), которые относительно редко обнаруживают себя в речи на первом языке (например, перефразирование).

Итак, имеет место наличие ряда терминов, с различных сторон отображающих особенности обсуждаемой ситуации; каждый из приведённых терминов к тому же может по-разному интерпретироваться с позиций того

или иного научного подхода. Все эти термины имплицитно подразумевают наличие контроля, некоторые – с определёнными уточнениями: контроль может быть метаязыковым, требующим определённых способностей и/или навыков, он опирается на «чувство языка» или на «метаязыковое сознание». Представляется важным рассмотреть, ограничивается ли контроль в таких случаях именно и исключительно осознаваемыми действиями и являются ли определения «метаязыковое» / «метаязыковой» правомерными и достаточными.

Осознаваемое и неосознаваемое:
принцип взаимодополнительности

При обсуждении первого из поставленных вопросов следует подчеркнуть, что ещё в конце XIX века И.М. Сеченов называл предрассудком, укоренившимся в умах даже образованных людей, представление о том, что интеллектуальная деятельность обязательно сводится к осознаваемому (см.: [Сеченов 1953]). В середине XX века А.Н. Леонтьев объяснил такое заблуждение «иллюзией рефлексии» и указал на постоянную динамику уровней осознаваемости в любом виде деятельности человека [Леонтьев А.Н. 1977]. Известно, что «на табло сознания» попадают только конечные продукты ряда параллельно протекающих процессов, т.е. осмысление языкового явления возможно благодаря опоре рефлексии на продукты неосознаваемой деятельности. Поэтому представляется более оправданным говорить не о метаязыковом сознании / метаязыковом контроле, а о самоконтроле как понятию более высокого уровня обобщения, имея в виду комплексный характер контроля, при котором реализуются взаимодействие и постоянная динамика различных уровней осознаваемости (представим себе хотя бы некоторые образы и цепочки выводных знаний, без неосознаваемого учёта которых не было бы возможным понимание смысла воспринимаемого сообщения).

Как в научном, так и в быденном общении на родном или иностранном языке мы нередко сталкиваемся с ситуацией, в которой обнаруживается, что мы по-разному понимаем какое-то определение, термин, именование некоторого даже вполне обычного предмета или действия, поскольку при внешнем сходстве продуктов вербальной манифестации мы увязываем их с различающимися образами и/или подспудно

воздействующими на восприятие эмоционально-оценочными переживаниями. Это происходит именно за счёт всего того, что имплицитно соотносима с языковыми единицами категориальными полями (с позиций того или иного научного направления), смысловыми полями или идентифицируемыми (также с разных позиций) признаками, отношениями, ситуациями с вытекающими из них следствиями. При необходимости выяснения того, насколько, в какой мере и в каких отношениях наши знания или представления являются разделяемыми с собеседниками, мы меняем фокус внимания, переходим на иной уровень осознаваемости. выводя «на поверхность» то, что ранее учитывалось на уровнях неосознаваемого или бессознательного контроля.

Мультимодальная природа функциональных ориентиров

То, что контроль при пользовании языком может быть метаязыковым, сомнений не вызывает: такое определение является оправданным, поскольку объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлекслируемого происходит с помощью языка второго порядка (см.: выше). Роль раздумий над языковыми явлениями неоднократно подчёркивал Л.В. Щерба [Щерба 1974]. Но является ли обсуждаемый вид контроля исключительно метаязыковым? Некоторые авторы полагают, что контроль должен быть метакогнитивным, но можно ли принять такое определение безоговорочно? Ответ на этот вопрос полностью зависит от принимаемой нами трактовки языка как достояния пользующегося им человека. Если признать, что языковые средства означают что-то не сами по себе, а только за счёт опоры на образ мира и на имеющиеся у индивида цепочки выводных знаний об устройстве мира и о принятых в лингвокультуре способах именовании объектов, действий, ситуаций и т.д., то окажется, что требуется и метаперцептивный контроль, и контроль за социокультурным аспектом ситуации общения и т.д., возможны и какие-то ещё разновидности метаконтроля: перечень только начат, он остаётся «открытым», и каждая область науки о языке, двуязычии, психических процессах, межкультурных контактах и т.д. может добавить свой ракурс видения этой проблемы.

Выше уже говорилось о малоосознаваемости объединения нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие ход и результаты действия интуиции.

Очень важным представляется вывод в книге [Javier 2007] относительно того, что категоризация опыта, получаемого в двуязычной ситуации, и результирующая когнитивная структура добавляет двуязычному индивиду определённые сложности и преимущества, при этом не только на начальном этапе обучения второму языку, но и в течение всей его жизни. Понимание этого феномена затруднено тем, что не весь опыт может кодироваться языковыми средствами, поскольку некоторые виды опыта могут оставаться организованными на довербальном или досимволическом уровне. Это особенно касается опыта, полученного до того как у ребёнка была сформирована символическая функция языка. Обратим внимание на то, что такой вывод хорошо согласуется и с высказанным ранее Н.И. Жинкиным [Жинкин 1982: 83] мнением о формировании смысла до языка и речи и с выводами по исследованиям последних лет (ср. заключение Э. Голдберга [Голдберг 2003] о том, что различные аспекты значения слова распределены в различных областях мозга в тесной связи с теми аспектами физической реальности, о которой идёт речь.

Заключение

Сказанное выше свидетельствует об исключительной сложности обсуждаемых вопросов, для решения которых требуется интегративный подход, способный учесть результаты исследований в разных областях науки о человеке. Некоторые соображения по этому поводу содержатся в Приложении 3.

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ САМОКОНТРОЛЯ
В СВЕТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Вводные замечания

Предлагаемый текст является непосредственным продолжением предшествующих публикаций [Залевская 2015а, 2015б], где были рассмотрены некоторые ошибки в речи на русском языке, обсуждены различные термины, связанные с процессом самокоррекции речевых ошибок, определена роль осознаваемого и неосознаваемого самоконтроля в речемыслительной деятельности человека, обоснована мультимодальная природа функциональных опор, обеспечивающих разделяемое знание, достаточное для взаимопонимания между общающимися.

В частности, по результатам сопоставления дефиниций русскоязычных и англоязычных терминов (в том числе: «рефлексия», «языковое сознание», «интуиция», «мониторинг», «metalinguistic awareness», «metalinguistic skills», «attentional control») было установлено, что имеет место наличие ряда терминов, с различных сторон отображающих особенности обсуждаемой ситуации. Авторы публикаций фактически подходят к этой ситуации с весьма различающихся позиций. Так, можно противопоставить увязываемые с самоконтролем: индивидуальный опыт – социальный опыт; вербальные и невербальные опоры; дискретные вербальные единицы – мультимодальный гипертекст; логическое рассуждение – эмоционально-оценочное переживание; сознательный контроль – бессознательный контроль; алгоритмический поиск – эвристический поиск; фокусирование на форме –

фокусирование на смысле; механическое воспроизведение – активное конструирование; принятие стереотипов – преломление через личностные факторы; опора на знание об объекте – опора на опыт действия с объектом; формальные опоры – функциональные опоры и т.д.

Каждый из рассмотренных терминов к тому же может по-разному интерпретироваться с позиций того или иного научного подхода, но так или иначе имплицитно подразумевает наличие контроля, который может быть метаязыковым, требующим определённых способностей и/или навыков, опирающимся на «чувство языка» или на «метаязыковое сознание», осуществляемым самим индивидом или «со стороны» и т.д. Может иметь место уточнение цели контроля, его вида и формы осуществления, сферы применения, ожидаемых результатов и т.д. Отсюда вытекает актуальность обращения к сути механизма контроля и к проявлениям специфики самоконтроля при овладении и пользовании языком – родным или вторым (иностранном). Однако это требует перехода от обсуждения дефиниций терминов к рассмотрению специфики именуемых этими терминами процессов и используемых при этом стратегий и опор. Поэтому далее речь пойдёт об основополагающем принципе обратной связи, в основе которой в процессах речемыслительной деятельности человека лежит СМЫСЛ, реализация или поиск которого направляет оценку получаемого результата как положительного (принимаемого в качестве соответствующего замыслу) или отрицательного (требующего коррекции).

Контроль в речемыслительной деятельности человека

Б.М. Величковский даёт следующее определение понятия «контроль»:

«В когнитивной психологии, как и в реальной жизни, *контроль* есть проверка соответствия процесса некоторой цели (эталону) и осуществление мер по восстановлению соответствия, если оно оказывается нарушенным. В потенциальном списке таких мер на видном месте находятся разнообразные операции запрета, торможения и подавления, направленные против мешающих достижению цели воздействий» [Величковский 2006: 301].

Суть этого определения можно отобразить с помощью схемы, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Общий ход процесса контроля (по: [Величковский 2006])

Необходимо сделать некоторые уточнения, непосредственно связанные с обсуждением ситуации самокоррекции ошибок в речи, а это требует обращения к той или иной модели речемыслительного процесса. Следует также установить, что именно может выступать в роли «эталона», с которым сопоставляются результаты, получаемые на различных этапах рассматриваемого процесса, чем могут быть обусловлены отклонения от желаемого продукта и т.д. К тому же возникает вопрос: является ли обратная связь полностью осознаваемой?

Для демонстрации роли смысла в речемыслительном процессе ниже (см. рис. 2) приводится модель принципиальной организации речемыслительного процесса, в ходе которого формируется и находит свое внешнеречевое выражение некоторая мысль. Эта модель была представлена ещё в 1977 году в работе [Залевская 1977: 14; воспроизведено: Залевская 2005: 39], но сохраняет свою значимость для обсуждаемых вопросов по следующим причинам, отличающим её от других (в том числе и более поздних) моделей.

Во-первых, посредством выделенных плоскостей, условно разграничивающих различные этапы обсуждаемого процесса, акцентированы получаемые в каждом случае продукты (результаты).

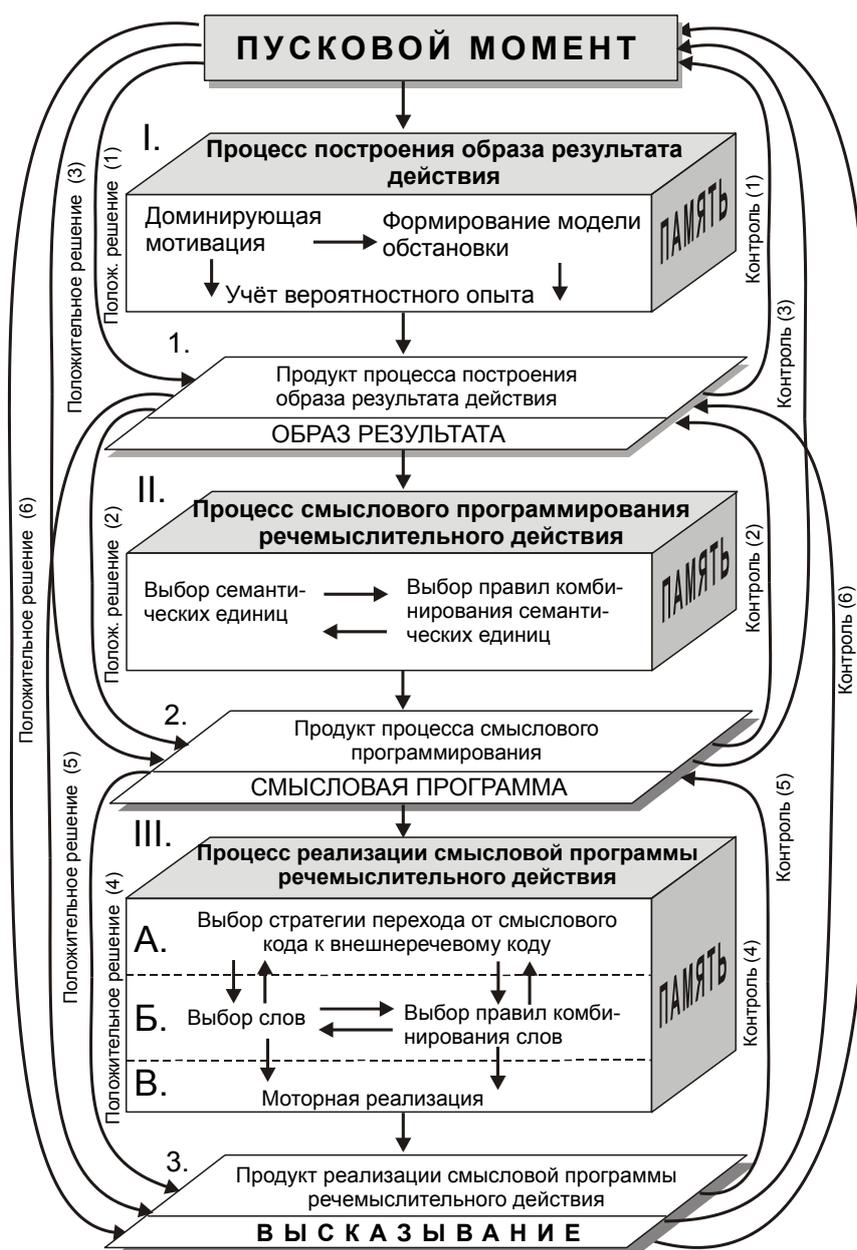

Рис. 2. Модель речемыслительного процесса [Залевская 1977: 13]

Во-вторых, показаны множественные петли обратной связи, каждая из которых может сигнализировать о положительном или отрицательном результате очередного этапа речемыслительного действия.

В-третьих (и это принципиально важно!) внимание фокусируется на роли пускового момента и образа результата речемыслительного действия как направляющих весь ход вербальной манифестации замысла высказывания: именно к ним возвращаются все петли обратной связи.

В-четвёртых, показано, что всё происходит при обращении к единой информационной базе человека – его ПАМЯТИ, из которой черпаются

необходимые для реализации соответствующих процессов опоры и стратегии оперирования ими (без ограничения только вербальными единицами, поскольку единая информационная база трактуется как совокупный продукт переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению).

Обратим внимание на то, что в более позднем исследовании [Залевская 2014; 25] такая трактовка продуктов переработки опыта познания и общения привела к описанию единой информационной базы человека как мультимодального гипертекста («живого знания»), навигация по которому при реализации замысла высказывания направляется определённым набором продуктов максимальной компрессии смысла, благодаря которым оказывается возможным учёт разнообразных выводных знаний, в свою очередь обеспечивающих переживание понятности/непонятности, достоверности/недостоверности, приемлемости / неприемлемости и т.д. того или иного пути реализации замысла высказывания, что хорошо согласуется со спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста, вербально описанной ещё в 1988 г. и представленной в виде рисунка в публикациях, начиная с 1999 г. (см. рис. 3).

Эта модель была разработана почти 30 лет тому назад, поэтому следует внести в неё следующее уточнение: обозначение «картина мира» должно быть заменено на «образ мира», поскольку за это время произошло размежевание терминов «языковая картина мира» и «образ мира» в психолингвистической трактовке. Сама схема сохранена как попытка:

- фокусироваться на преломлении всего, что входит в сферу деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира;
- показать постоянное воздействие факторов внешнего и внутреннего контекста;
- отобразить изначальную взаимосвязь между опорой на прошлый опыт и прогнозированием последующего (в том числе – по линиям и языковым, и энциклопедическим знаниям, и возможных следствий из тех и других);
- указать на возможность различной «глубины» раскрутки гипотетической спирали (до условной «линии горизонта», достаточной

на каждый текущий момент для решения той или иной задачи, например, для достижения консенсуса при общении);

- подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей – условных «срезов») наличие множественных связей (см. стрелки на примерах таких плоскостей) на любом уровне глубины процесса идентификации слова.

Представляется важным особо подчеркнуть, что сочетание моделей, приведённых здесь на рис. 2 и рис. 3, призвано отобразить чрезвычайную сложность взаимодействия множества процессов и их продуктов, функционирующих на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающих индивиду саму возможность «выхода», с одной стороны, на мультимодальный гипертекст предшествующего опыта при идентификации значения слова «для себя», а с другой стороны – для поиска слова как социально принятого средства вербальной манифестации кванта смысла «для других».

Следует отметить, что приведённая на рис. 3 модель полезна также и для обсуждения проблемы разделяемого знания, т.е. нахождения того, что обеспечивает взаимопонимание при общении или понимание читаемого текста: имеет место «раскручивание» гипотетической спирали до такого базового уровня, выше которого знание оказывается слишком обобщённым, абстрагированным, а ниже – излишне дифференцированным и лично «окрашенным» в рамках одной лингвокультуры или специфичным для какой-то из контактирующих культур.

Обратимся теперь к примерам исследований, в которых ставилась задача так или иначе увязать проблему самоконтроля с продуцированием или пониманием речи.

Соотнесение речевых ошибок с различными этапами речемыслительного процесса было предпринято в экспериментальном исследовании А.А. Поймёновой [Поймёнова 1999], фокусирующей на механизмах лексических ошибок в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании вторым или третьим языком.

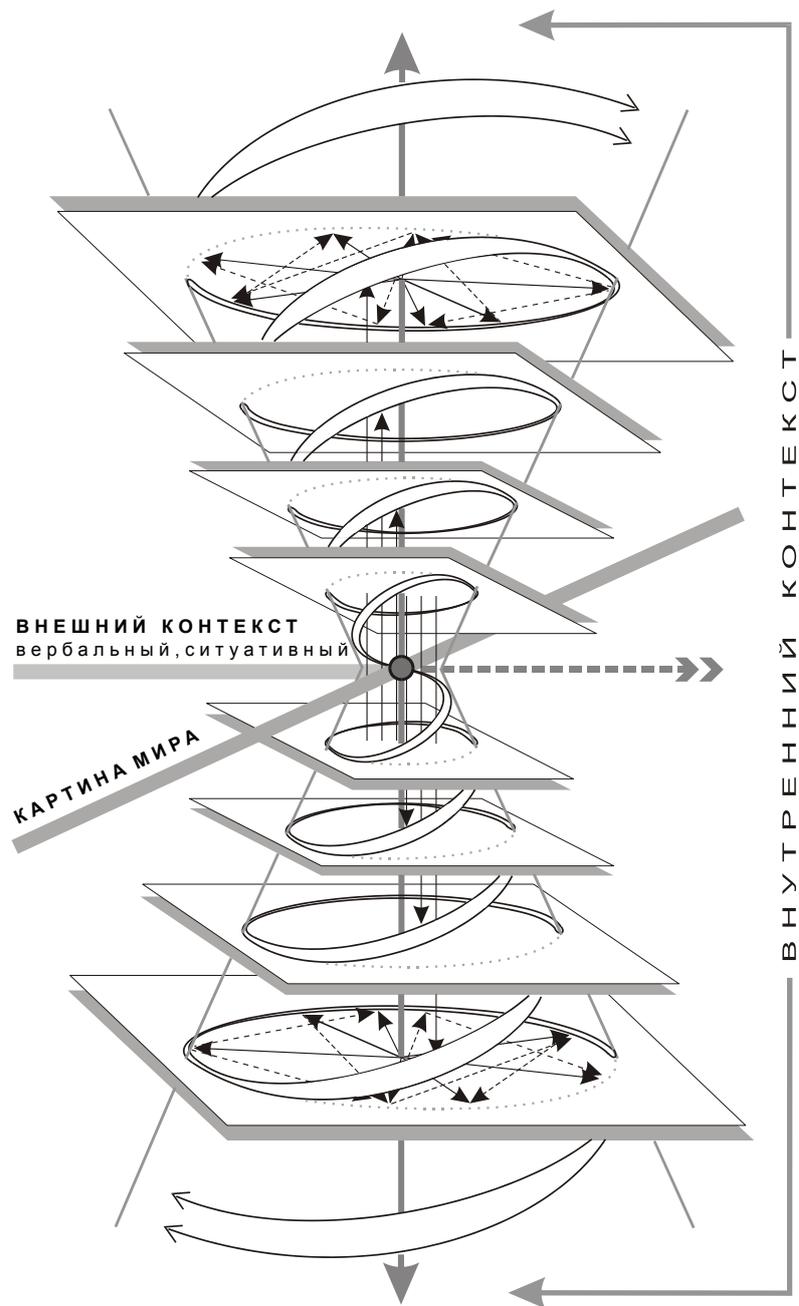

Рис. 3. Спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста
[Залевская 2005: 435]

С опорой на приведённую на рис. 2 модель было высказано предположение, что функционирование стратегий преодоления коммуникативных затруднений обеспечивается необходимостью обратной связи между этапами речепроизводства и сличения результата действия с образом результата действия на каждом этапе при возможности существования более одной речевой реализации одного и того же образа результата деятельности. Разработанная А.А. Поймёновой модель приводится на рис. 4.

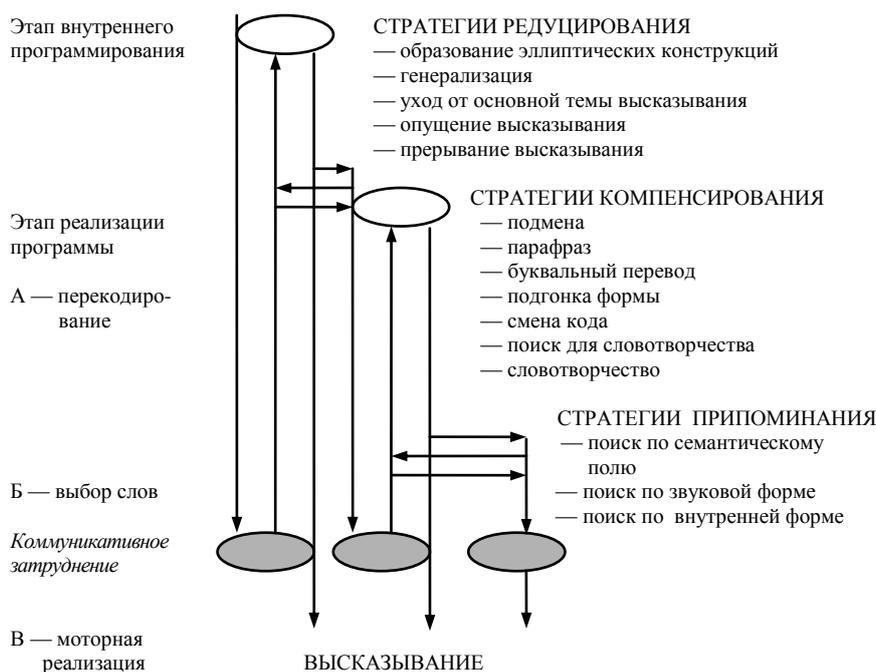

Рис. 4. Стратегии преодоления коммуникативных затруднений [Поймёнова 1999]

А.А. Поймёнова поясняет, что натолкнувшись на невозможность лексикализовать необходимые для адекватной передачи замысла признаки, т.е. убедившись в невозможности создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, субъект через обратную связь возвращается к одному из предшествующих этапов речевой деятельности или остаётся на последнем этапе – этапе поиска слова. Это позволяет предположить, что стратегии преодоления коммуникативных затруднений функционируют на разных этапах реализации замысла высказывания: на этапе смыслового программирования высказывания и на этапе реализации смысловой программы. Поскольку последний, согласно представленной на рис. 2 модели, включает в себя ряд подэтапов, можно говорить также о стратегиях, имеющих место на подэтапе перехода от смыслового кода к внешнеречевому и о стратегиях, имеющих место на подэтапе выбора слов.

А.А. Поймёнова подчёркивает, что эта схема является упрощённой и не отражает многих важных аспектов процессов построения высказывания. Незаштрихованный эллипс на рис. 4 обозначает образ результата действия, соответствующий определённому этапу речевого производства. Первая стрелка,

направленная вниз, символизирует развёртывание первоначальной программы для получения запрошенного результата. Дойдя до последнего этапа реализации программы – выбора слова, пользователь языком упирается в коммуникативное затруднение, возникшее либо в силу временной блокировки слова, либо в силу его отсутствия во внутреннем лексиконе. Не поддающийся реализации образ результата действия обозначен заштрихованным эллипсисом. Возвращение на предыдущие этапы речевой деятельности символизируется стрелкой, направленной вверх. Вторая направленная вниз стрелка отображает вторичную переструктурированную программу действия, которая приводит к преодолению коммуникативного затруднения. Поперечные стрелки, ведущие к «программам действия», обозначают возможность совершения переходов от одного этапа речевой деятельности с типичным для него набором стратегий к другому этапу и другому набору стратегий.

При классифицировании выделенных наборов стратегий А.А. Поймёнова исходит из следующих соображений. Натолкнувшись на невозможность создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, пользователь языком через обратную связь может возвратиться на этап смыслового программирования, где совершит переструктурирование, т.е. выберет для дальнейшего развёртывания иной признак, который мог бы позволить ему в определённой мере донести до адресата основной замысел высказывания и, хотя бы частично, преодолеть коммуникативное затруднение. Поскольку при таком переструктурировании происходит потеря некоторых признаков образа результата речемыслительной деятельности, стратегии подобного типа можно трактовать как стратегии редуцирования (со ссылкой на работу: [Ellis 1986]). Пользователь языком, будучи не в состоянии подыскать во внутреннем лексиконе единицу, соотносящуюся, по его мнению, с актуальными для передачи замысла высказывания дифференциальными признаками, не всегда возвращается на этап внутреннего программирования. Попытка преодолеть коммуникативное затруднение может быть предпринята через возвращение на этап перекодирования, к моменту развёртывания более обобщённых признаков в более дифференцированные. При этом происходит переориентировка на другие дифференциальные признаки, способные донести до адресата сущность ключевого признака, идентифицированного

субъектом. Такие стратегии трактуются как стратегии компенсирования. Стратегии припоминания фигурируют в случаях, когда пользователь языком, натолкнувшись на коммуникативное затруднение, не возвращается на предшествующие этапы речепроизводства, а проявляет настойчивость в поиске некоторой лексической единицы, более или менее подходящей для передачи смысла.

В более раннем исследовании Г.В. Ейгера [1989, 1990] предпринято описание механизма контроля языковой правильности высказывания на основных этапах производства речи, в том числе при овладении иностранным языком. Предлагаемая Г.В. Ейгером трактовка речевых ошибок в соответствии с особенностями работы названного механизма на разных этапах процесса продуцирования речи была в своё время отображена мною в обобщающих схемах, первоначально приведённых в работе [Залевская 1996: 55–56], см. рис. 5 и рис. 6.

Рис. 5. Причины ошибок в ходе программирования речи
(по: [Ейгер 1989, 1990])

С этапом внутреннего программирования Г.В. Ейгер увязывает сбои в работе речевого механизма, которые могут быть объяснены за счёт неверного расщепления «смысловых сгустков» при ориентировании в ситуации, когда требуется разведение субъекта и объекта действия, субъекта действия и самого действия (состояния), субъекта действия и результата действия и т.д. К названным на рис. 5 причинам ошибок по линии выделения в соответствии с замыслом предметов и связей между ними можно добавить и не упомянутый Г.В. Ейгером случай смешения субъектов разных действий, который можно проиллюстрировать примерами типа: **Будучи девочкой, отец уделял мне мало внимания* (из радиопередачи).

Эта схема показывает также, что неизбежная на данном этапе «скомпрессованность» действий как исходный момент ситуативно-смыслового синтаксирования требует, чтобы при переходе от симультанного, целостного образа ситуации к внутренним схемам производились разбивка предложений, их развёртывание, конкретизация причинно-следственных, временных и прочих отношений и связей: именно этого не произошло в приведённом выше примере, свидетельствующем о параллельности функционирования процессов, которые обозначены обеими ветвями схемы. Условность разграничения этих процессов, их взаимообусловленность и взаимозависимость показаны на рис. 5 посредством двунаправленных стрелок, что отличается от частично соотносимых с этим рисунком схем в работах Г.В. Ейгера [1989; 1990].

Рис. 6. Виды ошибок в ходе реализации программы высказывания (по: [Ейгер 1989: 24; 1990: 64])

При рассмотрении этапа реализации программы (см. рис. 6) Г.В. Ейгер учитывает, что процессы синтаксирования и лексического наполнения могут протекать последовательно, параллельно и накладываться друг на друга.

В качестве примеров сбоев на этом этапе Г.В. Ейгер рассматривает контаминацию как ненормативное соединение в результате интерференции компонентов двух (реже – более чем двух) конструкций, обладающих определённым формальным и семантическим сходством, и семантическую индукцию, при которой одно слово заимствует способ сочетаемости у другого или других семантически близких слов, в результате чего само это слово не искажается, но возникает ненормативное сочетание слов.

Следует подчеркнуть, что Г.В. Ейгер объясняет анализируемые им ошибки с учётом совокупности последовательно осуществляемых операций поиска и извлечения языковых единиц из памяти, а также через действие резонансного механизма, обуславливающего, например, образование контаминированных структур на основе разнообразных комбинаций простых и/или сложных признаков. Заметим также, что Г.В. Ейгер с опорой на результаты предпринятого им экспериментального исследования показывает пути и возможности формирования механизма контроля языковой правильности высказывания в ходе обучения иностранному языку.

Не имея возможности обсуждать здесь более поздние экспериментальные исследования, так или иначе проливающие свет на функционирование механизма самоконтроля при продуцировании речи или понимания текста на родном или иностранном языке (см., например, [Воскресенский 2007; Ищук 2009; Корниевская 2012; Мохамед 2000; Рафикова 1999; Саркисова 2014; Соловьева 2006; Чернышова 2010]), ограничусь замечанием, что в последнее время лишь отдельные исследователи обращаются к глубинным основаниям речемыслительного процесса, обеспечивающим результат речемыслительного действия (см., например, работы Е.Ю. Мягковой [Мягкова 2006, 2013]). Однако представляется, что именно рассмотрение природы «смысловых сгустков» (по Г.В. Ейгеру) или «образа результата речемыслительной деятельности» (по модели, приведённой на рис. 2) и разностороннее исследование стратегий и опор при «расщеплении» смысловых сгустков или навигации по

мультимодальному гипертексту в ходе реализации замысла высказывания могут в конечном итоге привести к практическим рекомендациям относительно оптимальных путей исправления речевых ошибок и/или их предотвращения. Несомненно, для реализации такой задачи требуются соответствующая теория значения слова, ориентированная на «живое знание», а также согласующиеся с такой теорией исследовательские процедуры.

Особенности самоконтроля как естественного процесса

Итак, функционирование самоконтроля как естественно протекающего процесса обеспечивается сформированным в филогенезе механизмом обратной связи, посредством которого производится сопоставление результатов разных этапов речемыслительного процесса с задаваемым или искомым смыслом при параллельном протекании ряда взаимодействующих процессов и воздействии множества внешних и внутренних факторов.

Представляется важным рассмотреть, ограничивается ли контроль в таких случаях именно и исключительно осознаваемыми действиями. При обсуждении поставленного вопроса следует подчеркнуть, что ещё в конце XIX века И.М. Сеченов называл предрассудком, укоренившимся в умах даже образованных людей, представление о том, что интеллектуальная деятельность обязательно сводится к осознаваемому (см.: [Сеченов 1953]). В середине XX века А.Н. Леонтьев объяснил такое заблуждение «иллюзией рефлексии» и указал на постоянную динамику уровней осознаваемости в любом виде деятельности человека [Леонтьев А.Н. 1977]. Известно, что «на табло сознания» попадают только конечные продукты ряда параллельно протекающих процессов, т.е. осмысление языкового явления возможно благодаря опоре рефлексии на продукты неосознаваемой деятельности. Представляется оправданным говорить о самоконтроле как понятию, подразумевающим комплексный характер контроля, при котором реализуются взаимодействие и постоянная динамика различных уровней осознаваемости (представим себе хотя бы некоторые образы и цепочки выводных знаний, без неосознаваемого учёта которых не было бы возможным понимание смысла воспринимаемого сообщения).

Как в научном, так и в обыденном общении на родном или иностранном языке мы нередко сталкиваемся с ситуацией, в которой обнаруживается, что общающиеся по-разному понимают какое-то определение, термин, именование некоторого даже вполне обычного предмета или действия, поскольку при внешнем сходстве продуктов вербальной манифестации мы увязываем их с различающимися образами и/или подспудно воздействующими на восприятие эмоционально-оценочными переживаниями. Это происходит именно за счёт всего того, что имплицитно соотносима с языковыми единицами категориальными полями, смысловыми полями или идентифицируемыми (с разных позиций) признаками, отношениями, ситуациями с вытекающими из них следствиями. При необходимости выяснения того, насколько, в какой мере и в каких отношениях наши знания или представления являются разделяемыми с собеседниками, мы меняем фокус внимания, переходим на иной уровень осознаваемости. выводя «на поверхность» то, что ранее учитывалось на уровнях неосознаваемого или бессознательного контроля.

Аналогичная ситуация перехода на уровень осознаваемости имеет место в ходе продуцирования речи, когда сигнал несоответствия или неполного, недостаточного соответствия замыслу высказывания, поступающий с уровня неосознаваемого контроля, побуждает нас заменить неудачно выбранное слово, а в некоторых случаях – и переформулировать структуру высказывания, поскольку требуемое слово в неё не вписывается. Такая ситуация эксплицируется при исправлении ошибок в речи на иностранном языке, когда сигнал о несоответствии поступает от преподавателя, нередко указывающего не только на факт наличия ошибки, но и на её характер (например: артикль, предлог и т.д.). Фактически то же самое происходит и по мере овладения первым языком, когда окружающие исправляют речевые ошибки ребёнка, однако, к сожалению, современные молодые родители не только не уделяют достаточного внимания объяснению того, почему нельзя как-то сказать или как лучше сказать о чём-то, но, более того, сами не замечают допускаемые неточности или нарушения правильности речи. Удивительно, но даже студенты, обучающиеся по филологическим специальностям, в проводимых исследованиях не идентифицируют такие ошибки, как неверное определение

места «не только» в структуре высказывания или смешение субъектов разных действий, ср., например:

**Композитор Россини сочинял не только музыку, но и придумывал новые кулинарные рецепты (из радиопередачи).*

**Отработав горничной один год, услуги королеве становятся в три раза дороже (из телепередачи).*

То, что контроль при пользовании языком в принципе является метаязыковым, сомнений не вызывает: такое определение является оправданным, поскольку объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлекслируемого происходит с помощью языка «второго порядка», т.е. языка описания естественного языка как рассматриваемого объекта. Но является ли обсуждаемый вид контроля исключительно осознаваемо-метаязыковым? Некоторые авторы полагают, что контроль должен быть метакогнитивным, но можно ли принять такое определение безоговорочно? Ответ на этот вопрос полностью зависит от принимаемой нами трактовки языка как достояния пользующегося им человека. Если признать, что языковые средства означают что-то не сами по себе, а только за счёт опоры на образ мира и на имеющиеся у индивида цепочки выводных знаний об устройстве мира и о принятых в лингвокультуре способах именовании объектов, действий, ситуаций и т.д. (а это происходит при взаимодействии всех видов психических процессов), то окажется, что требуется и метаперцептивный контроль, и контроль за социокультурным аспектом ситуации общения и т.д., возможны и какие-то ещё разновидности метаконтроля: перечень только начат, он остаётся «открытым», и каждая область науки о языке, двуязычии, психических процессах, межкультурных контактах и т.д. может добавить свой ракурс видения этой проблемы. Фактически именно это происходит, когда предпринимается анализ языковых явлений с позиций разных языковых уровней, многообразных научных подходов и т.п. Однако при возможности анализа различных аспектов рассматриваемого феномена необходимо помнить о том, что при научном описании лишь моделируется исследуемый объект со связанными с ним процессами: мы строим гипотезы относительно того, что не поддаётся прямому наблюдению; убедительность таких гипотез должна достигаться не столько логическими рассуждениями, сколько их проверкой с использованием подходящих для этого процедур. В

отношении самоконтроля в речемыслительной деятельности представляется несомненным, что носитель языка действительно учитывает описываемые лингвистикой закономерности, однако делает это в результате «своеобразной переработки речевого опыта» (в терминах Л.В. Щербы), в ходе которой формируются имеющие комплексную природу функциональные опоры, благодаря которым оказывается возможным посредством относительно стабильной дискретной языковой единицы «выходить» на широчайшую и принципиально нестабильную сеть мультимодальных связей, позволяющих переживать понимаемое при взаимодействии тела и разума, логики и воображения, беспристрастности и эмоционально-оценочных приоритетов и т.д. Иначе говоря, прямое наложение на процессы пользования языком системно-структурных закономерностей, выводимых из чисто рациональных научных описаний языковых явлений, которые якобы означают нечто «сами по себе», чревато опасностью принимать желаемое за действительное. Не случайно, от отождествления научных абстракций и обобщений с реальным функционированием языка неоднократно предостерегали отечественные языковеды: А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба и др.

В связи со сказанным выше представляется оправданным сослаться на приводившуюся в главе 2.3 таблицу, с помощью которой сопоставлены два пути получения знания: дискурсивный (в данном случае – научный) и интуитивный (т.е. используемый индивидом в процессах познания и общения при адаптации к естественному и социальному окружению, в том числе – и при «своеобразной переработке речевого опыта», по Л.В. Щербе).

Несомненно, строгое противопоставление таких путей познания является очередной научной абстракцией, поскольку в реальной жизни имеет постоянное взаимодействие анализа и синтеза сравнения и классификации, протекающих независимо от нашей воли и сознания (по И.М. Сеченову), однако то и дело оказывается необходимым фокусироваться на каком-то признаке или признаках одной модальности, последовательно рассуждая и осуществляя поиск по выработанному в опыте алгоритму. Точно так же невозможно строго разграничить процессы оперирования значением слова «для себя» и «для других»: это связано с двойственной позицией пользующегося языком/речью субъекта, ибо человек существует в двух ипостасях: он всегда и говорящий, и слушающий (в том числе – сам себя),

самоконтроль в обоих направлениях «работает» по принципу взаимодополнительности.

Особо подчеркнём малоосознаваемость объединения нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие ход и результаты действия интуиции. В этой связи очень важным представляется вывод в книге [Javier 2007] относительно того, что категоризация опыта, получаемого в двуязычной ситуации, и результирующая когнитивная структура добавляют двуязычному индивиду определённые сложности и преимущества, при этом не только на начальном этапе обучения второму языку, но и в течение всей его жизни. Понимание этого феномена затруднено тем, что не весь опыт может кодироваться языковыми средствами, поскольку некоторые виды опыта могут оставаться организованными на довербальном или досимволическом уровне. Это особенно касается опыта, полученного до того как у ребёнка была сформирована символическая функция языка. Обратим внимание на то, что такой вывод хорошо согласуется и с высказанным ранее Н.И. Жинкиным [Жинкин 1982: 83] мнением о формировании смысла до языка и речи и с выводами по исследованиям последних лет (ср. заключение Э. Голдберга [Голдберг 2003] о том, что разные аспекты значения слова распределены в различных областях мозга в тесной связи с теми аспектами физической реальности, о которой идёт речь). Добавлю, что ещё до этого Э. Бялисток [Bialystok 2009] высказывала предположение, что при двуязычии задействуются не только речевые зоны головного мозга.

Данные такого рода дали основания для обсуждения идеи двойной жизни значения слова и далее – для разработки интерфейсной теории значения слова (см.: [Залевская 2012, 2014]), согласно которой значение слова выступает инструментом, опосредующим звеном между функционирующим в социуме словом и тем, что увязано в памяти индивида колоссальной сетью связей между продуктами перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения; навигация в таком «живом» мультимодальном гипертексте направляется топами (о теории топов см.: [Садикова 2015, 2017]), которые (в моей трактовке) представляют собой продукты максимальной компрессии смысла, развёртываемого до уровня, соответствующего замыслу высказывания, при

неосознаваемом учёте широкого круга цепочек выводных знаний, образующих внутренний контекст и подтверждающих вероятную достоверность именуемого (ср. с эвиденциальной теорией выводного знания: [Голубева 2006, 2018]).

Обратим внимание на то, что названные проблемы, как и приводимые в этой публикации рисунки, «выросли» из наблюдений, сделанных при обработке материалов моих первых ассоциативных экспериментов ещё в 1960-е годы. Согласно полученным данным, были сделаны выводы о том, что:

1) участники эксперимента прежде всего пытаются самим себе уточнить, что означает идентифицируемое слово, и в то же время для других засвидетельствовать, что они поняли слово так, а не иначе;

2) такие уточнения реализуются с использованием определённых стратегий и опор;

3) при отсроченном воспроизведении предъявлявшихся в эксперименте слов испытуемые нередко производят смысловые замены или тематические «подмены» и «приписки», в значительной мере повторяющие средства идентификации слов «для себя», главное – демонстрирующие продукты перевода слов на смысл, т.е. в памяти сохраняется не столько словоформа, сколько то, что с ней увязывается в индивидуальном опыте познания и общения (см. подробно: [Залевская 1990]).

Совокупность таких наблюдений в своё время дала основания для проверки гипотез о существовании ядра лексикона индивида и его роли в познании и общении, об использовании разного рода стратегий и опор в процессе идентификации слова родного языка или иноязычного слова и т.п., а также для углублённого исследования процессов извлечения смысла из текста и реализации смысла в тексте. Проверка таких гипотез и дальнейшая разработка психолингвистической теории слова как достояния индивида были реализованы в ряде докторских (И.Л. Медведевой, 1999; Н.В. Мохамед, 2000; Т.М. Рогожниковой, 2000; Т.Ю. Сазоновой, 2000; С.И. Тогоевой, 2000; С.В. Лебедевой, 2002; Н.О. Золотовой, 2005; С.А. Чугуновой, 2009; Н.И. Кургановой, 2012) и во многих кандидатских диссертаций моих учеников и далее – их собственных учеников. Совокупность полученных результатов убедительно свидетельствует о правомерности намеченного ещё в 1960-е гг. разграничения двух названных направлений самоконтроля при естественном

функционировании языка. Основания для объяснения этого феномена фактически содержатся во втором издании учебника «Введение в психолингвистику» [Залевская 2007], где разграничивается ряд двойственных функций значения слова как достояния индивида, а также в книге о двойной жизни значения слова [Залевская 2012]. В используемых ныне терминах, речь идёт, во-первых, об идентификации воспринимаемого слова «для себя» как подтверждении правильности нахождения опор в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта; во-вторых, о том, что при продуцировании речи поиск идёт от компрессии смысла к именованию кванта разделяемого знания, т.е. в направлении «для других». Тем не менее, поскольку один и тот же индивид выступает и говорящим, и слушающим, оба направления, скорее всего, функционируют во взаимодействии, на что уже было указано ранее.

Сказанное выше имеет непосредственную связь с проблемой самоконтроля речи: необходимы функциональные опоры речемыслительного действия, выводящие на переживание смысла как образа ситуации со всеми её характеристиками. Так, многие поколения носителей русского языка контролировали невозможность смешения разных субъектов действий с опорой на бессмертный чеховский образ шляпы, проезжающей мимо станции. Почему же теперь диктор телевидения может позволять себе высказывания типа: **Придя в школу, электронное устройство зафиксировало его приход* (ср. с «шедевром» из шокльного сочинения; **Сидя на лавочке, ко мне подошла бабушка*). Прискорбно, но подобные ошибки становятся всё более распространёнными. Видимо, современное школьное образование в сочетании с результатами общения в Сети приводит к утрате эйдетических возможностей людей, у которых атрофируется способность к переживанию смысла с опорой на конструирование наглядных образов (хотя бы образа той самой бабушки, которая ухитряется подходить к кому-то не как-нибудь, а именно «сидя на лавочке»!).

Заключение

Итак, мы выяснили, что самоконтроль как проявление принципа обратной связи может быть либо полностью осознаваемым целенаправленным процессом (в этом случае его можно называть

автомониторингом), либо малоосознаваемым естественным процессом, спонтанно протекающим при динамике разных уровней осознанности при возможности выведения на «табло сознания» продуктов речемыслительного процесса, подтверждающих успешность реализации заданного смысла или сигнализирующих о наличии рассогласования по некоторому признаку и о необходимости возвращения на предшествующий этап (или этапы) процесса для исправления допущенной ошибки.

Формирование опор для самоконтроля, скорее всего, осуществляется при взаимодействии следующих двух путей:

1 – через переработку перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта познания и общения в ходе адаптации к естественному и социальному окружению. При этом посредством постоянно протекающих неосознаваемых процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации у ребёнка начинают формироваться функциональные опоры, смысловую основу которых составляют чувственные переживания и базирующиеся на них обобщения, увязываемые с принятыми в социуме именованиями;

2 – через воздействие окружающих и целенаправленное обучение с фокусированием на принятых в культуре нормах поведения (в том числе – речевого). При этом решающая роль принадлежит формированию «петель обратной связи» сначала как инструмента осознаваемого контроля, а далее – как функциональной опоры бессознательного контроля,

Взаимодействие названных путей формирования самоконтроля в идеале должно обеспечивать совокупный эмерджентный продукт – систему опор, позволяющую на уровне неосознаваемого контроля направлять ход речемыслительного процесса в соответствии с замыслом высказывания. Особую роль в формировании таких опор, несомненно, играют эмоционально переживаемые ситуации, позволяющие в дальнейшем успешно конструировать мысленные образы, увязываемые с определёнными речевыми моделями.

Научное издание

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна

**ВОПРОСЫ
ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА**

Монография

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 78.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении
Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63.